

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 2/2015

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), директор Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН

Караваева И.В. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, первый заместитель директора Института экономики РАН

Сенчагов В.К. – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра финансовых исследований Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ

Тихонков К.С. – доктор экономических наук, первый заместитель генерального директора Международного института исследования риска

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2015

Журнал «Вестник Института экономики РАН» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713
(для индивидуальных подписчиков)

Редакционная коллегия:

Шацкая И.В., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);

Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);

Смотрницкая И.И., доктор экон. наук;

Дерябина М.А., канд. экон. наук;

Грибанова О.М.,

Татевосян И.Г.

**Журнал «Вестник Института экономики РАН»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN – 2073-6487

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Буздалов И.Н.

Для устойчивого сельского развития нужна новая стратегия
аграрной политики 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Дерябина М.А.

Современные проблемы управления в научном наследии
Б.З. Мильнера 21

Стрижкова Л.А.

Влияние внешних и внутренних факторов на инфляционные
процессы в России 37

Савченко П.В., Федорова М.Н., Шлихтер А.А.

Эндаумент как институт социальных инвестиций. 52

Саралидзе А.М.

Развитие федеративных отношений как фактор углубления
интеграции региональных социально-экономических систем. 64

Филатов В.И.

Импортозамещение и формирование новой модели
экономического роста российской экономики 76

Казанников А.А.

Устойчивое развитие агропродовольственной системы
как социальный и рыночный императив. 87

Шацкая И.В.

Особенности трансформации системы подготовки
профессиональных кадров. 95

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Осипов В.С.

Политическая экономия санкций: предмет и метод 102

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Шабалин А.О.

Динамика государственного и корпоративного долга России
в условиях экономических санкций. 116

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Сухарев О.С.

Экономический рост и технологические изменения:
глобальные тенденции 131

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Соловьев М.М.

Проблемы и вызовы нефтяной отрасли России в XXI веке 147

Фоминых К.С.

Отношение к индексу научного цитирования со стороны
научного сообщества 155

Карелина Е.А.

Особенности социально-экономического развития
КНР в XXI веке 162

Налесная Е.Е.

Стратегическое управление рисками инвестирования в
объекты интеллектуальной собственности в металлургической
отрасли 167

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В.

Институт экономики РАН в 2014 году 177

Кольчугина А.В.

Малые города: проблемы и перспективы социально-
экономического развития. 187

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Гордеев В.А.

К развитию без кризисов, если это возможно...
О книге Бондаренко В.М. «Бескризисное развитие: Миф или
реальность?». 193

Требования к рукописям 199

CONTENTS

ACTUAL TOPIC

Buzdalov I.N.

A new strategy of the agrarian policy for sustainable rural development is necessary 7

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Deryabina M.A.

The contemporary issues of management in the scientific B.Z. Milner's heritage 21

Strizhkova L.A.

The influence of external and internal factors on inflation processes in Russia 37

Savchenko P.V., Fyodorova M.N., Shlikhter A.A.

Endowment as an institute for social investments 52

Saralidze A.M.

Development of federal relations as an important factor in deepening of the regional socio-economic systems integration 64

Filatov V.I.

Import substitution and formation of a new economic growth model in the Russian economy 76

Kazannikov A.A.

Sustainable development as a social agro-food system and market imperative 87

Shatskaya I.V.

Features of transformation of professional staff preparation system 95

THE QUESTIONS OF ECONOMIC THEORY

Osipov V.S.

Political economy of sanctions: subject and method 102

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Shabalin A.O.

Dynamics of Russia's public and corporate debt in the condition of economic sanctions 116

WORLD ECONOMY

Sukharev O.S.

Economic growth and technological changes: global tendencies 131

YOUNG SCIENTISTS' PUBLICATIONS

Solovyov M.M.

The issues and the challenges for Russian oil industry
in the XXI century..... 147

Fominykh K.S.

Social sciences community attitude towards science citation index. 155

Karelina E.A.

The features of the socio-economic development of China
in the XXI century..... 162

Nalesnaya E.E.

Approaches to strategic risk management of investment
in innovative products and intellectual property in metallurgical
branch..... 167

SCIENTIFIC LIFE

Zelenoborskaya L.V.

The Institute of economics of the Russian Academy of sciences
in 2014. 177

Kolchugina A.V.

Small cities: the issues and the prospects of socio-economic
development 187

ONTO THE BOOKSHELF

Gordeev V.A.

To the non-crisis development, if it is possible...
About the V.M. Bondarenko's book Non-crisis development:
Myth or reality?..... 193

Requirements to manuscripts 199

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

И.Н. БУЗДАЛОВ

академик РАН, главный научный сотрудник Института экономики РАН

ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ НУЖНА НОВАЯ СТРАТЕГИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Современное социально-экономическое положение в российском селе характеризуется проявлениями глубокого системного кризиса. В контексте стратегии устойчивого развития, использования прогрессивного зарубежного опыта для ее практической реализации обосновываются направления и механизмы преодоления негативных тенденций в производственной, социально-трудовой, природоохранной сферах сельского хозяйства. Указываются необходимые для этого радикальные изменения в аграрной политике и в государственном управлении.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический рост, сельская социальная сфера, интенсификация сельского хозяйства, окружающая среда, аграрная политика.

JEL: Q100, Q170, Q180.

В 2010 г. Правительство РФ утвердило Концепцию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., а 2 февраля 2015 г. – Стратегию устойчивого развития сельских территорий РФ до 2030 г. Между тем на практике недостатки концептуальных подходов к проблеме устойчивого развития, слабость сельского ресурсного потенциала, прежде всего земельного и трудового, диктуют необходимость более предметного рассмотрения научных и прикладных аспектов данной проблемы в контексте анализа реального социально-экономического положения в отрасли.

О концепции устойчивого развития

Термин «устойчивое развитие» впервые был использован на Всемирной конференции по окружающей среде, состоявшейся в 1972 г. в Стокгольме и введен в научный оборот Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 г. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро этот термин был использован в качестве названия «новой концепции существования

человечества». Научное понятие «устойчивое развитие» трактовалось широко, как развитие, которое «удовлетворяет потребности людей настоящего времени и не угрожает удовлетворению потребностей будущих поколений». В концепции устойчивого развития, правда, выделялись конкретизирующие это определение принципы согласования экономической, социальной, экологической сторон этого развития. Но это не устраняет широты, «размытости» формулировки и вольностей в использовании понятийного аппарата. Придерживаясь строго научного метода использования понятийного аппарата, многие исследователи (акад. Н.Н. Моисеев и др.) считают концептуально уязвимыми понятие «устойчивое развитие», а также взаимоисключающих терминов, акцент на их статику в отличие от динамической сущности термина «развитие».

Хотя к настоящему времени сложился в целом теоретико-методологический подход к концепции устойчивого развития, получивший признание в научном сообществе и зафиксированный в документах официальных решений, все же *нет пока* общепринятого определения понятия развития как устойчивого. Встречаются определения, претендующие на оригинальность и новизну. Так, Всемирный банк рассматривает устойчивое развитие как «управление совокупным капиталом общества в интересах сохранения и преумножения человеческих возможностей». По мнению А.Д. Урсула, устойчивое развитие это «управляемое системно сбалансированное развитие, не разрушающее окружающую природную среду и обеспечивающее выживание и неопределенно долгое существование человечества». Исследователи поспешили трансформировать незавершенную конструкцию в еще более усложненную надстройку в виде «новой социально-экономической парадигмы устойчивого развития», или, в формулировке А.Г. Агэнбеяна, «новой парадигмы социально-экономического роста».

Однако количественное увеличение, например, рост урожайности, может достигаться за счет истощения почвенного плодородия, т.е. регресса, противоположного понятию развитие. Многие другие показатели экономического роста, равно как и экономической эффективности, часто обеспечиваются за счет нарушения окружающей среды, подрыва ее естественного потенциала. Развитие же предполагает обновление, прогрессивные качественные изменения социально-экономической системы, в частности, применения и совершенствования научно-обоснованной системы ведения сельского хозяйства.

Наиболее распространенной «расшифровкой» понятия устойчивого развития является его трактовка как «стабильного» развития. В частности, упомянутая выше Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 года определяет эту устойчивость как «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий». Это полная тавтология, т.к. слова устойчивость

и стабильность – синонимы, отражающие неизменность, статику, неподвижность, поддержание достигнутого количественного и качественного состояния.

Под общий замысел стратегии устойчивого развития больше подходит понятие «динамичное развитие». Однако в таком, поступательном прогрессивном по своей сущности развитии существуют пределы, обусловленные оптимизацией удовлетворения потребностей, спроса на количественные результаты производства. Примером достижения такого предела, в частности, служит обусловленное превышением предложения над спросом сокращение посевных площадей, введение разного рода ограничительных квот в странах, где доминирует такая модель, или стратегия развития, базирующаяся на системных качественных преобразованиях всех факторов производства, всего социально-экономического процесса.

Овладение такой стратегией – безальтернативная гарантия перехода России в разряд современных развитых стран с высокоинтенсивным, социально обустроенным, всесторонне модернизированным сельским хозяйством. Глубокие прогрессивные перемены в этом направлении, следуя историческим достижениям развитых стран и современного Китая, нужно в приоритетном порядке начинать именно с системных аграрных преобразований в рамках адекватной аграрной и общей экономической политики.

К сожалению нынешняя почти неограниченная российская «вертикаль» власти увлеклась другими приоритетами. Непомерно, в т.ч. под видом мнимых угроз, наращиваются вооружения, щедро оплачиваются грандиозные спортивные форумы, новое «собрание» земель. Управляющие этой вертикалью с излишней расточительностью тратят на эти приоритеты многие миллиарды общенародных денежных средств, так необходимых для подъема реального сектора экономики, уровня и качества жизни людей – основополагающей производительной силы устойчивого социально-экономического развития страны. Результатом таких увлечений стало не только углубление и без того затяжного аграрного кризиса, но и вовлечение села в орбиту системного кризиса всей российской экономики с неизбежным падением уровня жизни россиян, особенно сельских жителей.

Современное российское село в контексте концепции устойчивого развития

Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия) преследует цель, помимо достижения общего «стабильного социально-экономического развития сельских территорий», обеспечить «увеличение объема про-

изводства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель». В конкретные целевые показатели Стратегии включены и показатели экономического роста, прежде всего количественное увеличение произведенной продукции¹. В отчете Правительства РФ на заседании Государственной думы 22.04.2014 г. в качестве основного аргумента в пользу благополучия в сельском развитии приводились данные о росте объема сельскохозяйственного производства в 2013 г. на уровне 6% (это при том, что в целом по экономике рост не превысил 1%). Не уточняется, однако, что этот год был благоприятным для урожаев по милости природы, а объем продукции животноводства упал на 2,2%. Сопоставление по периодам, включая данные 2014 г., как научный метод сравнительного анализа в сельском хозяйстве, фактически свидетельствует о стагнации производства, а в сочетании с другими социально-экономическими показателями – о регрессе, глубоком системном аграрном кризисе. Если же оценивать положение на селе по данным роста производства продукции в 2013 г., то соответствующий показатель был почти на 12% ниже уровня 1990 г. По многолетним периодам с начала реформ основной прирост (на 23,7%) был достигнут в отраслях растениеводства. Как показывает анализ негативных процессов в использовании земельных угодий, он получен за счет истощения почвенного плодородия, животноводство же продолжает оставаться в серьезном провале (66,4% к уровню 1990 г.).

Не убеждает и эйфория властей по поводу якобы успешного развития сельского хозяйства, подкрепляемая ссылками на экспорт отдельных видов продукции, прежде всего зерна (в среднем за последние годы на уровне около 15 млн т). Соответствующие показатели, прежде всего зерновой флюс на фоне провала в животноводстве, особенно мясомолочном, свидетельствуют о крайней диспропорциональности отраслевой структуры аграрного сектора. Зерно экспортировалось и в период военно-феодальной эксплуатации российского крестьянства конца 20-х – начала 30-х годов XX в., сопровождавшейся бескормицей скота и голодом самих крестьян. При нынешних перекосах в аграрной структуре и общем отставании в развитии, особенно животноводства, приходится прибегать к масштабным зарубежным закупкам продовольствия, эквивалентным 16–18 млн т зерна в среднем за год. Поэтому говорить, что Россия возрождает свой статус экспортера продовольствия, не приходится, тем более доля страны в мировом продовольственном экспорте составляет всего 2% при абсолютном «лидерстве» в его импорте

¹ Отчетными данными по такому увеличению власти обычно пользуются для иллюстрации успехов именно в развитии сельского хозяйства.

(в 2013 г. – 43 млрд долл., что почти соответствует объему всей товарной продукции сельского хозяйства страны в действующих ценах).

Таким образом, по основному целевому показателю Стратегии приходится говорить только о количественном росте производства сельскохозяйственной продукции, пока не достигшем уровня 1990 г. и составившем за период действия Концепции устойчивого развития сельских территорий до 2020 г. всего 7% при сохраняющейся тенденции истощения естественного плодородия. Это означает нерациональное использование сельскохозяйственных, прежде всего пахотных, земель, вместо предполагавшегося рационального их использования. Динамика этого роста на фоне деградации главного средства производства в сельском хозяйстве (за годы реформ вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат в виде удобрений) свидетельствует не столько о развитии, сколько о стагнации, регрессе. Это характерный признак глубокого аграрного кризиса.

В рыночных условиях обобщающим показателем эффективности выступает рентабельность, повышение ее уровня отражает изменения, обусловленные научно-техническим прогрессом. В действительности достигнутый абсолютный уровень рентабельности, ее динамика не дают основания для вывода о подобных изменениях, т.е. о позитивных сдвигах в сельском развитии. Вместо оптимально необходимой рентабельности в пределах 25–30% ее уровень с учетом дотаций и компенсаций в последние годы «устойчиво» не превышает 10% (без дотаций и компенсаций – 1–2%). При сопоставимой оплате труда аграрное производство перманентно убыточно.

Иначе говоря, вместо «повышения устойчивости сельского хозяйства» как одной из основных задач Госпрограммы по развитию сельского хозяйства на 2008–2012 гг. наблюдаются обратные тенденции. Финансовое положение на селе остается остро кризисным. Кредиторская задолженность СХО достигла запредельных размеров (свыше 2,5 трлн руб.), что на 1/3 превысило всю выручку от продажи продукции сельского хозяйства в 2013 г. и в 15 раз – полученную прибыль. Добрая ее половина тут же была изъята через необоснованное налогообложение. Большинство СХО заведомо не способно погашать задолженность.

В отчете Правительства РФ в Госдуме 22.04.2014 г. было отмечено, что задолженность СХО по кредитам является «положительным фактором», без пояснения сути этой положительности для хозяйств. Если имеется в виду списание задолженности, возникшей вследствие непрофессионализма властей, невыполнения правительством обязательств по поддержанию ценового паритета в АПК, такое заявление сельхозпроизводители будут только приветствовать как меру социальной справедливости. Но если они останутся в роли должников, то с дальнейшим неизбежным в условиях осуществляемой кредитно-финансо-

вой политики накоплением задолженности и сохранением нынешнего неэквивалентного обмена, ценового диспаритета, продолжающейся «перекачки» результатов крестьянского труда сельское хозяйство окажется в безвыходной долговой яме и в состоянии банкротства. В этом ничего положительного не просматривается.

Отсутствие заметных позитивных качественных изменений в финансовом положении аграрного сектора тормозит не только процесс развития, но и простой количественный рост, в частности, необходимое расширение материально-технической базы сельского хозяйства. По сути, в отрасли происходит процесс деиндустриализации производства. Недостаток накоплений, даже при экономии на заниженной оплате труда в сельском хозяйстве (95% к среднему уровню в 1990 г.), обусловил декапитализацию российского сельского хозяйства, сужение и деградацию его материально-технической базы, особенно активной машинной части. Сельхозтехника крайне изношена, и сроки ее эксплуатации перешли все разумные границы. В крайнем упадке находится вся система сельскохозяйственного машиностроения, низки качественные показатели выпускаемой продукции.

Вместо заявленного развития идет процесс десоциализации села и сельских территорий. В официальной информации властей о реализации мероприятий по «Программе социального развития села до 2013 года» приводятся данные об улучшении жилищных условий для 265,7 тыс. сельских семей, об увеличении числа ученических мест в сельских школах на 105,8 тыс., культурно-досуговых учреждений на 24,6 тыс. мест, об увеличении использования амбулаторно-поликлинических учреждений на 7,5 тыс. посещений. Однако если все это распределить на 40 млн жителей села (в денежном выражении получится по 1–1,5 тыс. руб. на человека), то что бы ни говорилось о выполнении государством социальных обязательств перед крестьянством, развития в этом ключевом сегменте сельской жизнедеятельности не наблюдается. Наоборот, в суммарном выражении социально-трудовая сфера села устойчиво деградирует. Это фактически признал Президент РФ В.В. Путин на заседании Госсовета и Совета по национальным проектам и демографической политике 24.04.2013 г.

Перенос ответственности за поддержание и развитие жилищно-коммунальной, социальной, медицинской и образовательной сферы сельхозпредприятий на не имеющие необходимых средств муниципальные образования привел к «бесхозности», деградации инженерной и социальной инфраструктуры в сельских регионах. Около 60% сельских жителей срочно нуждаются в улучшении жилищных условий. Жилой фонд изношен, большая его часть не имеет элементарных коммунальных удобств. Уровень обеспеченности сельского населения питьевой водой составляет всего 58%. При беспрецедентных газовых

потоках во все концы света газификация крестьянских домов, часто напоминающих времянки, достигает лишь 55%. Треть сельских поселений не имеют подъезда по дорогам с твердым покрытием, что вместе с узостью информационного обеспечения фактически означает их изоляцию от внешнего мира.

Обсуждавшиеся еще в советский период проблемы преодоления существенных различий между городом и деревней полностью выпали из поля зрения властей и из планов научных исследований по аграрной тематике. А между тем обеспеченность сельского населения средним медицинским персоналом почти вдвое, а врачами – впятеро ниже, чем городского. На селе не хватает школ, а половина детей не охвачена дошкольным воспитанием. Во многом из-за этого в ряде ведущих аграрных регионов, в т.ч. национальном демографическом «сердце России» – Нечерноземье – десоциализация и депопуляция уже приобретают необратимый характер. За последние 15 лет на 20 тыс. сократилось число сельских поселений. За 2000–2013 гг. доля занятых в сельском хозяйстве к общему числу занятых на селе снизилась с 49 до 23%. Отмеченная Президентом «общая не востребованность», низкое качество жизни, недостаточный уровень оплаты труда селян подрывают стимулы их эффективной деятельности.

В последнее время в ряде сфер экономики, в силовых структурах, военном ведомстве оплата или «денежное содержание», по сути, автоматически, вне связи с качеством и результатами деятельности сразу была повышена в 1,5–2 раза, тогда как сельские труженики получают половину общественно необходимого ее уровня. Поэтому они настроены бежать (и до 200 тыс. человек ежегодно бегут из села, особенно молодежь). Во всех развитых странах, к использованию опыта которых призывал Президент (Ведомости, 31.04.2012 г.), уровень жизни сельского населения поддерживается мерами аграрной политики на среднем по экономике или даже несколько более высоком уровне (Израиль, Норвегия). При сохранении такой ситуации с состоянием трудового потенциала сельского хозяйства привлечение на село квалифицированных специалистов, преодоление депопуляции многих сельских территорий, а следовательно, поддержание устойчивости на большей части территории России маловероятно.

Во всех официальных документах по сельскому развитию, в федеральных проектах и программах, включая Доктрину продовольственной безопасности РФ (2010 г.) и Стратегию неизменно звучит озабоченность по поводу лучшего использования земельных угодий, необходимости вовлечения в оборот многих миллионов гектаров заброшенных пахотных земель. Однако опыт развитых стран и современного Китая показывает, что и на оставшихся землях сельскохозяйственного назначения, на нынешней площади пашни (почти сопоставимой со стра-

нами ЕС) производство продукции сельского хозяйства можно увеличить в 2–2,5 раза, если исходить из обычной, закономерной стратегии развития, т.е. системных качественных преобразований. Имеется в виду последовательная интенсификация, которая в последнее время заменена общими разговорами о модернизации и инновациях, хотя это элементы, факторы интенсификации. Ее исследование также исчезло из тематики аграрных научных учреждений.

Важнейшим незаменимым фактором интенсификации сельского хозяйства является химизация, удобрение полей. При доле России в мировом производстве минеральных удобрений более 9%, в потреблении эта доля почти в 8 раз меньше. 80% этого ресурса экспортируется для удобрения полей зарубежных фермеров. В Китае и США эти доли примерно равны, а доля Индии в мировом потреблении удобрений почти вдвое выше доли в их производстве. При увеличении производства минеральных удобрений за период 1990–2013 гг. с 15,9 до 18,3 млн т, внесение их в почву сократилось с 9,9 до 2,0 млн т. В расчете на 1 га посевных площадей – с 88 до 37 кг. Почти не используются органические удобрения. Заброшена химическая мелиорация земель. Известкование кислых почв, занимающих 35% пашни в России, с 1990 г. упало в 17 раз – до 0,3 млн га. В критическом состоянии ирригация. Из числа орошаемых 4,3 млн га не поливается половина, из осушенных земель треть (1,5 млн га) вообще выпала из сельхозпроизводства.

Разрушение государственной системы мелиорации и поддержания плодородия почв при слабой замене ее новыми технологиями, нерешенность вопросов землевладения и землепользования, злоупотребления в земельных отношениях привели к масштабному выводу из хозяйственного оборота и деградации сельхозземель. Деградацией охвачены почти 60% площадей сельхозугодий страны, в ряде районов Черноземья слой гумуса сократился вдвое. Все это при существующей технико-технологической отсталости российского сельского хозяйства является свидетельством отхода от главного пути его устойчивого (динамичного) развития – последовательной интенсификации.

Стратегия динамичного прогрессивного экономического развития предполагает наличие высококвалифицированных кадров, прежде всего специалистов и руководителей, а также повышение качества трудового потенциала в целом. На самом деле в этом определяющем факторе сельского развития наблюдается обратный процесс – деинтеллектуализация. Практически отсутствует отвечающая современным требованиям система подготовки кадров квалифицированных работников. Среднее профессиональное образование сейчас имеют около 20% занятых в сельском хозяйстве, высшее профессиональное – менее 10%. Около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут на работу в сельское хозяйство из-за карьерной и жизненной бесперспективности.

При сохранении такого положения через 3–5 лет в отрасли почти не останется квалифицированных механизаторов, агрономов, зоотехников и других специалистов. Вследствие отсутствия необходимой господдержки и дезорганизации за годы реформ процесса аграрных научных исследований и разработок сузилась научно-образовательная база аграрного сектора, ухудшилась связь фундаментальной и прикладной науки с производством, коммерциализация результатов этих исследований и разработок. Численность научных кадров в аграрных научно-исследовательских учреждениях сократилась более чем вдвое. Не находят практического применения до 80% научных разработок по рациональному ведению сельского хозяйства на современной технологической основе, хотя даже нынешний инновационный потенциал сельхозпроизводства оценивается в 400 млрд руб.

К негативным последствиям приводит и организационная деструктуризация сельхозпроизводства. Не получили распространения настоящие кооперативные формы хозяйства, особенно вертикального типа, а в производственных кооперативах во многом сохранились прежние колхозные порядки, закреплённые нормами Закона «О сельскохозяйственной кооперации». Место кооперативов занимают огромные агрохолдинги, не всегда эффективно использующие земельные и водные ресурсы, высвобождающие без предоставления альтернативной занятости значительные трудовые ресурсы и поглощающие основную часть кредитно-инвестиционных, в т.ч. государственных, ресурсов.

А на другом полюсе находится предоставленная самой себе масса мелких хозяйств (прежде всего приусадебных и других семейных хозяйств граждан). Они располагают ограниченными земельными и кредитными ресурсами, но при этом обеспечивают более ⅓ производства овощей, плодов и ягод, картофеля, более 20% яиц, почти 30% скота и птицы на убой, более 46% молока. Это свыше 40% всей валовой продукции отрасли. 10% продукции села дают фермерские хозяйства, успешно конкурирующие с агрохолдингами в производстве зерновых (22%), а также интенсивных культур, таких как подсолнечник (более 27%), овощи (почти 14%), сахарная свекла (12%). Ресурсы их господдержки весьма ограниченные.

Формирование новой стратегии аграрной политики как задача общегосударственного значения

Как свидетельствует опыт развитых стран, научно обоснованная аграрная политика исходит из роли сельского хозяйства в качестве первичной базовой отрасли, локомотива экономики, естественной социо-природной «подушки» экономической и общей национальной безопасности государства. Защита земли и земледельца, по Д.И. Мен-

делееву, «равносильна защите государства». Поэтому главный тренд аграрной политики заключается в создании занятому в сельской местности населению всех необходимых условий для активной жизнедеятельности, высокопроизводительного творческого труда.

К сожалению, за последние годы в процессе проводимых бессистемных, часто спонтанных мер государства по осуществлению аграрной политики с использованием методов «ручного управления» научные ее основы и принципы не соблюдаются или решаются непрофессионально. Речь идет о земельных отношениях, правах собственности, особенно частной, социальной структуре, сельскохозяйственной кооперации, кредитно-финансовых отношениях, ценообразовании, уровне и качестве жизни на селе, размерах и механизмах государственной поддержки, продовольственном импорте и экспорте. Не отвечает научным основам действующее земельное и общее аграрное законодательство.

Рациональное использование, сохранение и улучшение земли достигается сейчас лишь в приусадебных семейных хозяйствах (посевная площадь – 4,3%), в значительной мере в К(Ф)Х (посевная площадь около 20%), что обусловлено стимулами частного землевладения. Благодаря более бережному отношению к земле, эти хозяйства на 25% посевов производят более 50% сельскохозяйственной продукции. Результаты деятельности этих хозяйств, в том числе по увеличению объемов товарной продукции, были бы еще выше при развитии обслуживающих (вертикальных) форм сельскохозяйственной кооперации (сбыт продукции, материально-техническое обслуживание). Однако о кооперации на селе пока ведутся лишь общие разговоры, создаются формальные ассоциации, проводятся совещания и съезды, научные конференции, разрабатываются концепции. Эффективная кооперативная политика с ее адекватным правовым обеспечением, развитая система сельскохозяйственной кооперации в стране фактически отсутствует. Дилетантский «Закон о сельскохозяйственной кооперации» с его внутренней колхозной начинкой при всех его «улучшениях» по сути является правовой преградой на пути подлинной сельскохозяйственной кооперации.

Кредитно-финансовая и ценовая политика, налоговая система в сельском хозяйстве «устойчиво» воспроизводят убыточность отрасли, неплатежеспособность большинства СХО, загоняют аграрный сектор в безвылазную долговую яму. Предложения о перемещении средств господдержки отрасли с кредитования, обременяющего заемщиков ростовщическими процентными ставками, на прямую поддержку аграрных цен, как это разумно делается в развитых странах, властями не воспринимаются. Официальные установки государства на обеспечение эквивалентного обмена, необходимого ценового паритета в АПК не выполняются.

Повысить уровень и качество жизни на селе (определяющий критерий устойчивости развития) до среднего по экономике Стратегия «обещает» только к 2030 г. (до 80%). Другим же категориям граждан в последнее время оплата сразу повышалась до 150–200% и более к среднему показателю. Объяснить эту вопиющую несправедливость по отношению к крестьянству можно лишь приверженностью ущербной теории якобы второсортности, социальной неполноценности крестьянского сословия, этих, по словам М. Горького, «страшных людей», вообще обреченных «на вымирание» (см. его книгу «О русском крестьянстве». Берлин, 1922 г., с. 43).

Отступление от научных основ аграрной политики является следствием пренебрежения к ключевому ее принципу – обеспечению приоритетного развития сельского хозяйства в соответствии с известными особенностями воспроизводственного процесса в отрасли. Они связаны со стихийным действием природных факторов, повышенными рисками для частных инвесторов, пространственной рассредоточенностью, естественными сложностями сбыта. Но главное – это производство продовольствия как «самой первой потребности в человеческой жизнедеятельности». Обеспечение приоритета сельского развития является прямой функцией государства и всего общества, учитывая, что прогресс в этом развитии – предпосылка прогресса в общем социально-экономическом развитии.

Эта взаимосвязь носит фундаментальный характер и подтверждается опытом всех развитых стран, начиная с небольшой Швейцарии, где обеспечение государством приоритета сельского развития включено в качестве особой статьи в Конституцию страны, и кончая самой могущественной в настоящее время страной – Соединенными Штатами Америки. Известно, что до середины XVIII в. США не являлись передовой страной, таковой считалась Англия. Системные изменения в американской экономике начались с принятием в 1863 г. Закона о гомстедах, запустившего процесс развития фермерских хозяйств и динамичного внутреннего рынка. Предоставленная законом возможность бесплатного получения в собственность семьи земельного участка площадью в 70 га с обязанностью использовать его по прямому назначению в рамках общей политики аграрного протекционизма создала мощные стимулы подъема аграрного производства, развития металлургии, химической промышленности, сельскохозяйственного и транспортного машиностроения, транспортной инфраструктуры и других связанных с АПК отраслей и сфер экономики. В итоге уже к началу XX в. страна превратилась в лидирующую промышленную и продовольственную державу мира. Наряду с радикальным преобразованием сельского хозяйства, локомотива такого превращения, доля США в мировом промышленном производстве удвоилась и достигла 31%.

Обеспечение приоритета сельского развития, иначе говоря, протекционистская направленность аграрной политики, особенно в начальной стадии перехода к системным социально-экономическим преобразованиям, способствовала приобретению статуса высокоразвитых экономик Германии, Франции, многих других стран мирового сообщества. Современное китайское «экономическое чудо» – прямой результат такой политики.

В России, за некоторыми исключениями (период столыпинских реформ, в какой-то мере годы НЭПа), приоритет сельского хозяйства неизменно подменялся пресловутой «перекачкой» результатов крестьянского труда в другие отрасли и сферы экономики, на милитаристские цели, в чем особенно преуспели большевики. Они изобрели даже особый экономический закон так называемого «первоначального социалистического накопления», в корне подорвав производственный, прежде всего трудовой потенциал отрасли. В итоге страна потеряла возможность на базе системного преобразования поднять на более высокий уровень другие отрасли и экономику в целом. Начиная с хрущевской «оттепели», бремя ее все более ослаблялось. А с началом нынешних реформ, с принятием в 1990 г. Федерального Закона «О социальном развитии села» приоритетное значение сельского хозяйства было признано и официально закреплено законодательно. Речь идет о законе «О приоритетном обеспечении агропромышленного комплекса материально-техническими ресурсами» (1991), о других правовых актах по сельскому развитию, включая национальный приоритетный проект «Развитие АПК на 2005–2007 гг.». Принцип приоритетности этого развития включен в Госпрограммы по селу на 2008–2012 и 2013–2020 гг. Однако это признание носит больше характер общего пожелания уже потому, что за время реализации указанного проекта социально-экономическое положение в отрасли к лучшему не изменилось, а импорт продовольствия в страну за период его реализации удвоился. Негативные процессы в социально-трудовой сфере села не были приостановлены, а по ряду направлений усилились.

* * *

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в аграрную и общую экономическую политику России необходимо внести серьезные коррективы. Прежде всего необходима серьезная ревизия сложившейся структуры бюджетных расходов, в том числе секвестирования разросшегося до непомерных размеров ВПК, других «престижных» программ и проектов, включая космические и спортивные. Понятно, что ресурсы государства ограничены. Но ограниченность ресурсов, в т.ч. финансовых, есть общая закономерность, характерная для любой страны.

Возрождению российского села помогло бы введение прогрессивного подоходного налога, обращение на нужды сельского хозяйства части природной, а тем более земельной ренты как составной части создаваемого в отрасли национального дохода. Однако из сельского хозяйства не только изымается вся земельная рента, но и половина общественно-необходимого для устойчивого развития отрасли уровня оплаты труда.

Аграрная политика должна получить необходимое правовое обеспечение или в специальном законе, или радикально обновленном, более детализированном законе о развитии сельского хозяйства прямого действия в отдельном его базовом разделе. Действующее аграрное законодательство крайне несовершенно, рассредоточено во множестве часто противоречивых, не стыкующихся между собой правовых актах федерального и региональных уровней, становясь своего рода правовой крышей для злоупотреблений и прямого беззакония в отношении бедного и обездоленного крестьянства.

В современных условиях, когда продовольствие становится все более действенным инструментом геополитики, когда сельское хозяйство США все больше теряет значение мировой продовольственной «подушки безопасности», а Китай и Индия больше сосредоточены на обеспечении продуктами питания собственного населения, Россия, опираясь на приоритетное развитие сельского хозяйства и всего АПК, может не только предотвратить вытеснение на периферию мировой экономики, но и стать одним из основателей и ключевых игроков нового «продовольственного миропорядка» на выгодных для себя долговременных условиях. Но это возможно только на основе новой стратегии, действительно обеспечивающей приоритетное (и благодаря этому динамичное) сельское развитие, аграрной политики с последовательно рыночным механизмом ее системного осуществления, разделением властей и верховенством права.

Литература

1. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.: Агрорус. 2013.
2. Буздалов И.Н. Устойчивость социально-экономических систем: вопросы методологии и регулирования // Вестник РГНФ. 2006. № 6.
3. Буздалов И.Н. Проблемы обеспечения устойчивости агропродовольственной системы // Общество и экономика. 2006. № 8.
4. Гринберг Р.С. Из кризиса не выйти без смены модели экономической политики // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1.
5. Нечипоренко О.В., Самсонов В.В. Перспективы устойчивого развития сельских территорий в контексте становления многоукладной экономики. Никоновские чтения. 2014. М.: ЭРА, 2014.

6. Материалы II Всероссийского конгресса экономистов-аграрников. М., ФГБНУ «Росинформагротех», 2006.
7. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства РФ 2 февраля 2015.

I.N. BUZDALOV

academician of the Russian Academy of sciences, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

tamara.buzdalova@yandex.ru

A NEW STRATEGY OF THE AGRARIAN POLICY FOR SUSTAINABLE RURAL DEVELOPMENT IS NECESSARY

The current socio-economic situation in the Russian village is characterized by a deep systemic manifestations of the agrarian crisis. The paper is distinguishes the ways and mechanisms to overcome the negative trends in production, employment and environmental spheres of rural development as well as the necessary radical changes in agricultural policy and public administration rural development in the context of the sustainable development strategy, progressive international experience of its practical realization.

Keywords: *sustainable development, economic growth, rural social services, intensification of agriculture, the environment, the experience of developed countries, agricultural policy.*

JEL: Q100, Q170, Q180.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

М.А. ДЕРЯБИНА

кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Б.З. МИЛЬНЕРА

В статье рассматриваются основные концептуальные научные проблемы, исследованию которых Б.З. Мильнер посвятил всю свою плодотворную научную деятельность: теория организации, теория государственного управления, управление знаниями, управление инновационным развитием. Указывается на большое значение теоретических разработок Б.З. Мильнера для понимания современных проблем социально-экономического развития и управления организационными изменениями.

Ключевые слова: теория организации, управление знаниями, экономика знаний, инновационное развитие, менеджмент, структура управления, управление горизонтальными связями, лидерство, управление талантами.

JEL: H110, L140, L510, M110, O320.

Вот уже два года с нами нет Бориса Захаровича Мильнера. И это достаточная дистанция, чтобы по достоинству оценить и понять вклад этого большого, мудрого человека в общий поток развития научной мысли, в особенности в теорию организации и управления. 30 октября 2014 г. в Институте экономики РАН прошел круглый стол, посвященный научному наследию Б.З. Мильнера. А наследие это не только велико, но и позволяет, хотя бы отчасти, понять реальный масштаб и роль самой личности Бориса Захаровича. Сейчас даже сложно сказать, в какой области своего огромного человеческого труда Б.З. Мильнер сделал больше – как неустанный искатель и систематизатор научного знания, как просветитель или как Учитель с большой буквы. Мы узнали его во всех этих ипостасях и гордимся сотрудничеством и дружбой с ним.

В работе круглого стола приняли участие друзья и коллеги Б.З. Мильнера – ученые, представители от профессиональных СМИ, бизнесмены и просто люди, знавшие и любившие его.

В своем выступлении известный российский социолог и философ, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин сравнил Б.З. Мильнера с Честе-

ром Барнардом – всемирно известным гуру в области управления и менеджмента. Сравнение далеко не случайное. Все большие ученые в любой теоретической области становились признанными основоположниками, будучи прежде всего систематизаторами знания (вспомним Ламарка, Дарвина и Менделя). Ч. Барнард именно тем и известен, что еще за несколько десятилетий до всеобщего признания концепций управления и соответствующих систем ценностей, корпоративной культуры, роли организации как социальной структуры провел научную систематизацию в этой области знаний. Составив первое в истории науки многостороннее и взвешенное описание процесса управления, Барнард охарактеризовал организацию как союз личностей, структуру которого составляют интересы, мотивации и цели. Процесс управления при этом – это не исключительно отношения власти и иерархических команд, а связующее звено между людьми и их интересами. В основе управления, таким образом, лежат коммуникации и информация. Управление тем эффективнее, чем короче и прямее организованы коммуникации, каналы которых известны и доступны всем. Барнард как раз и знаменит тем, что положил начало одной из важнейших классификаций организаций – разделение на формальные и неформальные с соответствующими типовыми связями и способами коммуникаций. Основополагающий труд Барнарда «Функции руководителя. Власть, стимулы, ценности в организации» именно потому и актуален вот уже более 70 лет, что содержит систематизацию организаций, их ценностей и методов управления системой коммуникаций [1].

Обращаясь к трудам Б.З. Мильнера, мы сразу узнаем почерк великого систематизатора. Из его большого научного наследия выделяется серия работ по теории управления и организации. Это прежде всего великолепный учебник «Теория организации», который выдержал восемь (!) изданий и, несомненно, еще не раз будет переиздаваться [2]. Да и учебником этот фундаментальный труд можно назвать лишь условно – это большая теоретическая работа о месте управления и организации в системе наук. Если взглянуть только на оглавление, то становится ясно, что «Теорию организации» можно по праву назвать энциклопедией управленческих знаний, к которой обращаются самые разные читатели из научной, преподавательской, студенческой среды. Но все же главное в этой книге – именно систематизация, та самая систематизация, которая и приводит закономерно к известным открытиям в науке. Если положить рядом несколько изданий этого мощного труда, то сразу видно, как обновляется эта систематизация: не просто появляется новый материал, имена, источники, но обновляется сама конструкция. Более того, это концептуальная систематизация.

Борис Захарович создал свою концепцию в области организации и управления, которую он постоянно совершенствовал и развивал.

И если вернуться к сравнению с Барнардом, то главный источник фурора, который в свое время произвели обе книги, того, почему они остаются бестселлерами в течение десятилетий, – это разрабатываемая в трудах авторов концепция источников власти. Причем оба систематизатора исходили из того, что источник нестабильности и плохой коммуникации власти и граждан следует искать именно на уровне предприятий, фирм, корпораций и организаций. Там, на этом уровне, рождается повсеместное неповиновение власти, законам, даже Конституции. Барнард указывал, что это происходит не только в США, но и во всех других странах, в том числе и при авторитарных режимах. И далее задается вопросом. А как же быть, чтобы законы и решения лиц, которые их принимают, все-таки выполнялись? И единственным ответом профессионалов по организации и управлению, умудренных жизненным опытом и опытом работы с компаниями, является следующее ключевое утверждение: законы и решения выполнимы и выполняются лишь в той мере, в какой с ними согласны те, кому они предназначены для исполнения.

В России проблема неисполнения и законов, и отдельных решений, даже при всей их строгости и, казалось бы, обоснованности, всегда была актуальна. Из теории организации и управления следует, что те, кто принимает решения, должны сначала проанализировать, какая часть населения или подчиненных согласится, какая часть будет не согласна и не станет выполнять решения (или законы), а какая часть останется безразличной и будет выполнять их не потому, что согласна, а именно потому, что безразлична. Заметим, что многие законы и постановления выполняются или не выполняются именно потому, что опираются на позицию этой «безразличной» части населения. Теоретическая управленческая концепция, в соответствии с которой законотворчество должно считаться с настроениями населения в стране и подчиненных в организации, оказалась мощным фундаментальным демократическим посылом. Его постоянно и очень активно придерживался Б.З. Мильнер и в своей научной работе, и в своей практике управления, в академических институтах и в преподавании [3, 4, 5]. Это и придавало такую глубину его анализу практики управления экономикой, промышленностью, наукой.

Все участники круглого стола отмечали, что Борис Захарович всегда работал «на опережение». Его способность чутко улавливать новые проблемы – и теоретические тренды, и потребности практики – просто удивляет. Эта бесценная способность в значительной мере своевременно дополнила исследования Института экономики новыми важными компонентами – проблематикой управления. Исследования Б.З. Мильнера позволили сосредоточить внимание не только на проблемах управления предприятиями, которыми ученые института тра-

диционно занимались. Они повернули научные интересы к государственному управлению, настойчиво выходявшему на передний план социально-экономического развития страны (А.Е. Городецкий, д.э.н., зам. директора ИЭ РАН, Д.Е. Сорокин, член-корреспондент РАН, проректор по науке Финансовой академии при Правительстве РФ). Опираясь на огромный опыт исследования управления в зарубежной экономике, в т.ч. в крупных корпорациях, в плановой социалистической экономике, Б.З. Мильнер сформировал свое собственное научное направление в управлении. Наверное, он был одним из немногих ученых, которые смогли увидеть и оценить контуры управления экономическими экспериментами, предшествовавшими рыночным реформам, и весь непростой алгоритм перехода к рыночной экономике [6, 7, 8, 9]. В 1990-е годы, когда Институт формировал первые наброски рыночных концепций, Борис Захарович настойчиво обращал внимание на недопустимость развала реального сектора экономики, на необходимость продолжения исследований по узловым отраслям, хотя тогда, как мы помним, это было совсем «не модно»¹. Мудрость и прозорливость Б.З. Мильнера, эта его настойчивость помогли не только в процессе научной разработки управленческой проблематики, но и принесли вполне практическую пользу в то непростое время. Сейчас приходится только удивляться, какую же силу убеждения и воздействия на умы нужно было иметь, чтобы не только проработать проблемы, собрать материал, обобщить его и подготовить обширный доклад для неправительственного (но весьма влиятельного) Союза машиностроителей, а потом и опубликовать материал в Независимой газете. Это сейчас кажется, что ничего особенного в этом нет, а тогда это был настоящий творческий подвиг, получивший большой резонанс и в научных кругах, и в прессе.

Эрудиция, стремление к глубокому анализу, широкое знание не только своего конкретного когнитивного поля, но и смежных экономических и управленческих концепций, способность тонко различать понятия (давать «правильные имена», как говорил Конфуций) – все это характеризует Б.З. Мильнера не просто как ученого, а ученого-фундаменталиста (член-корреспондент РАН, зам. директора ЦЭМИ Г.Б. Клейнер). А фундаментальность как раз и заключается в способности пройти всю цепочку от понятий до конкретных рекомендаций. Борис Захарович знал путь от конкретной структуры управления до

¹ Институт выражает большую благодарность семье Бориса Захаровича, которая бережно сохранила для нас его архивы, наработки 1990-х годов, где намечены основы таких стратегических управленческих проектов, как промышленная политика, импортозамещение, возрождение оборонно-промышленного комплекса. Опираясь на эти наработки, можно уже серьезно обосновывать современные требования и к законодательству, и к управленческой базе, которых сегодня так не хватает.

фундаментальных понятий и обратно, причем неважно, в какую сторону. Эта потрясающая способность большого ученого очень актуальна сейчас. Мы видим, как иногда, совершенно случайно, принимаются правильные решения, а иногда – некие терпимые решения. Но при этом нет, к огромному сожалению, той вертикали, которая связывала бы фундамент и крышу, концепты и основные понятия, в отличие от теоретических догм. Эту цепочку, эту пирамиду сейчас некому построить. Пирамиды экономических знаний от теории до практики сейчас не существует – она разрушилась на наших глазах. Мы не случайно об этом говорим. Сейчас, на очередном переломе в жизни страны, постоянно возникает потребность в людях, которые символизировали бы определенные области знаний. А мы не видим таких людей. Произошло явление, которое можно назвать «дегуруизацией». Но «не живет село без праведника». В каждой сфере должен быть свой гуру, т.е. человек, формирующий мнение, с которым можно соглашаться, можно спорить, отвергать его, но оно должно быть. Сейчас в большинстве областей его нет, в том числе и в управлении. И нет таких личностей в сфере экономической теории. Борис Захарович – несомненно, последний гуру в области управления и, наверное, вообще один из последних в области экономики. Он был мудрым человеком, он понимал свою миссию, осознавал ее, старался ей соответствовать. Мы многих потеряли за несколько последних месяцев – Эмиля Борисовича Ершова, Виктора Даниловича Белкина. Несколько лет назад ушел из жизни академик Леонид Иванович Абалкин. И вот сегодня мы вынуждены признать – опустело свято место, которое занимал Борис Захарович Мильнер в теории и методологии управления.

Мы сейчас обязаны сосредоточить усилия на продолжении той цепочки, которую выстроил Борис Захарович. И, следуя его методу, нужно работать по всей пирамиде, начиная от теоретической концепции экономики и управления. Это относится и к теоретической концепции мейнстрима, и к институциональной экономике, и к эволюционной, и к системной экономике. Именно сейчас нам так необходимы новые наработки в пирамиде знаний от фундамента до конкретных рекомендаций, подобные тем, какие делал Борис Захарович, разрабатывая проблемы структуры российских министерств еще в конце 1980-х годов. И ведь с тех пор так и не было проведено научного анализа этой важнейшей для российской экономики сферы управления – кто-то боится, кто-то не может, кто-то не хочет.

Принципа обязательной верификации, проверки на практике теоретических наработок Борис Захарович Мильнер придерживался в течение всей своей творческой жизни. С его именем связаны крупные проекты по совершенствованию организации и управления советской, затем российской экономики. Когда Борис Захарович

пришел на работу в Институт экономики, академик Л.И. Абалкин сразу оценил творческий потенциал Б.З. Мильнера. Это было время исканий в области управления, когда практика остро нуждалась в научных рекомендациях.

Наряду с должностью первого заместителя директора Борис Захарович возглавил специально созданный отдел управления народным хозяйством. И время показало правильность этого решения. Вот как рассказывает об этой эпохе д.э.н., главный научный сотрудник (а тогда ученый секретарь Института) А.И. Архипов. После того как Борис Захарович приступил к работе в институте, сотрудники заметили, что в его кабинете стали появляться незнакомые люди без малейшего налета академизма. Они громко о чем-то говорили, спорили, в разговорах мелькало имя председателя Совмина Н.И. Рыжкова. Как потом выяснилось, это были министр газовой промышленности СССР В.С. Черномырдин и его первый заместитель Р.И. Вяхирев. А обсуждалась тогда эпохальная идея – преобразование Министерства газовой промышленности в государственный концерн. Будущие топ-менеджеры припасли и будущего руководителя финансово-экономического блока концерна – им стала единственная на тот момент женщина в их команде, Евгения Селихова. Преобразование министерства в концерн не было просто организационной перетряской и заменой одной бюрократической команды на другую. Шел поиск такого организационного механизма управления отраслью, который в сочетании с отлаженной системой вертикальных связей способствовал бы максимальному использованию материальных и интеллектуальных ресурсов. Создание концерна, по замыслу, должно было изменить само мышление работников создаваемой компании, а для этого нужно было увязать их практический управленческий опыт с пониманием преимуществ новых структур управления. Б.З. Мильнер работал и с сотрудниками своего отдела, объяснял им суть возникающих новых вопросов, т.е. упорно выстраивал свою пирамиду от фундамента до конкретных рекомендаций.

Это был тот счастливый случай, когда совместная работа практиков и ученых увенчалась реальным успехом. Совет Министров СССР принял решение о преобразовании Министерства газовой промышленности в Государственный газодобывающий концерн Газпром (1989 г.), ставший затем РАО Газпром (1993 г.), а потом ОАО Газпром (1998 г.). И это был также тот случай, когда практикой был востребован научный опыт, необходимый для последующей дополнительной отработки постоянно возникающих новых производственных и управленческих задач. Б.З. Мильнер в полной мере использовал при этом свою теорию организации. Социально-экономический объект выстраивался в соответствии с его научными рекомендациями как единая организация,

цементируемая не только вертикальными, но и горизонтальными связями и горизонтальной координацией. Поэтому структура концерна была нацелена не на простое создание дополнительных подразделений, а на формирование всей организации как единого целого, базирующегося на стратегических задачах развития. Огромный труд целого коллектива, руководимого Б.З. Мильнером, закономерно увенчался успехом – Газпром входит сегодня в число лидеров газовых компаний мира. Успех научного проекта «Газпром», был бы, наверное, не таким убедительным, если бы не опирался на хороший научно-практический опыт предыдущих преобразований в сфере крупных промышленных организаций. Здесь следует упомянуть опыт формирования КамАЗа как крупного промышленного комплекса, в работе с которым принимал участие Б.З. Мильнер [10]. И позднее этот бесценный управленческий опыт весьма пригодился в организации АВТОВАЗа [11].

Наука об управлении и организации всегда была прочно связана с менеджментом. Об этом много говорилось на круглом столе. Речь шла и о создании при активном участии Б.З. Мильнера Международной академии менеджмента, и об учреждении в 2003 г. весьма сейчас авторитетного «Российского журнала менеджмента». Как сказал Г.Б. Клейнер, Борис Захарович был душой этого журнала. А поскольку менеджмент действительно очень тесно связан с рядом других, смежных дисциплин, то редакции журнала постоянно приходилось при поступлении статей решать вопрос, является ли представленный материал собственно менеджментом. Ответ на этот вопрос знал только Борис Захарович. Только он знал «правильные имена», и поэтому его мнение всегда было решающим. А самое главное – работая с менеджментом как наукой, он исподволь, иногда непроизвольно втягивал в эту увлекательную деятельность будущих реальных менеджеров. В нашем круглом столе принял участие Г.Б. Кочетков – бывший коллега Бориса Захаровича по Институту США и Канады. Они занимались в то время научным поиском оптимальных форм организации и управления производством, основываясь на опыте развитых стран и исследуя возможности использования этого опыта у нас. И вот сейчас мы видим, что работа эта была далеко не напрасной. Коллега Б.З. Мильнера как раз и стал крупным менеджером, работает вице-президентом российского отделения известной международной компании SUBWAY. И целая череда молодых успешных российских менеджеров прошла уникальную школу Бориса Захаровича, написав и защитив кандидатские диссертации на кафедре Государственного университета управления.

Нужно обязательно сказать еще об одном мощном направлении управленческой деятельности, в котором оставил большой и яркий след Борис Захарович. Это МНИИПУ – известный нам всем Международный научно-исследовательский институт проблем управления,

созданный в конце 1970-х годов. Б.З. Мильнер принадлежал к числу энтузиастов – основателей. Новый институт занимался всесторонним изучением зарубежного опыта управления. К сожалению, этот опыт долгое время не был особо известен нам, можно даже сказать, был чужд нам. А ведь это был бесценный опыт, который обязательно следовало адаптировать к нашим условиям. Главной миссией МНИИПУ была разработка научных методов переноса современного опыта управления в условия другой социальной системы. Благодаря энергичности, инициативности, опережающей творческой мысли, деятельному участию во всех этих новых начинаниях таких людей, как Б.З. Мильнер (вспомним еще и творческий вклад С.Е. Каменицера, В.Г. Стародубровского, М.В. Мельник и ряда других ученых), МНИИПУ стал мозговым центром большой и сложной международной системы, которая двигала вперед управление экономикой нашей страны. Мыслями о том, какое большое научное наследие оставил Борис Захарович также и в этой области управления, поделился д.э.н., проф., зав. кафедрой Финансовой академии при Правительстве РФ С.Н. Сильвестров. К сожалению, за последние годы многое из наработанного учеными в тот период было утрачено. И сегодня на нас лежит большая ответственность, даже миссия, состоящая в том, чтобы собрать это наследие, сохранять и развивать его.

О педагогической деятельности Бориса Захаровича Мильнера следует сказать особо. Учителем с большой буквы его называют все. Мы знаем Бориса Захаровича главным образом по работе на его научной кафедре в Государственном университете управления (ГУУ)². Н.И. Лапин вспоминает работу на кафедре как незабываемые памятные годы. Борис Захарович не только руководил кафедрой, но и сам лично подготовил ряд аспирантов, успешно защитившихся и занявших затем весомые позиции в своих организациях. И по сей день поражает глубина и точность оценок и выводов на будущее, которые он умел делать и которыми обогащал всех нас. И в этой своей деятельности он также работал «на опережение», был великим искателем. Как истинный просветитель Борис Захарович почти всегда нес научной и педагогической общественности то новое по проблемам теории и практики управления, с которым работает современная мировая научная мысль. Для

² В начале 2000-х годов в ГУУ были созданы совершенно особые кафедры – научные. Это было сделано для того, чтобы привлечь к преподаванию и к подготовке аспирантов крупных ученых – управленцев, экономистов, социологов, философов, экономгеографов, правоведов. Научные кафедры создавали для ГУУ уникальную возможность вовлечь аспирантов в мир науки, научных дискуссий, настоящих исследовательских проектов по актуальной проблематике, помочь молодым управленцам проводить глубокие и квалифицированные научные исследования и защищать настоящие научные диссертации.

студентов, и особенно для аспирантов, появилась возможность погрузиться в этот особый мир нового знания. Не случайно научная кафедра Б.З. Мильнера, которая поначалу называлась кафедрой организации управления, была преобразована в кафедру управления знаниями, научным куратором и вдохновителем которой Борис Захарович оставался даже тогда, когда вынужден был отойти от активной преподавательской работы. К сожалению, он не успел возглавить такую востребованную сейчас работу по профессиональному анализу начавшегося разрушения научной и преподавательской деятельности, проводимому с точки зрения управления знаниями. Но он оставил главное – научную школу (и не одну), и теперь его ученики продолжают и будут передавать в будущее научные традиции, заложенные им. Говоря об этой стороне наследия Б.З. Мильнера, С.Н. Сильвестров особо подчеркнул его огромный научный и моральный авторитет, его безусловный авторитет среди людей, равных которому сейчас просто нет. Иначе и быть не могло. Внутренняя свобода, широта мысли Бориса Захаровича захватывали окружающих, пробуждали в них способность мыслить, творчески подходить к решению любых задач (эту его потрясающую способность отметила Т.М. Орлова, д.э.н., профессор Панъевропейского университета (Братислава, Словакия). Борис Захарович ставил много задач, которые не только отличались оригинальностью и новизной, но и решались с каким-то особым шиком, присущим этому человеку.

Окидывая взглядом огромное научное наследие Б.З. Мильнера, следует специально выделить три наиболее актуальные для нас сейчас крупные направления, которые служили ему рабочим когнитивным полем, где он трудился и как исследователь, и как систематизатор, и как Учитель, и как первооткрыватель. Речь идет, во-первых, о теории организации, во-вторых, об управлении знаниями и об экономике знаний и, в-третьих, о новых трендах в управлении, особенно в государственном управлении. Упоминавшийся учебник Б.З. Мильнера «Теория организации» знают все управленцы – от студента до академика. Это мощная работа ученого-энциклопедиста, охватывающая все стороны организации – от научных основ до перспектив управления в будущем [2]. Перелистывая все восемь изданий фундаментального труда, можно сразу заметить, как развивалась, усложнялась и актуализировалась концепция автора, как из добротного учебника вырастала энциклопедия современного знания об организации и управлении. И вот что интересно. Оказывается, наука об организации не требует практически никаких конъюнктурных корректив, никакого приспособления к потребностям любой ветви экономической теории – классики, неоклассики, институционализма и неоинституционализма, современных теорий поведенческой экономики, инновационной экономики, экономики сетевых отношений и многого другого. Теория организации дает ключ к исследова-

ниям в любой теоретической парадигме, позволяет систематизировать эмпирические данные, информацию из любой отрасли знаний, и в этом ее ценность и предназначение. Б.З. Мильнер прекрасно понимал это и стремился этой миссии соответствовать.

Будучи новатором по натуре, Борис Захарович постоянно искал, нащупывал новые грани, новые повороты, казалось бы, хорошо исследованной и структурированной научной теории. И одним из таких важных поворотов могло бы стать изучение проблемы организационных изменений. С.Н. Сильвестров поделился воспоминаниями об интереснейших разговорах с Борисом Захаровичем о природе и сущности организационных изменений. Всем ясно, что лица, принимающие решения на государственном уровне, могут руководствоваться при этом самыми различными мотивами и принимать эти решения зачастую интуитивно, спонтанно, корыстно и бескорыстно. А ведь управление изменениями (общественными, политическими, экономическими, геополитическими и многими другими) является очень тонкой и ответственной работой, от которой зависит в конечном итоге человеческая жизнь. Сохранение в ходе истории своего культурного кода, передача его от поколения к поколению – важнейшая миссия, которой необходимо грамотно управлять. Борис Захарович четко видел значение этой проблемы для современного государственного (и не только) управления, понимал, что для грамотных организационных изменений, столь важных сейчас, не хватает теоретической и методологической базы, той пирамиды знания, на которую можно было бы опереться в практической деятельности, в принятии конкретных решений. Он не успел, к сожалению, инициировать эту работу, и теперь это должно стать нашей задачей.

Борис Захарович Мильнер по праву может считаться основоположником одного из важнейших современных направлений отечественных теоретических разработок в области управления – управления знаниями. Его первое солидное исследование в области организации управления знаниями было опубликовано еще в 2003 г., когда наша научная общественность еще только начинала осваивать такие новые понятия, как экономика знаний, инновационная экономика [12]. В относительно небольшой по объему книге Борис Захарович сумел проследить процесс систематического формирования, обновления и применения знаний с целью максимизации эффективности управленческой деятельности, развития новой функции управления. Страна стояла перед объективной необходимостью развития наукоемкого производства, информатизации общества и повышения роли человеческого потенциала. Нужно было вводить в научный оборот новые понятия, внедрять их в образовательный процесс в качестве важнейшего сегмента теории управления. Борис Захарович исполь-

зовал при этом в качестве рабочих понятий такие не очень еще привычные тогда для нас категории, как интеллектуальный капитал, знания в качестве стратегического актива организаций, новые формы и методы работы организаций в экономике знаний. В работе с новой проблематикой ярко проявился уникальный организаторский талант Б.З. Мильнера – собирать вокруг себя заинтересованных людей, зажигать их новыми идеями, безграничным кругозором, способностью нетривиально мыслить.

Этот мощный творческий заряд послужил в свое время толчком к преобразованию кафедры организации управления в кафедру управления знаниями ГУУ. После этого начался новый, совершенно исключительный по творческому потенциалу и очень плодотворный период в жизни нашего коллектива, да и каждого из нас. В относительно короткое время, всего за два-три года, коллективно были подготовлены: новый курс лекций «Управление знаниями», опубликованный в 2008 г. в журнале «Проблемы теории и практики управления», солидный учебник (около 40 печ. листов) «Управление знаниями в инновационной экономике» [13], обширная монография «Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями» [14]. Организаторский талант Бориса Захаровича обеспечил реализацию грандиозной «задумки» при написании этих работ – попытаться комплексно подойти к идее перехода к инновационной экономике, т.е. базироваться на возможностях и методах различных отраслей знания. К работе были привлечены специалисты по экономике, управлению, философии, социологии, психологии, юриспруденции, информатике. Однако легкость и изящество, с которыми Борис Захарович формулировал свои мысли, выстраивал новые концепции, ту самую пирамиду от идеи до ее практического воплощения, только внешне казались естественными и само собой разумеющимися. За всем этим стоял огромный труд, титаническая работа мысли, умение четко выразить то, чего другие пока еще не чувствовали, не воспринимали. Это и была настоящая мудрость большого ученого. Как отмечал С.Н. Сильвестров, Борис Захарович умел сразу же проникать в суть предмета, извлекать самое его ядро, с которым можно было начинать работать.

Книга «Инновационное развитие» сразу же привлекло к себе внимание. Она поднимала проблемы, о которых начали активно писать с самого начала перестройки. Но в буквально безбрежном поле теоретических и практических изысканий по обновляющему инвестиционному развитию на основе инноваций и научно-технического прогресса «Инновационное развитие» сразу же стало бестселлером именно потому, что рассматривало инновационное развитие как экономику знаний. «Знания как товар и мотор инновационного развития» – так анонсировало книгу одно из ведущих экономических периодических

изданий³. Сейчас мы понимаем, что по существу это был первый удавшийся проект по выстраиванию той самой пирамиды знания, о которой неоднократно упоминалось выше. Книга и построена по этому принципу – от анализа сущности и теоретического фундамента современного инновационного развития, оценки накопленного уже зарубежного и отечественного опыта до предложения практических рекомендаций по ускоренному переходу к инновационному развитию. И в этом анализе четко обозначены и системное видение инновационной модели, и нерешенные проблемы на пути перехода к ней, и те области научного знания, которые требуют дальнейшего изучения. Большой фактический и статистический материал, использованный авторами, придает книге образ своего рода энциклопедии по инноватике. И еще одно важное замечание: книга четко показывает, что инновации и знания сами по себе – не панацея от экономической отсталости. Ими необходимо умело управлять, создавать соответствующие управленческие структуры и методы, способные предотвращать случаи неконтролируемого использования инноваций, приводящего к экологическим и технологическим катастрофам, к негативному воздействию на человека.

О том, как нужно строить современное управление инновациями, какими должны быть управленческие структуры, соответствующие функции менеджмента, и механизмы трансформации знаний в инновационные продукты, говорится в последней книге Б.З. Мильнера [15]. О том, как создавалась эта книга, как возникали и реализовывались идеи горизонтальных связей и горизонтального управления, рассказала на круглом столе соратник и соавтор Бориса Захаровича Т.М. Орлова. В монографии речь идет, по сути, о построенной на принципах сотрудничества и взаимодействия сетевой, или инновационной, экосистеме, предназначенной для создания уникальных продуктов и услуг и использующей функции менеджмента для достижения модернизационных целей. Горизонтальные связи компаний рассматриваются как основа того адаптивного механизма, который создает, потребляет и трансформирует знания в инновационные продукты. Важно и то, что горизонтальные связи могут реально действовать как в рамках традиционной иерархии, так и выстраиваться специально – через рабочие команды, проектные группы и другие организационные формы.

Б.З. Мильнер был убежден, что именно на основе горизонтальных связей в настоящее время наиболее эффективно может быть реализована договорная (контрактная) парадигма. Его идеи по этому вопросу базировались на опыте системного подхода к управлению, прежде всего внедрения программно-целевого управления, которое он

³ Экономика и жизнь. № 35 (сентябрь 2009).

хорошо знал и в теоретическом, и в практическом аспекте [17]. И программно-целевой подход, и горизонтальное управление опираются на междисциплинарный анализ развития системы, учитывают влияние всей совокупности производственных, технических, экономических, социальных, психологических, правовых факторов. А в новых условиях горизонтальное управление – это управленческая инновация. Эта инновация непосредственно влияет на результаты деятельности современных компаний и экономики в целом, т.к. обеспечивает воплощение нового знания в новых административных процессах и организационных формах [16].

Б.З. Мильнер видел в горизонтальной модели организации прежде всего изменение мышления работников, когда ключевыми составляющими управления считаются не организационные структуры сами по себе, а взаимосвязи и взаимоотношения, обеспечивающие функционирование и развитие организации как единого целого. Такая постановка требует исследования влияния человеческого фактора на экономические процессы. Поэтому в теоретической и практической пирамиде, по Мильнеру, появляются такие современные элементы, как проблема лидерства, проблема управления талантами и, конечно, наиболее важная для экономики и общества проблема – проблема доверия. Борис Захарович с сожалением отмечал, что вся система управления пронизана недоверием: населения – к проводимым реформам, работников – к руководителям, бизнеса – к государственным институтам [4, 5]. В монографии делается вывод, что в современной организации и в экономике в целом на процессы необходимого укрепления доверия воздействует ряд факторов, с которыми нужно считаться, особенно в условиях развития горизонтальных форм управления. Источниками формирования и укрепления доверия, наряду с прочим, становятся открытость и доступность информации, непротиворечивая законодательная база, соблюдение правил игры в договорных отношениях и партнерских связях, четкая обратная связь, честность и компетентность руководителей.

Говоря о непреходящей ценности последних разработок Б.З. Мильнера, о том большом внимании, которое он уделял проблеме управления горизонтальными связями, его соавтор и единомышленник Т.М. Орлова воспользовалась очень выразительной и меткой метафорой – «тропический лес». Авторы этого термина, американцы Виктор Хван и Грег Хоровитт, в 2012 г. опубликовали книгу «Тропический лес: секрет создания следующей Силиконовой долины» [18]. Они уподобляют систему создания инноваций экосистеме тропического леса, в котором живет великое разнообразие и множество самых неожиданных связей. Именно этот принцип делает возможным появление в недалеком будущем новых силиконовых долин. Как видим, теория

тропического леса вполне созвучна и принципам горизонтального управления в инновационных экосистемах. В своей последней монографии Б.З. Мильнер вплотную приблизился к пониманию необходимости создания механизма, который обеспечивал бы максимальный приток новых идей, талантов и капитала в общественные сети. Речь идет о многомерности внутренних связей и расширении круга взаимодействия и партнерства в инновационной среде. Борис Захарович всегда отличался способностью быстро схватывать суть и адаптироваться к намечающимся изменениям. Он часто вспоминал слова Питера Друкера, считавшего целью инновации в любой сфере не знание само по себе, а эффективные изменения, достигнутые вследствие использования этого знания.

Б.З. Мильнер собирался всерьез продолжить заниматься проблемами управления организационными изменениями, особенно в связи с новыми подходами к государственному управлению (А.Е. Городецкий, С.Н. Сильвестров, В.К. Сенчагов). При том что у нас много сторонников государственного регулирования экономики, научная проработка этого вопроса в свете новых задач оставляет желать лучшего. Конечно, было стремление перестроить систему государственного управления, были и реформы исполнительной власти, и реформы вертикали власти, но на практике результаты всегда досадным образом отличались от желаемых. Справедливости ради следует упомянуть и определенные успехи – например, реформы 1965 г., в которых активно участвовал и Б.З. Мильнер. Но с тех пор прошло много времени, а развития в намеченном направлении те реформы так и не получили. Более того, именно государственное управление и сейчас приходится признать самым слабым звеном (В.К. Сенчагов). Как раз в разгар мирового экономического кризиса Борис Захарович высказал ряд гипотез и очень интересных соображений о том, чем сейчас нужно заниматься в сфере государственного управления и на чем должен сосредоточиться вновь образованный в структуре Института сектор И.И. Смотрицкой. Сегодня сложились объективные потребности в исследованиях по этой тематике. И можно уверенно утверждать, что неопределимую роль здесь сыграют работы Бориса Захаровича по управлению горизонтальными связями и по организации управления инновациями. И конечно, понадобится добротная, Мильнеровская, пирамида знаний, опыта и чувства нового.

Есть еще один очень непростой аспект современного поиска новой модели управления, где метод Б.З. Мильнера в управлении организационными изменениями оказывается особенно востребованным. Сейчас делаются только первые шаги по выработке эффективной стратегии социально-экономического развития страны. Приходит понимание важности структурного преобразования реального сектора, страте-

гических направлений развития ключевых отраслей экономики и, что особенно важно, координации этих направлений и управления этой координацией. Многие считают необходимым создание специального государственного органа по стратегическому управлению и координации. Вполголоса называют его Госпланом, который в свое время был мощной машиной такого управления. Машину разрушили, новой не создали (В.К. Сенчагов). Наверное, не только из нежелания, но и по причине незнания вопроса, недостатка такого управленческого знания. Бориса Захаровича, который и тут смог бы с размахом, мудро взяться за решение проблемы, уже нет с нами. Лучшей памятью о нем будет продолжение начатого им Дела, научные исследования по вопросам управления организационными изменениями, статьи и книги об этом, расширение и развитие заложенного им фундамента знания.

Литература

1. Честер Б. Функции руководителя. Власть, стимулы, ценности в организации. Челябинск: Социум, ИРИСЭН. 2009.
2. Chester I. Barnard. The Functions of the Executive // Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England. 1938.
3. Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Реформы управления и управление реформами: В 2 ч. / Б.З. Мильнер; Рос. акад. наук. Ин-т экономики. М.: ИЭ РАН, 1994.
5. Мильнер Б.З. Фактор доверия при проведении реформ // Вопросы экономики. 1998, № 4. С. 27–38.
6. Мильнер Б.З. Уроки бюрократической системы управления // Вопросы экономики. 1999, № 1. С. 77–87.
7. Организация управления. Проблемы перестройки / Под ред. Д.М. Гвишиани, Б.З. Мильнера. М.: Изд-во «Экономика», 1987.
8. Американский капитализм и управленческие решения: Теория и методы принятия решений / Б.З. Мильнер, Л.И. Евенко, Ю.А. Ушапов и др.. АН СССР, Ин-т США и Канады. М: Наука, 1977.
9. Системный подход к организации управления / Б.З. Мильнер, Л.И. Евенко, В.С. Рапопорт. М.: Экономика, 1983.
10. Организация управления в капиталистических фирмах / Переводы статей / Автор пред. Б.З. Мильнер. М.: Экономика, 1978.
11. Организация управления крупным промышленным комплексом: Опыт КамАЗа / Под общ. ред. Б.З. Мильнера. М.: Экономика, 1977.
12. АВТОВАЗ на рубеже эпох / Под ред. Л.И. Абалкина. Коллектив авторов: Б.З. Мильнер, Н.Г. Гловацкая, С.Г. Лазуренко, А.С. Нешиной, П.М. Кацура, Е.А. Башинджогян, А.В. Летенко. М.: ИЭ РАН, 2006.

13. Мильнер Б.З. Управление знаниями. М.: ИНФРА-М, 2003.
14. Управление знаниями в инновационной экономике: Учебник / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009.
15. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009.
16. Мильнер Б.З., Орлова Т.М. Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление: Монография. М.: ИНФРА-М, 2013.
17. Дерябина М.А. Горизонтальная экономика: контуры управления (О книге Б. Мильнера и Т. Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление») // Вопросы экономики. 2013. № 7.
18. Мильнер Б.З. Организация программно-целевого управления. М.: Издательство «Наука», 1980.
19. Хван В., Хоровитт Г. Тропический лес: секрет создания следующей Силиконовой долины. Томск: Издательство ТУСУР, 2012.
20. Hwang V.W., Horowitz G. The Rainforest: The Secret to Building the Next Silicon Valley. California: Regenwald, 2012.

М.А. DERYABINA

PhD in economics, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
deryabina.marina@rambler.ru

THE CONTEMPORARY ISSUES OF MANAGEMENT IN THE SCIENTIFIC

B.Z. MILNER'S HERITAGE

The paper distinguishes the main conceptual scientific problems which became an objective of the whole fruitful scientific research activity of B.Z. Milner. Including: theory of the organization, theory of public administration, management of knowledge, management of innovative development. The great importance of theoretical development of B.Z. Milner for understanding of modern problems of social and economic development and management of organizational changes is specified in the paper.

Keywords: *theory of the organization, management of knowledge, economy of knowledge, innovative development, management, structure of management, management of horizontal communications, leadership, management of talents.*

JEL: H110, L140, L510, M110, O320.

Л.А. СТРИЖКОВА

доктор экономических наук, заместитель директора и руководитель
Центра макроэкономического прогнозирования и межотраслевых
исследований ФБНУ «ИМЭИ»

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ НА ИНФЛЯЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

В статье представлены результаты факторного анализа динамики российских цен – цен на потребительском рынке и цен производителей (по видам продукции) за период 2002–2013 гг. Выделены три группы промышленных производств, различающиеся скоростью роста цен. Изложены выводы автора о причинах и следствиях различий в динамике цен в выделенных отраслевых группах. Охарактеризовано влияние на инфляционные процессы в России динамики мировых цен и государственной политики по регулированию цен в секторе естественных монополий, а также политики по заработной плате. Оценены эффекты ценовой мультипликации, инициируемые первичными ценовыми импульсами.

Ключевые слова: *индексы цен, инфляция, потребительский рынок, отрасли, газ, нефть, электроэнергия, тарифы, доходы, затраты, функции, факторы.*

JEL: E31, E42.

Обращение к ретроспективному анализу российской инфляции, ее связи с внешними факторами и внутренней политикой (регулирование цен в сфере естественных монополий, валютного курса и т.д.) позволяет более осознанно решать текущие проблемы в этой области.

В настоящее время в сферу государственного ценового регулирования включаются цены на газ, тарифы на электро- и теплоэнергию для конечных потребителей (включая сетевую составляющую), тарифы на перевозки железнодорожным транспортом (грузовые и пассажирские) и некоторые другие виды цен. Для всех регулируемых цен используется общий подход к определению допустимых пределов их повышения, основанный на методе «необходимой валовой выручки» (или, иначе, – методе «затраты плюс»). Он основан на учете динамики издержек в регулируемом сегменте (отрасли), включая оптимизацию статей издержек, и исходит из необходимости обеспечения достаточной прибыли для нормального функционирования отрасли и финансирования (в части тарифной составляющей) инвестпрограмм по ее развитию.

В рассматриваемый период (2003–2013 гг.) Банком России проводилась политика регулируемого плавающего валютного курса, в соответствии с которой использовался механизм валютных интер-

венций для поддержания курса в рамках установленного коридора значений. С ноября 2014 г. регулятор денежного рынка перешел на политику плавающего курса и оставил за собой право использовать инструмент валютных интервенций для коррекции курса лишь в случае угрозы финансовой стабильности (чем и воспользовался уже в декабре 2014 г.).

1. Общая характеристика динамики цен в 2003–2013 гг.

В целом за период 2003–2013 гг. (см. табл. 1) общий уровень цен на потребительском рынке повысился в 2,8 раза. Цены на потребительские товары характеризовались устойчиво более низкой динамикой, нежели цены на услуги. В целом за период они возросли в 2,5 раза (цены на услуги – в 4,3 раза).

Динамика цен производителей промышленной продукции для внутреннего рынка, цен на строительную продукцию и услуги транспорта заметно обгоняла динамику цен на потребительские товары, цены в указанных секторах возросли, соответственно, в 3,6 раза, в 3 и 4,3 раза. В целом за рассматриваемый период имел место внушительный рост располагаемого денежного дохода населения (в 6,2–6,3 раза), а также весьма активное (до 2008 г.) наращивание потребительского кредита. Но политика в сфере доходов населения не приводила, на наш взгляд, к эффектам инфляции спроса на потребительском рынке. Спрос на продукцию отнюдь не превышал возможностей ее предложения. Существенная часть денежных доходов населения «отсасывалась» по линии импорта, а также уходила в накопление.

2. Динамика цен на потребительском рынке

Сводный индекс цен на потребительском рынке (ИПЦ) – многосоставной агрегат, при его построении учитываются изменения цен покупателей на различные виды потребительских товаров (отечественных и импортных) и услуг, а также долевые пропорции в покупках этой продукции.

Анализ влияния цен на трех сегментах потребительского рынка (продовольственных и непродовольственных товаров, услуг) на уровень инфляции (формула 1) показывает, что наиболее высока (0,44) эластичность его связи с ценами на рынке продовольственных товаров. С ценами на непродовольственные товары она оценивалась на уровне 0,37, а каждый процент в приросте цен в секторе услуг обеспечивал увеличение уровня потребительских цен на 0,2%. Такое различие в коэффициентах эластичности во многом объясняется структурой расходов населения на покупку товаров и услуг.

Таблица 1

Общие характеристики динамики цен

	За период 2013–2002	Среднегодовые темпы роста цен за период				
		2003– 2005	2006– 2008	2009	2010– 2012	2013
1. Инфляция на потребительском рынке	2,8	1,124	1,109	1,12	1,068	1,068
1.1. Товары	2,5	1,100	1,098	1,11	1,066	1,06
1.1.1. Продовольственные товары	2,9	1,113	1,124	1,12	1,071	1,08
1.1.2. Непродовольственные товары	2,1	1,081	1,069	1,10	1,059	1,05
1.2. Услуги	4,3	1,228	1,144	1,15	1,074	1,08
2. Сводный индекс цен производителей промышленной продукции	3,6	1,201	1,159	0,93	1,122	1,033
3. Сводный индекс цен строительной продукции	3,0	1,124	1,152	1,05	1,072	1,06
4. Индекс цен на услуги грузового транспорта	4,3	1,181	1,151	1,15	1,112	1,08
5. Индекс цен на услуги грузового ж/д транспорта	3,4	1,174	1,120	1,12	1,085	1,05
Справочно:						
Индекс мировых цен на нефть (Urals)	4,65	1,284	1,243	0,65	1,219	0,976
Индекс внутреннего валютного курса (руб/\$США)	1,02	0,966	0,957	1,28	0,993	1,024
Индекс среднеконтрактных цен импортных товаров	1,8	1,052	1,103	0,96	1,042	1,03
Индекс внутренних цен импорта (с учетом курса)	1,8	1,017	1,056	1,23	1,035	1,05
Индекс располагаемых денежных доходов населения	6,2	1,266	1,211	1,15	1,107	1,10

$$I_{PC} = 0,4 \cdot I_{PT} + 0,37 \cdot I_{NT} + 0,2 \cdot I_{PUS}. \quad R^2 = 1,00. \quad (1)$$

I_{PC} – темп прироста цен на потребительском рынке (инфляция в среднегодовой оценке); I_{PT} – темп прироста цен на продовольственные товары; I_{NT} – темп прироста цен на непродовольственные потребительские товары; I_{PUS} – темп прироста цен на платные услуги населению; R^2 – коэффициент детерминированности ($0 \leq R^2 \leq 1$), чем ближе он к 1, тем лучше аппроксимирующие свойства составленной функции.

Две более содержательные факторные функции ИПЦ представлены формулами (2) и (3). Каждая из объясняющих переменных в этих функциях связана с решениями в сфере государственной политики и/или зависит от цен мирового рынка.

$$I_{PC} = 0,27 \cdot I_{CPDA} + 0,33 \cdot I_{RDN} + 0,21 \cdot I_{IMV} \quad R^2 = 0,99. \quad (2)$$

$$I_{PC} = 0,29 \cdot I_{RDN} + 0,31 \cdot I_{IMV} + 0,16 \cdot I_{CPPROM} + 0,25, \quad R^2 = 0,86. \quad (3)$$

I_{RDN} – темп прироста располагаемых доходов населения; I_{CPDA} – темп прироста цен производителей пищевой отрасли (DA); I_{IMV} – темп прироста внутренних цен на импортные товары; I_{CPPROM} – темп прироста цен производителей промышленной продукции; R^2 – коэффициент детерминированности в регрессионных уравнениях.

И в функции (2), и в функции (3) на высоком уровне (0,33 и 0,29) определен коэффициент связи инфляции с показателем располагаемых денежных доходов населения, характеризующим ограничения спроса. На динамику доходов населения оказывает влияние государственная политика по индексации заработной платы в бюджетных организациях (где сконцентрирована почти четверть занятых в экономике лиц) и социальных трансфертов населению в денежной форме. И общий тренд динамики денежных доходов населения во многом повторяет тренд регулируемой ее части.

Индексы внутренних цен на импорт оцениваются как произведение индексов среднеконтрактных импортных цен на индексы внутреннего обменного курса доллара. В этих параметрах отражено влияние внешних факторов – цен на импортируемую и экспортируемую продукцию (в последнем случае – это цены на нефть, от которых существенно зависит курс валюты в России) и фактора валютной политики, проводимой ЦБ.

В отношении курса можно отметить его тесную связь с темпами экспортной выручки. Связь носила «обратный» характер – коэффициент корреляции составлял (–) 0,93 и был достаточно устойчив.

Индекс цен производителей пищевой отрасли (DA), «задававший тон» на продовольственном сегменте потребительского рынка, неплохо представлялся как функция от цен на сельскохозяйственную продукцию и электроэнергию. Пищевая отрасль – одна из немногих отраслей, где связь с ценами на электроэнергию оценивается как достаточно значимая (корреляция 0,53). Таким образом, в функции ИПЦ (2) по каналу пищевых цен косвенно проявлялось и влияние цен на электроэнергию.

В другой функции ИПЦ (3) индекс цен производителей DA был заменен на сводный индекс цен производителей в промышленно-

сти, который рассматривался как аналог динамики промежуточных затрат в отраслях, работающих на потребительский рынок. Значимость влияния промышленных цен на уровень инфляции была подтверждена. Одновременно было доказано, что основную роль в формировании ИПЦ все же играют индексы внутренних импортных цен и располагаемых доходов населения.

Более низкие оценки инфляции на *потребительском рынке товаров* в сравнении с другими сегментами внутреннего рынка (см. табл. 1) во многом объясняются динамикой и структурой совокупного платежеспособного спроса, его распределением между отечественной и импортной продукцией.

Доля импорта в массе потребительских товаров характеризовалась ростом (исключение 2009 г.) и сформировалась к 2014 г. на весьма высоком уровне. В частности, в группе непродовольственных товаров в 2013 г. она оценивается в 55% (в 2003 г. – 44%). При этом темпы роста внутренних цен на импорт были более низкими в сравнении с темпами роста цен на отечественную продукцию (исключение – 2009 г.). В целом за период средний уровень цен на импортную продукцию увеличился только на 80% (см. табл. 1), что, в числе прочего, было связано с укреплением курса рубля. Динамика внутренних цен на импорт оказывала сдерживающее влияние на уровень инфляции на потребительском рынке.

Рост цен на *платные услуги населению*, доля которых в структуре расходов населения, по данным СНС, сегодня составляет порядка 26% (в 2002 г. – 23,6%), опережал динамику цен на потребительские товары, оказывая повышательное влияние на сводный индекс потребительских цен (эластичность связи – 0,195).

В целом за рассмотренный период уровень цен на потребительские услуги возрос в 4,3 раза (уровень цен на потребительские товары – в 2,5 раза). Столь внушительное повышение уровня цен в секторе услуг в основном связано с ситуацией в 2003–2005 гг., когда темпы роста цен на услуги были особо высоки (в среднегодовой оценке – около 123%). В последующие годы они заметно замедлились.

На долю услуг образования, здравоохранения, транспорта, жилищно-коммунальных платежей приходится порядка 75% в общей стоимости платных услуг населению. Значимое влияние на сводный индекс цен в секторе платных услуг населению оказывает государственная политика в отношении *жилищно-коммунальных платежей, а также в части тарифов на услуги пассажирского железнодорожного транспорта*. На их долю, по данным СНС, за 2011 г. приходилось, соответственно, более 41% и 13% в объеме расходов населения на платные услуги. По данным статистики цен, за период с конца 2002 г. до конца 2013 г., существенно выросли все ключевые регулируемые тарифы по оплате

жилищно-коммунальных услуг для населения. Сетевой газ для населения подорожал в 6,7 раза, услуги водоснабжения и канализации – в 6,9 раза; отопление – в 6,1 раза; плата за жилье в домах муниципального и городского жилищного фонда – в 6 раз. Тарифы на услуги железнодорожного пассажирского транспорта и основной тариф на электроэнергию для населения возросли в 4,3 раза.

Сегодня много говорится о необходимости устранения перекрестного субсидирования населения по линии оплаты электроэнергии. Несмотря на существенное удорожание тарифа по оплате электроэнергии для населения, он остается на более низком уровне, чем тариф для промышленных предприятий и других организаций. Поскольку средний (для всех категорий потребителей) регулируемый тариф на электроэнергию – величина расчетная, устанавливаемая государством, исходя из соображений экономической необходимости, получается, что при заниженных тарифах для населения, на другие категории потребителей падает относительно большая нагрузка по решению текущих и капитальных проблем энергетики и газового сектора. Занижая тариф для населения, государство субсидирует население за счет других категорий потребителей. При этом издержки на подачу электроэнергии для бытовых нужд (на что расходуется более 12% общего объема электроэнергии) объективно выше, чем для производственных потребностей.

Устранение явления перекрестного субсидирования и повышение тарифов на электроэнергию для населения будет иметь ряд благоприятных экономических следствий для всех отраслевых производителей. Основную часть выгод от относительного снижения расходов на электроэнергию получают сектора, куда направляются наиболее мощные потоки электроэнергии, – это экспортоориентированные сектора (металлургический и нефтегазовый), а также сектор транспортной инфраструктуры.

3. Динамика цен производителей промышленной продукции

3.1. О факторах, определявших различия в изменении уровня цен на отраслевую продукцию в период 2003–2013 гг.

Можно выделить три группы видов промышленной продукции (и соответственно отраслевых производств) по признаку существенно наблюдавшихся в ретроспективе темпов роста цен ее производителей (см. табл. 2).

Первая группа промышленных отраслей.

Наиболее существенный рост цен производителей в целом за рассмотренный период (в 4–7 раз) имел место в первой группе, куда вошло

Таблица 2

Группировка видов промышленной продукции по темпам роста цен производителей

	ОКВЭД классы. разделы	За период 2013/2002	Среднегодовые темпы роста цен производителей за период				
			2003- 2005	2006- 2008	2009	2010- 2012	2013
Первая группа – наиболее значимое удорожание за период							
Нефть	11.10.1	6,9	1,39	1,18	0,80	1,25	1,01
Газ	11.10.2	7,4	1,21	1,15	1,18	1,23	1,24
Металлические руды	13	5,6	1,32	1,19	0,81	1,22	0,97
Уголь	10	4,3	1,29	1,21	0,74	1,20	0,90
Кокс, нефтепродукты	DF	4,8	1,29	1,19	0,85	1,15	1,04
Вторая группа – удорожание за период близкое к среднему по промышленным товарам							
Производство и распределение электроэнер- гии, газа и воды	E	3,6	1,16	1,14	1,18	1,07	1,08
Металлургическое производство	DJ	3,7	1,27	1,16	0,89	1,10	0,96
Химическое производство	DG	3,4	1,16	1,18	0,87	1,14	1,01
Производство прочих неметаллических мине- ральных продуктов	DI	3,2	1,17	1,21	0,90	1,06	1,03
Третья группа – наименее значимое удорожание за период, близкое к динамике цен потребительского рынка							
Машины и оборудование	DK	2,6	1,12	1,13	1,10	1,05	1,02
Электрооборудование, электронное и оптическое оборудование	DL	2,3	1,09	1,11	1,05	1,06	1,02

	ОКВЭД классы. разделы	За период 2013/2002	Среднегодовые темпы роста цен производителей за период				
			2003- 2005	2006- 2008	2009	2010- 2012	2013
Транспортные средства	DM	2,6	1,14	1,10	1,03	1,08	1,01
Прочие производства (промышленные)	DN	2,9	1,12	1,12	1,16	1,09	1,01
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	DA	2,7	1,11	1,13	1,07	1,07	1,06
Текстильное и швейное производство	DB	2,4	1,10	1,07	1,08	1,08	1,04
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	DC	2,3	1,08	1,07	1,06	1,10	1,07
Обработка древесины и производство изделий из дерева	DD	2,4	1,12	1,13	0,96	1,06	1,04
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	DE	2,1	1,07	1,11	1,04	1,05	1,03
Производство резиновых и пластмассовых изделий	DH	2,2	1,09	1,08	1,07	1,07	1,02
Справочно:							
Продукция растениеводства	01.1	3,2	1,152	1,201	0,87	1,061	1,17
Продукция животноводства	01.2	2,7	1,140	1,112	1,05	1,069	1,02
Лесное хозяйство	02	2,4	1,113	1,111	1,02	1,056	1,04

углеводородное сырье и нефтепродукты, а также сырье для металлургического производства.

Характеристики динамики цен на продукцию первой группы (за исключением газовых цен) ощутимо коррелированы с динамикой мировых нефтяных цен. Например, значение коэффициента корреляции по нефти и нефтепродуктам составляет соответственно 0,89 и 0,91; по углю и металлическим рудам – 0,84 и 0,80. Обратим внимание, что прирост цен производителей в нефтедобыче за рассматриваемый период (6,9 раз) был выше, чем прирост мировых нефтяных цен (4,7 раза), что связано с политикой корпораций по сокращению разрыва между уровнем цен производителей нефти, реализуемой на внутреннем рынке, с ценами внешнего рынка.

К концу 2013 г. средняя цена производителей нефти и средняя цена приобретения для внутренних потребителей составляли соответственно порядка 47% и 60% от мировой цены на нефть марки «Urals».

Цены производителей газа характеризовались весьма высокими темпами роста (7,4 раза за период), заметно опережавшими динамику внутренних цен его приобретения. Их отрыв от цен приобретения на внутреннем рынке сократился в 2 раза – с 7,7 раз (2003 г.) до 3,6 раза (2013 г.). Темп роста регулируемых государством цен – цен приобретения – существенно обгонял динамику мировых газовых цен, которая (с определенным лагом) следовала за динамикой нефтяных цен. Уровень внутренних цен приобретения газа за 2003–2013 гг. повысился в 5,7 раза и составил к концу 2013 г. 37,6% от цены на российский газ для стран дальнего зарубежья (в 2002 г. – 21,1%). Цена приобретения газа для российских потребителей вплотную приблизилась к ценам газа для американской промышленности, которые более чем в 2 раза ниже цен продажи газа в Европе.

Вторая группа промышленных отраслей.

Динамика цен на товары второй группы в целом меньше связана с динамикой мировых нефтяных цен. Исключение составляют цены в химическом производстве, где наблюдается устойчивый высокий коэффициент корреляции с динамикой мировых цен на нефть (0,93). Уровень внутренних цен на товары первой группы в решающей мере оказывает влияние (прямое и опосредованное) на издержки производителей продукции второй группы, а также в других секторах. Одним из каналов, транслирующих это опосредованное влияние, являются затраты на электроэнергию.

В структуре затрат на промежуточное потребление отрасли Е (где цены на продукцию регулируются государством) при сложившихся технологиях производства основную долю (по оценке – 78%) составляют затраты на газ, уголь, нефтепродукты (мазут) и саму электро-

энергию. По данным энергетической статистики, в отрасли группы Е на нужды преобразования энергии направляется порядка 56% газа, реализуемого на внутреннем рынке, 53% мазута, почти весь бурый уголь и около 58% каменного угля. А на долю электроэнергии, поступающей в конечное использование самой отрасли Е, приходится (исключая потери) более 12% общего объема ее конечного использования в экономике. Динамика издержек в электроэнергетике, где государство устанавливает цены с учетом ее затрат и инвестиционных планов, является крайне зависимой от цен на продукцию первой группы отраслей, в том числе от газовых цен, в свою очередь регулируемых государством.

В структуре распределения электроэнергии по конечным потребителям (за вычетом потерь в сетях) на долю отраслей первой группы приходится весьма внушительная ее часть – почти 15%, в том числе на добычу нефти и газа – почти 10%.

Отрасли второй группы потребляют 35% производимой электроэнергии (из них на долю двух отраслей Е и металлургии, приходится основная часть – 28%, т.ч. 12% уходит в энергетику и 16% в металлургию). Отрасли третьей группы поглощают 9,8% электроэнергии. Издержки отраслей второй группы весьма чувствительны к ценам на электроэнергию.

Цены производителей на продукцию для внутреннего рынка (кроме регулируемого сегмента) при сложившемся уровне реального спроса определяются в конечном итоге платежеспособностью внутренних покупателей. А так как производители второй группы выпускают в основном продукцию промежуточного спроса, которая используется и в более доходных экспортных производствах (в том числе первой группы), и в менее доходных производствах третьей группы, они занимают среднее положение в таблице с группировками по индексам цен производителей.

Третья группа промышленных отраслей.

Большинство производств третьей группы ориентировано на выпуск конечной продукции потребительского или инвестиционного назначения, а также продукции для строительства. Динамика их цен производителей в относительно большей степени определяется ограничениями конечного спроса – потребительского и инвестиционного, нежели динамикой издержек.

Учитывая значимое конкурентное давление со стороны потребительского и инвестиционного импорта, возможности полномасштабной компенсации роста издержек в многих отраслях этой группы за счет роста цен на продукцию весьма невелики. Этим во многом объясняется отставание динамики цен в третьей группе (таблица 2) от динамики цен в первой и второй группе, а также невысокие пара-

метры динамики цен потребительских на товары. Для большинства отраслей третьей группы характерны относительно низкие показатели рентабельности.

Производители товаров внутреннего конечного спроса (потребительских и инвестиционных) находились в неблагоприятной ценовой ситуации, которую можно назвать «рыночными ножницами цен». При сложившейся динамике внутренних цен на эту продукцию и издержек по ее производству прибыль у ее производителей была явно недостаточна для проведения активной политики модернизации и роста выпуска конкурентоспособной продукции. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, сетуя на вялость импортозамещения в рассматривавшийся период.

3.2. Транспортные цены

В составе факторов, влияющих на уровень цен производителей со стороны издержек, наряду с ценами на электроэнергию, необходимо отметить важную роль *транспортных цен*. Значимой статьёй (по оценке, более 8%) в затратах экономики на промежуточное потребление являются транспортные расходы. Динамика цен в транспортной отрасли оказывает существенное влияние на издержки в других отраслях. Особо сильное влияние – в отрасли торговли (G), что сказывается на удорожании торговых наценок и, соответственно, цен покупателей. В структуре грузооборота порядка 93% приходится на транспортирование по трубопроводам (49,4%) и железнодорожным транспортом (43,2%).

В целом за рассматриваемый период цены на услуги грузового транспорта возросли в 4,3 раза, в том числе железнодорожного грузового транспорта – в 3,4 раза. Транспортная отрасль весьма энергоемка – «поглощает» порядка 9% электроэнергии в общем объеме ее конечного использования во внутренней экономике.

Коэффициент корреляции тарифов грузового транспорта с ценами на электроэнергию составляет 0,73, он заметно выше, чем коэффициент корреляции с ценами на нефтепродукты (0,56). При этом доля затрат в транспортных отраслях на нефтепродукты (в расходах на промежуточное потребление) почти в 2 раза превышает долю затрат на электроэнергию.

Динамика тарифов на грузовой транспорт на рассмотренном периоде хорошо описывается функцией с двумя регрессорами – темпами прироста цен производителей в DF и цен на электроэнергию. Коэффициент связи при втором регрессоре существенно выше, чем при первом (соответственно 0,8 и 0,2), что является дополнительным подтверждением связи политики в части тарифов на электроэнергию с политикой по регулированию транспортных тарифов.

3.3. Сводный индекс цен производителей промышленной продукции

Сводный индекс промышленных цен – результат влияния многочисленных факторов со стороны спроса и издержек. Между факторами, в свою очередь, существует сложная система прямых и обратных связей, которую трудно точно описать на количественном уровне в форме единой функции. Такая ситуация возникает и с анализом факторных влияний на изменение уровня средних цен в промышленности. Проиллюстрируем это положение результатами соответствующих оценок трех функций (4)–(6).

$$I_{CPPROM} = 0,34 \cdot I_{NEF} + 0,41 \cdot I_E + 0,10 \cdot I_{GAZ}, \quad R^2 = 0,975. \quad (4)$$

$$I_{CPPROM} = 0,42 \cdot I_{NEF} + 1,06 \cdot I_E + 0,15 \cdot I_{GAZ} - 0,71 \cdot I_{TR}, \quad R^2 = 0,993. \quad (5)$$

$$I_{CPPROM} = 0,27 \cdot I_{NEF} + 0,72 \cdot I_{STR}, \quad R^2 = 0,971. \quad (6)$$

I_{CPPROM} – темп прироста цен производителей промышленной продукции; I_{NEF} – темп прироста мировых цен на нефть «Юралс»; I_E – темп прироста цен производителей в отрасли Е; I_{GAZ} – темп прироста цен производителей в газодобыче; I_{TR} – темп прироста тарифов на услуги грузового транспорта; I_{STR} – темп прироста цен производителей в строительстве; R^2 – коэффициент детерминированности в регрессионных уравнениях.

Наборы объясняющих переменных для каждой из трех функций (4), (5), (6) имеют область пересечения, мультиколлинеарная связь между факторами отсутствует.

В первой функции объясняющими переменными являются темпы прироста мировых цен на нефть, электроэнергию и газ. Во второй функции был добавлен фактор транспортных цен. Хотя статистические характеристики функции (в том числе R^2) улучшились, параметр при факторе транспортных цен вошел в отрицательную область. Экономически интерпретируя это явление, можно считать, что рост транспортных цен «давит» сверху на динамику цен производителей в условиях спросовых ограничений. С «технической» стороны за этим может стоять «перенасыщение» функции регрессорами. В третьей функции, при сохранении в составе объясняющих переменных нефтяных цен, осуществлена замена всех индексов регулируемых цен на один индекс цен на строительную продукцию. И статистические характеристики функции получились вполне удовлетворительными.

Приведенные данные говорят о необходимости осторожного подхода к оценке результатов регрессий при получении выводов о мере связи различных ценообразующих факторов с индексами цен. Тем не менее они позволяют утверждать, что:

1) внутренние цены на промышленную продукцию находились под сильным влиянием внешних цен на рынке углеводородов;

2) динамика промышленных цен существенно зависит от цен на электроэнергию и транспорт, однако во многих отраслях это влияние в основном косвенное, через удорожание энергоемкой и/или транспортноёмкой продукции промежуточного назначения.

Существенным подспорьем в оценке меры воздействия ценообразующих факторов на сводные индексы цен (в т.ч. отраслевые) является межотраслевой инструментарий. Некоторые результаты ее применения приведены ниже.

4. Эффекты ценовой мультипликации

Любой ценовой импульс, возникающий в одном из ее сегментов, мультипликативно распространяется в другие сегменты, что приводит к кратному повышению его прямой оценки воздействия на экономику. Действие мультипликатора может быть описано схемой: начальный прирост затрат в промежуточном потреблении или на оплату труда → начальный прирост цен на покрытие начального прироста затрат → дополнительный мультиплицированный прирост затрат в связи с ростом цен → последующий прирост и итоговый прирост цен. Процесс является сходящимся.

Эффект мультипликации может быть оценен с применением различных версий ценовой модели МОБ. Можно привести (см. табл. 3) ряд экспериментальных оценок «ценовой чувствительности» экономики к воздействию ряда первичных ценовых импульсов, действующих со стороны издержек. При расчетах предполагалось, что в приросте отраслевых цен компенсируется прирост затрат на промежуточное потребление и оплату труда. Расчет проведен в двух вариантах: вариант I – без учета обратного влияния инфляции на потребительском рынке на рост оплаты труда (который формирует новый импульс к повышению цен) и вариант II – с его учетом. В состав анализируемых факторов включались:

- 1) прирост цен на газ для всех потребителей на 10%;
- 2) прирост цен на электроэнергию для всех потребителей на 10%;
- 3) прирост транспортных тарифов для всех потребителей на 10%;
- 4) прирост оплаты труда в секторе услуг на 10%;
- 5) прирост оплаты труда во всех отраслях на 10%;
- 6) прирост внутренних цен на импорт для всех потребителей на 10%.

Оценки темпов роста цен в экономике (см. табл. 3) характеризуют полный инфлятогенный потенциал рассмотренных факторов, оцененный в условиях структуры экономики 2013 г.

Таблица 3

Влияние отдельных ценообразующих факторов на уровень цен в экономике¹

Факторы	ИЦП промышл.	Индекс- дефлятор конечного потребления домашних хозяйств	Индекс – дефлятор валового накопления основного капитала
1. Газ (удорожание на 10%)			
Вариант 1	1,014	1,004	1,003
Вариант 2	1,017	1,007	1,006
2. Электроэнергия (удорожание на 10%)			
Вариант 1	1,026	1,008	1,005
Вариант 2	1,030	1,013	1,010
3. Транспорт (удорожание на 10%)			
Вариант 1	1,012	1,014	1,008
Вариант 2	1,020	1,020	1,015
4. Оплата труда в секторе услуг (повышение на 10%)	1,013	1,011	1,013
5. Оплата труда во всех отраслях (повышение на 10%)	1,043	1,035	1,035
6. Импорт (удорожание на 10%)			
Вариант 1	1,019	1,028	1,033
Вариант 2	1,037	1,043	1,047

Такие расчеты проводятся и для более содержательных сценариев с изменением ценообразующих параметров. Ценовые модели позволяют получить хороший результат. Например, при вводе в ценовую модель данных за 2012 г. по управляющим параметрам (п. 1-6) расчетные значения индекса цен промышленной продукции (1,067) и индекса инфляции на потребительском рынке (1,053) практически совпадали с отчетными данными в среднегодовой оценке (1,068 и 1,051).

Обратим внимание, что в 2012 г. был поставлен «барьер» для повышения цен на электроэнергию – их индекс в среднегодовой оценке составил 1. При отсутствии такого барьера наблюдавшийся в 2012 г. рост цен на газ спровоцировал бы увеличение цен на электроэнергию не менее чем на 25%, транспортных цен – на 9%. Сводный индекс цен в промышленности превысил бы 113%, а индекс потребительских цен – 108%.

¹ Экспериментальные расчеты с применением ценовой модели межотраслевого баланса.

Заключение

На повестке дня стоят две взаимосвязанные задачи – торможение инфляционных процессов и активизация импортозамещения. Одним из важных условий вхождения экономики в область естественного инфляционного фона является обеспечение устойчиво низкой курсовой динамики. Радикальное решение этой задачи – снижение зависимости страны от импорта. Однако для выхода из «ловушки импортопотребления» [1], в которой оказалась наша страна, необходимо и время, и деньги, и рабочая сила. Решать задачи импортозамещения фронтально, по всем направлениям сразу, не получится – не хватит ресурсов. Необходима разработка Национальной программы импортозамещения с указанием приоритетных направлений, этапов и целевых ориентиров по снижению уровня импортозависимости страны по ключевым видам продукции. При этом успешность Национальной программы во многом будет определяться мерами государственной политики в сфере налогов, цен, доходов, т.е. системными факторами, с которыми связаны инвестиционные возможности производителей. Выбор управленческих решений в этой области может быть оптимизирован путем сопоставления связанных с ними экономических эффектов. Широкие возможности для оценки эффектов открываются при использовании межотраслевых моделей, в том числе ценовых моделей на основе МОБ.

Литература

1. Стрижкова Л.А., Тишина Л. О ловушке импортопотребления // Экономист. 2012. № 5.

L.A. STRIZHKOVA

doctor habilitatus in economics, deputy director for scientific work, head of the Center of macroeconomic forecasting and input-output research of the Institute for macroeconomic research, Moscow, Russia

LStrig@isr.ru

THE INFLUENCE OF EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS ON INFLATION PROCESSES IN RUSSIA

The paper presents the results of the factor analysis of Russian prices' dynamics – prices in the consumer market and producer prices (by product groups) for the period of 2002–2013 years. Three groups of industrial production, which differ in the prices' growth rates, are identified. Author's conclusions on causes and consequences of differences in price rates in the selected groups are proposed. The influence of world price changes and government policy in the sphere of price regulation in the sector of natural monopolies as well as the policy on wages are characterized. Effects of price multiplication initiated by primary price impulses are estimated.

Keywords: price indices, inflation, consumer market, industries, gas, oil, electricity, tariffs, income, costs, functions, factors.

JEL: E31, E42.

П.В. САВЧЕНКО

доктор экономических наук, Институт экономики РАН

М.Н. ФЕДОРОВА

доктор экономических наук, Институт экономики РАН

А.А. ШЛИХТЕР

кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН

ЭНДАУМЕНТ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Статья посвящена проблемам совершенствования институтов формирования и функционирования фондов целевого капитала (эндаументов) в России с учетом отечественного и зарубежного опыта. Предлагаются меры по развитию фондов целевого капитала (налоговые льготы, информация, имидж благотворителей, государственно-частное партнерство).

Ключевые слова: социальные инвестиции, эндаумент, фонд целевого капитала, некоммерческие организации, благотворительность, государственно-частное партнерство, человек как субъект экономики и общества, фандрайзинг, налоговые льготы

JEL: E44, G20, L31.

В настоящее время возможности социальных инвестиций государства и домашних хозяйств сокращаются. Россия столкнулась с экономическими и геополитическими угрозами (стагнация, снижение цен на нефть, антироссийские санкции, падение курса рубля). В условиях кризиса неизбежны сокращение доходов государственного бюджета и снижение реальных доходов населения. Вместе с тем возрастает необходимость в решении социальных проблем для развития общества, подготовки высокопрофессионального кадрового потенциала.

Существуют два варианта решения вышеназванных проблем – рыночный и мобилизационный. Нам представляется, что необходимо использовать возможности обоих вариантов на основе государственно-частного партнерства, сочетания индивидуальной свободы и социальной справедливости. В связи с этим становится чрезвычайно актуальной задача повышения роли институтов социальных инвестиций, не связанных с ростом государственных расходов и коммерциализацией социальной сферы. Одним из таких институтов являются эндаументы – фонды целевого капитала (ФЦК).

Эндаументы занимают особое место в структуре институтов социальных инвестиций. Эндаумент как институт социальных инвестиций функционирует на основе рыночных механизмов. У эндаумента (ФЦК) есть своя ниша в рыночной экономике – это операции с небольшим риском. Эндаументы выступают как долгосрочные инвесторы, способствующие стабилизации экономики.

Следует отметить, что *эндаументы в каждой стране имеют общие свойства, присущие им как институтам рыночной экономики, и идентичные особенности, связанные с законодательством, историей, культурой, религией и традициями.*

Особенности эндаумента в отличие от обычного благотворительного фонда заключаются в следующем:

- основной капитал является неприкосновенным, расходованию подлежит инвестиционный доход, получаемый в результате инвестирования средств уставного капитала;
- цели, на которые расходуются внесенные средства, строго определены;
- фонд учреждается бессрочно;
- дарители (доноры) обладают правом установления цели расходования дохода;
- в зависимости от условий дарения средства эндаументов могут использоваться свободно или по назначению, указанному донором.

Взносы в эндаументы (ФЦК) могут быть сделаны в виде денег, ценных бумаг и недвижимого имущества. Средства эндаумента вкладываются в ценные бумаги, доход от которых направляется некоммерческим организациям (НКО) на социальные цели. Для получателя этих доходов эндаумент является стабильным источником финансирования на долгосрочную перспективу. НКО становятся финансово устойчивыми, могут планировать свою деятельность по реализации целей, указанных жертвователем (донором).

Таким образом, средства, перечисленные в эндаументы, направлены не на разовое участие в благотворительности, а на создание постоянной, самовоспроизводящейся основы для целевых социальных инвестиций. Посредством эндаумента человек реализует себя как субъект экономики и гражданского общества, как субъект рыночных и социальных отношений.

Эндаументы выступают как институты взаимодействия государства, бизнеса и общества, обеспечивающие развитие человеческого потенциала. Внося средства в эндаументы, человек, группа людей или фирма становятся субъектами социального развития наряду с государством. Отношения человека и государства становятся комплементарными. Донор обозначает социальные цели, на которые пойдут доходы

от эндаумента. Человек решает социальные проблемы, которые не замечает и не решает государство. В результате возрастает социальная значимость человека. Человек реализует свое индивидуальное предпочтение – какую социальную проблему решать, в то же время реализуются и общественные интересы. Если внесены средства юридического лица, то коммерческие структуры реализуют себя как субъекты социального развития (города, субъекта РФ, страны), развивается партнерство бизнеса, образования и науки. По сути, внесение средств в ФЦК по свободному выбору донора означает, что социальные функции человека в обществе приобретают устойчивый характер. Это важно для укрепления нравственно-духовных основ общества.

Реализация мер, направленных на расширение свободы и развитие *предпринимательства* (налоговых и надзорных каникул, амнистии капиталов и др.), создает условия для возрастания роли предпринимателей не только в экономике, но и в обществе. В связи с этим целесообразно поощрять различные формы благотворительности физических и юридических лиц, в том числе пожертвования в ФЦК. При амнистии капиталов, возвращенных из-за рубежа, целесообразно также предусмотреть меры, заинтересовывающие вложение части этих средств в ФЦК.

Институт целевого капитала позволяет концентрировать средства, поступающие на основе договоров пожертвования от коммерческих структур и частных лиц, в фондах целевого капитала и использовать доходы от этих средств для развития образования, науки, здравоохранения и других социально значимых целей. Наиболее широкое развитие эндаументы получили там, где государственное финансирование социальной сферы изначально было незначительно (например, в США).

На современном этапе в России сформированы основы законодательной базы функционирования эндаументов (ФЦК)¹, а также необходимой инфраструктуры². Институт целевого капитала позволяет найти точки соприкосновения интересов бизнеса, образования и науки. Бизнес заинтересован получить высококвалифицированных специалистов, обрести привлекательный имидж в обществе, использовать информацию, собранную образовательными и научными

¹ Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» № 275-ФЗ от 30.12.06; Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от 12.01.96; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» № 328-ФЗ от 21.11.2011; Бюджетный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ и др.

² Организации-доноры; организации, распространяющие информацию о ФЦК; организации, готовящие специалистов для управляющих компаний, оказывающие юридическую помощь и т.п.

организациями (результаты опросов и т.п.). Образование и наука реализуют свои интересы, получая средства для финансирования своей деятельности.

В России доля государственного финансирования социальной сферы высока: по государственным бюджетным учреждениям образования – 97%, по учреждениям здравоохранения – 94%, по учреждениям культуры – 88% [1, с. 122]. ФЦК в России развиваются в основном в образовательных учреждениях. Среди них наиболее известны: Эндаумент-фонд Финакадемии, Фонд управления целевым капиталом ГУ-ВШЭ, Фонд целевого капитала «Образование и наука ЮФО», Эндаумент-фонд Бизнес-школы «Сколково», Фонд целевого капитала Российской экономической школы, Фонд целевого капитала МГИМО, Фонд целевого капитала развития Сибирского федерального университета, Фонд целевого капитала Южного федерального университета, Фонд Европейского университета в Санкт-Петербурге, Фонд целевого капитала ТюмГУ, Эндаумент НГУ («Новосибирский государственный университет») и др.

В настоящее время российские эндаумент-фонды нацелены на инновационное развитие фундаментальной и прикладной науки, а также на качественное технологическое обновление и преобразование системы подготовки специалистов. Фонды активно включаются в программу инновационного развития регионов своего базирования. Однако российские управляющие компании имеют небольшой опыт управления средствами эндаументов, причем треть из них имеет в управлении лишь один фонд целевого капитала. Как отмечают представители управляющих компаний, такие фонды представляют один из самых низкодоходных классов клиентов³.

У некоммерческих организаций существуют проблемы, связанные с законодательным регулированием деятельности ФЦК, а также проблемы поиска доноров (состоятельных граждан и организаций – потенциальных жертвователей средств в целевой капитал), поиска надежных управляющих компаний и поиска надежных ценных бумаг, акций, объектов собственности, приносящих стабильные доходы. Решать эти проблемы необходимо с учетом имеющегося исторического опыта России и обобщения накопленного зарубежного опыта. Анализ российского и зарубежного опыта позволяет выделить следующие ключевые направления развития: формирование системы институтов и инфраструктуры функционирования целевого капитала; сокращение посредников в сфере формирования целевого капитала и управления им; государственно-частное партнерство.

³ Доклад о состоянии развития фондов в России. М.: Форум доноров, 2012. С. 46; [2, с. 120].

Например, в Российской Империи с 1770 г. существовал «вечный капитал» – банковские вклады, проценты от которых шли на социальные цели. Постепенно сложилась система институтов и инфраструктуры неприкосновенного благотворительного капитала, по назначению аналогичного современному целевому капиталу. В отличие от современной России, он функционировал в сети общественных банков. Купцы делали взносы в коллективный богаделенный, больничный, тюремный и другой благотворительный капитал или формировали его индивидуально. Этот капитал отдавался в ссуду под залог или поручительство, а проценты использовались на содержание богаделен, больниц, заключенных, стипендии студентам и т.п. в соответствии с положениями, разработанными совместно благотворителями и городской думой. Организации, которым он предназначался, имели ограниченные права распоряжения – только брать проценты, не трогая основной суммы. Поскольку для этого капитала было характерно целевое использование, ограниченное право распоряжения, отказ от кредитования рискованных операций, то операции с благотворительным капиталом осуществлялись общественными банками. Общественные банки появились в России в конце XVIII – начале XIX в., а к началу Первой мировой войны существовало уже 367 городских общественных банков⁴.

Благотворительные фонды взаимодействовали с другими благотворительными организациями. Например, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова с момента создания (1775 г.) финансировался как государством, так и частными лицами в различных формах. Наиболее были распространены банковские вклады, проценты от которых шли на стипендии студентам из малообеспеченных семей. Благодаря этому смягчались сословные ограничения в получении высшего образования. Кроме того, делались вклады на другие конкретные цели – на строительство, приобретение книг, минералов и т.п.

В результате во второй половине XIX в. финансирование МГУ осуществлялось из трех источников: средств государства, платы студентов за обучение, процентов с благотворительных капиталов. Общество для выплаты пособий нуждающимся студентам объединяло благотворителей и создавало объединенные фонды. Соотношение государственных и благотворительных стипендий менялось в пользу последних. Если в 1882 г. количество студентов, получающих стипендии от государства, от различных ведомств и учреждений и от благотворительных фондов соотносилось как 191:96:169, то в 1912 г. оно стало 214:174:725 [3]. В 1879 г. было создано Московское общество бывших университетских воспитанников, которое помогало найти работу студентам и выпускникам.

⁴ Банковская система России в условиях мирового экономического кризиса М.: ИЭ РАН, 2009. С. 36–37.

Проценты с «вечного капитала» использовались также для выплаты премий за научные исследования и открытия. Особо необходимо отметить созданное в 1903–1909 гг. Общество содействия успехам опытных наук им. Х.С. Леденцова. Проценты от неприкосновенного капитала этого общества расходовались на поддержку научных исследований, которая начиналась уже на этапе разработок. Так, этим обществом были профинансированы лаборатории И.П. Павлова и Н.Е. Жуковского, экспедиция В.И. Вернадского.

Для развития системы институтов функционирования целевого капитала представляет интерес американский опыт функционирования эндаументов. Эндаументы создаются при университетах, которые интегрируют образовательную и научную деятельность. Средства, которые получают некоммерческие образовательные и научные учреждения, предназначаются для обеспечения их профессиональных функций. Есть также сеть медицинских учреждений, которые опираются на деятельность различных благотворительных фондов. Эндаумент может выступать как в денежной форме, так и в виде имущества (в основном недвижимого). Деньги, как правило, вкладываются в ценные бумаги, приносящие доход в виде процентов, дивидендов и прироста курсовой стоимости ценных бумаг. Иногда осуществляются вложения в нефинансовые активы (драгоценные металлы, драгоценные камни, предметы искусства и коллекционирования и др.). Переданное в дар фонду имущество может сдаваться в аренду с целью получения дохода⁵. В зависимости от условий дарения средства эндаументов могут использоваться свободно или по назначению, указанному дарителем.

Некоммерческое образовательное или научное учреждение создает инвестиционный комитет для размещения и управления средствами эндаумента, не обращаясь к посредникам. Эндаумент управляется в университете специальным советом, в котором доминируют независимые доктора. Они нанимают управляющую компанию – профессиональных инвестиционных банкиров, которые управляют этим имуществом.

В настоящее время в США юридически оформлено 863 эндаумент-фондов, а совокупный объем эндаументов университетов и колледжей США составляет свыше 300 млрд долл. Самым крупным

⁵ Основным нормативным документом, регулирующим деятельность эндаумент-фонда в США, является «Унифицированный закон о пруденциальном управлении институциональными фондами» (The Uniform Prudent Management of Institutional Funds Act (UPMIFA) 2006 г. Как определено в UPMIFA, эндаумент-фонд – это институциональный фонд или любая часть из него, который не полностью тратится институтом для финансирования текущей деятельности по договору дарения (пожертвования). Фонд создается институтом исключительно в благотворительных целях.

эндаумент-фондом располагает Гарвардский университет: размер ЭФ в 2013 г. составил 32 млрд долл. Далее идут – Йельский университет – 20, 8 млрд долл., Университет Стенфорда – 18,6 млрд долл., Принстонский университет – 18,2 млрд долл.⁶ Инвестиционный портфель эндаументов состоит на 60% из высоколиквидных активов и на 40% из более рискованных вложений. Доходность эндаументного капитала в среднем составляет 10% [4].

Важнейшей основой успешной деятельности эндаументов являются отношения доверия и сотрудничества выпускников и учебных заведений. Средства в эндаументы, как правило, жертвуют выпускники, добившиеся успехов в бизнесе. Нередко они объединяются по территориальному принципу в так называемые «кружки дающих» [5]. Они же участвуют в работе инвестиционных комитетов, а также рекомендуют туда людей, заслуживающих доверия.

Основными статьями при распределении доходов эндаумента в академической и социально-культурной сферах являются стипендии преподавателям и студентам, поддержка исследовательских программ и общественно полезных инициативных проектов, включая общественные работы. По мнению специалистов, эндаументы позволяют формировать и расширять устойчивую базу для поддержки фундаментальных научных исследований [6].

Специалистами по фандрайзингу (fundraising – сбор денежных средств) разрабатываются различные фандрайзинговые продукты в виде программ или проектов, реализуемые на постоянной основе. Например, такой продукт, как «Планируемые дарения» (Planned Giving), может включать следующие программы: завещание (Bequest), дарственный аннуитет (Gift Annuity), совместный фонд доходов (Pooled Income Fund), траст с последующим благотворительным имущественным правом (Charitable Remainder Trust), траст с основной благотворительной целью (Charitable Lead Trust), частично передаваемое недвижимое имущество (Retained Life Estate) и др. Пожертвование средств происходит в соответствии с юридически выверенным алгоритмом, по некоторым программам – в течение нескольких лет. Достаточно популярным в зарубежных вузах является такой продукт, как «Месячные взносы» (Recurring/Monthly Giving), который является удобной формой не только для фандрайзеров, но и для доноров. Смысл этого продукта понятен из названия, часто такие взносы списываются автоматически из зарплаты доноров⁷.

⁶ National Association of College and University Business Officers and Commonfund Institute, Officers, July 19. 2013.

⁷ Monthly Recurring Giving, Seattle University. <https://www.seattleu.edu/giving/how-to-give/Monthly-Recurring-Giving> (accessed September 20, 2013).

Как показывает зарубежный опыт, для функционирования института целевого капитала важную роль играют налоговые льготы. Так, в соответствии со специальным американским законодательством, как правило, освобождаются получаемое в дар имущество и доход от эндаумента от налога на прибыль и предоставляются льготы донорам. В США, Великобритании и Канаде процент с эндаумента не облагается налогом, поскольку доход благотворительной организации от инвестирования средств эндаумент-фондов считается благотворительностью. Также применяются налоговые поощрения для доноров. Например, все взносы или их часть в счет эндаумента вычитаются из сумм, подлежащих налогообложению, и таким образом соблюдаются интересы благотворителей. В США налоговые льготы установлены как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Поощряется развитие системы эндаументов и посредством введения особых налоговых и финансовых мер. Например, доход благотворительной организации от инвестирования средств эндаумент-фондов рассматривается как благотворительность, поэтому процент с эндаумента не облагается налогом. Помимо налоговых льгот может существовать и система государственного софинансирования НКО (Великобритания).

В европейских странах, в отличие от США, государство строго контролирует деятельность эндаументов. Так, согласно законодательству Франции, деятельность любых фондов протекает под тщательным наблюдением органов власти, и правительство должно следить за тем, чтобы миссия фонда состояла в предоставлении «общественного блага». Существует большой опыт государственно-частного партнерства в этой сфере. Например, в Германии Фонд им. Гумбольдта, который поддерживает поездки немецких ученых за рубеж, финансируется государством, общественными организациями и частными лицами. Из этого фонда предоставляются гранты и премии ученым, которые приезжают из-за рубежа работать в Германию в сотрудничестве с немецкими коллегами⁸.

В западноевропейских странах также функционируют государственные лотереи, которые являются инструментом для добровольного привлечения средств населения на финансирование соци-

⁸ Гранты получают состоявшиеся ученые, в их числе молодые, уже проявившие себя, защитившиеся и имеющие публикации. Основная программа (стипендия им. Гумбольдта) делится на две составляющие: для ученых, которые защитились не ранее 4 лет назад, и их более опытных коллег, защитившихся не ранее 12 лет назад до получения гранта. Разница только в оплате: 2250 евро в месяц и 2450 евро соответственно. Гранты предназначены для обеспечения пребывания человека в Германии в течение от полугода до 2 лет. Около 800 чел. в год приезжают по программам Фонда, порядка 600 из них – по основной программе.

ально-культурных проектов. В настоящее время в 17 европейских странах часть средств от проводимых лотерей направляется на культуру, искусство и сохранение культурного наследия. Масштабы этих лотерей различаются: от крайне успешных и доходных в Великобритании, Италии и Финляндии до скромных – в Болгарии и Польше.

Говоря о государственно-частном партнерстве в научной и инновационной сферах, необходимо отметить теорию «тройной спирали», которая была создана в Англии и Голландии в начале XXI в. профессором университета Ньюкасла Г. Ицковицем и профессором амстердамского университета Л. Лейдесдорфом. Тройная спираль символизирует союз между властью, бизнесом и университетом, которые являются ключевыми элементами инновационной системы любой страны. На начальном этапе генерации знаний взаимодействуют власть и университет, затем в ходе трансферта технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно с ВУЗом, властью и бизнесом. Примером «тройной спирали» служит самый крупный в Швеции технопарк Идеон. «Тройная спираль по-шведски» имеет ряд уникальных черт, которые собственно и обеспечивают ее эффективность: в первую очередь это переориентирование шведских университетов из чисто исследовательских в предпринимательские, а также система персонального наставничества в бизнес-инкубаторах Идеона.

Широко известен другой опыт Швеции, где на частные средства (по завещанию инженера-изобретателя Альфреда Нобеля в 1900 г.) был создан международный Нобелевский эндаумент-фонд. Из него ежегодно выплачивается Нобелевская премия, присуждаемая за выдающиеся научные достижения, изобретения и крупный вклад в общественное развитие.

Обобщая все вышеизложенное можно сделать вывод, что в России одним из важнейших направлений развития института эндаумента (ФЦК) должно стать повышение заинтересованности юридических и физических лиц во внесении средств в целевой капитал, а также поощрение благотворительной деятельности. Институты для стимулирования *социальных инвестиций* должны формироваться на федеральном, региональном и муниципальном уровнях на основе государственно-частного партнерства. Однако необходимо отметить, что после принятия Налогового кодекса РФ была урезана ранее существовавшая система льгот для некоммерческих организаций, благотворителей и пользующихся благотворительной помощью. В настоящее время начался процесс восстановления налоговых льгот. Так, частные благотворители освобождены от уплаты налогов на доходы физических лиц в части пожертвований благотворительным и соци-

ально ориентированным НКО⁹. Налоговый вычет предоставляется юридическим лицам, жертвующим социально ориентированным НКО, в размере не более 3 млн руб. и не более 10% при сумме доходов свыше 30 млн руб.

На наш взгляд, необходимо предоставить аналогичные налоговые льготы донорам ФЦК. Также целесообразно внести дополнения в Федеральный закон «О меценатской деятельности» № 327-ФЗ от 04.11.2014 г., которые позволят меценатам создавать эндаументы (ФЦК), доходы от которых будут использоваться на указанные ими конкретные социальные цели.

Для стимулирования развития института социальных инвестиций целесообразно использовать американский опыт организации фандрайзинга. В нашей стране индустрия фандрайзинга только формируется. Однако у него есть значительный потенциал, учитывая наличие нескольких важнейших факторов, а именно: значительное количество в России активных, относительно молодых богатых людей (владельцев бизнеса и топ-менеджеров); действенная поддержка государственными органами структур, содействующих решению задач инновационного обновления.

Следует отметить, что существенным фактором, сдерживающим развитие эндаументов (ФЦК), является недостаточная развитость российского фондового рынка, а основной доход ФЦК получают именно на фондовом рынке. Кроме того, российский закон о целевом капитале вступил в силу как раз перед мировым финансовым кризисом 2008—2009 гг. Те фонды, которые были созданы в течение первого года действия закона, вместо прибыли получили весьма существенные убытки (среднее падение составило примерно 18%). Поэтому многие государственные учебные заведения решили повременить с созданием своих фондов. Так, если в 2007 г. было зарегистрировано 8 фондов целевого капитала государственных вузов, то в 2008 г. — уже 4, а в 2009 г. — только 2 фонда. Процесс возобновился только в 2010 г., когда было зарегистрировано 8 ФЦК бюджетных учреждений. Необходимо также отметить, что в России существует ограничение, касающееся минимального размера целевого капитала — 3 млн руб. Серьезным препятствием является также и отсутствие опыта у российских сотрудников ФЦК.

В поисках возможных способов стимулирования развития российских ФЦК прежде всего необходимо постоянно и правильно информировать общество о важности целевых капиталов, их целях и разработке системы мер поддержки. Например, вузам целесообразно

⁹ Социально ориентированными являются НКО, оказывающие помощь сиротам, пожилым людям, инвалидам, многодетным, развитием дополнительного образования, спорта, художественного творчества детей и т.п.

разработать правила оказания и принятия материальной помощи, которые должны включать и описание стимулов для доноров. Имена доноров могут присваиваться, например, спортивным сооружениям, зданиям и лабораториям, если они построены или созданы на средства этих доноров. В них также необходимо размещать портреты доноров, чтобы их видели студенты, сотрудники и посетители. Для стимулирования подразделений вуза к участию в формировании целевого капитала можно предложить направлять часть дохода от целевого капитала на конкретные цели, в которых заинтересованы эти подразделения, пропорционально средствам, привлеченным этими подразделениями в эндаумент-фонд.

Представителей российского бизнеса также можно заинтересовать в формировании ФЦК, поскольку данная деятельность способствует росту положительного имиджа компании, ее рекламе, улучшению взаимодействия с целевыми рынками (социальный маркетинг), выстраиванию взаимовыгодных отношений с федеральной и местной властью.

В современных условиях снижения темпов роста российской экономики и ограничения бюджетных расходов резко возрастает необходимость создания фондов целевого капитала для развития отечественной науки, образования, здравоохранения, культуры, что позволит сформировать благоприятные социально-экономические условия для повышения качества жизни и профессионального уровня кадрового потенциала в нашей стране. Однако развитие эндаумента как института социальных инвестиций требует совершенствования сложившейся системы взаимодействия между государством, обществом и бизнесом.

Литература

1. *Михеева Е.М., Пешкова Н.Н.* Статус благотворительной организации в структуре региона. Тюмень: ТюмГУ, 2012.
2. *Субанова О.С.* Фонды целевых капиталов некоммерческих организаций: формирование, управление, использование: монография. М.: КУРС; Инфра-М, 2011.
3. *Горбунова Е.Б.* Благотворители и меценаты в истории Московского университета. М.: МГУ, 2010. С. 100.
4. Экономика общественного сектора / Под ред. П.В. Савченко, И.А. Погосова, Е.Н. Жильцова. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 646, 647.
5. Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 138.
6. Инновационное развитие экономики, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 120.

P.V. SAVCHENKO

doctor habilitatus in economics, the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
pol@inecon.ru

M.N. FYODOROVA

doctor habilitatus in economics, the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

A.A. SHLIKHTER

PhD in history, the Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

ENDOWMENT AS AN INSTITUTE FOR SOCIAL INVESTMENTS

The article deals with the problems of the improvement of the institutions of the creating and function of the funds for purposeful capital (endauments) in Russia by use of Russian and foreign practice. The authors propose the encouragement of the development of the funds for purposeful capital by the tax preferential, information, image of philanthropy, state-private partnership)

Ключевые слова: *social investments, endowment, fund for purposeful capital, non-profit organizations, philanthropy, state-private partnership, person as the subject of economy and society, fundraising, tax preferential*
JEL: E44, G20, L31.

А.М. САРАЛИДЗЕ
кандидат экономических наук, доцент,
ректор Владимирского государственного университета имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

РАЗВИТИЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР УГЛУБЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Рассматриваются проблемы развития федеративных отношений как важнейшего условия межрегиональной экономической интеграции и снижения дифференциации в социально-экономическом положении субъектов РФ. Исследуются ключевые аспекты формирования единого экономического пространства федеральных округов и страны в целом. Выделена необходимость расширенного вложения инвестиций в экономику и привлечения для этих целей финансовых источников из федеральных суверенных фондов.

Ключевые слова: *развитие федеративных отношений, межрегиональная экономическая интеграция, сокращение территориальной дифференциации, суверенные фонды.*

JEL: R120, R580.

Кризисные явления в мире, отразившиеся на российской экономике, в определенной мере способствовали формированию процессов ее стагнации, которую углубили экономические санкции мировых держав, требуют мобилизации внутренних резервов страны, в том числе усиления межрегиональной экономической интеграции и развития федеративных отношений.

Проблемы становления и развития федеративных отношений в Российской Федерации имеют особое значение для совершенствования ее государственного устройства, ликвидации диспропорций в развитии территорий и являются объектом пристального внимания со стороны не только политиков, ученых и специалистов, занимающихся вопросами государственного строительства, но и гражданского общества. Исторически федеративные государства формировались

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ №2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

двумя путями: снизу, когда независимые государственные образования сознательно отдавали часть своего суверенитета некоему верхнему управляющему органу, чтобы повысить общую мощь, и сверху, когда государство имперского типа отдает часть своих полномочий региональным образованиям. Итогом обоих процессов становилась иерархическая управляющая структура, которую и принято называть федеративным государством [1, с. 85].

Между тем, по мнению ряда ученых, организация государственного и муниципального управления в современной России является одной из самых сложных в мире, что связано со своеобразием модели российского федеративного устройства и формальным обособлением местной власти от государственной. В нашей стране население и бизнес вынуждены принимать деловые решения на трех различных уровнях власти: центральной (федеральной), региональной (субфедеральной) и местной (муниципальной), а соотношение их полномочий и ресурсных возможностей в последние годы существенно изменилось [2, с. 153]. Здесь необходимо подчеркнуть, что этому во многом способствовала проведенная в 2008–2009 гг. федеративная реформа. Началом ее было создание в мае 2000 г. семи федеральных округов, затем прошли преобразования регионов. В настоящее время в составе Российской Федерации функционирует 8 федеральных округов и 83 субъекта Федерации и 23001 муниципальное образование.

В то же время критики федеральной реформы утверждают, что требуется дополнительное реформирование федеративных отношений, которое бы предполагало первоочередную активизацию процессов демократизации, в том числе возврат к выборам губернаторов, с восстановлением автономии каждого из уровней власти, широкой децентрализации полномочий и финансов².

Рассмотрим ряд аспектов развития федеративных отношений, оказывающих приоритетное влияние на формирование межрегиональной экономической интеграции, являющейся основой создания единого экономического пространства.

Стратегия формирования единого экономического пространства имеет целью обеспечение взаимосвязи субъектов рынка, устранение административно-территориальных барьеров, сдерживающих движение товаров, капиталов и рабочей силы по территории страны, для относительного выравнивания и «сглаживания» различий в уровне жизни населения субъектов Федерации. Однако реализация мер, направленных на такое выравнивание, не принесла существенных результатов в преодолении социально-экономической дифференциации регионов, глубина которой дает основания предположить, что

² <http://newsruss.ru/doc/index.php>.

их экономики находятся на разных стадиях развития, а законы рынка объективно работают не «на», а «против» укрепления единого пространства. Отстающие регионы оказываются ненужными регионам-лидерам, так как не являются для них значимыми партнерами или достаточно емким рынком сбыта [3, с. 10–11]. По нашему мнению, в этом заключается одно из наиболее серьезных противоречий в развитии и укреплении федеративных отношений в Российской Федерации.

На устранение этих противоречий в значительной мере направлена Государственная программа «Региональная политика и федеративные отношения» на 2013–2020 гг., утвержденная Распоряжением Правительства 26 марта 2013 г. Ее целью является формирование единых подходов к вопросам реализации региональной политики, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, на дальнейшее укрепление федеративных отношений и стимулирование раскрытия потенциала развития каждого из регионов России³.

В условиях развернувшегося в 2009–2010 гг. финансово-экономического кризиса федеральные органы власти столкнулись с необходимостью качественнее осуществлять мониторинг ситуации в регионах: очень быстро стало очевидным, что глубина и масштабы кризисных процессов на территории страны существенно разнятся, и требуется дифференцированное централизованное вмешательство в решение региональных проблем.

Именно федеральная региональная политика должна стать тем инструментом, который позволит регионам развиваться, в том числе и при недостаточно благоприятных реально сложившихся условиях. Этого можно добиться двумя способами: первый – путем вложения бюджетных средств в улучшение тех объективных факторов, которые тормозят развитие, прежде всего в создание современной инфраструктуры, второй способ предполагает компенсацию негативных факторов мерами экономической политики, например, с помощью налоговых льгот. Пониженный уровень налоговой нагрузки может компенсировать повышенные издержки предпринимателей, обусловленные объективными факторами [4, с. 129–30].

Следует отметить, что проблема отношений федерального центра и регионов, казалось бы, детально проработана. В то же время ряд важных аспектов указанной проблемы до конца не разрешен, что, естественно, вызывает недопонимание и справедливую критику.

³ <http://www.consultant.ru>. Распоряжение Правительства РФ от 26.03.2013 № 435Р «Об утверждении государственной программы РФ «Региональная политика и федеративные отношения».

Так, академик П. Минакир отмечает, что первое десятилетие XXI в. ознаменовалось максимальной активностью именно в области региональной политики. И, несмотря на то что в действительности ее результаты мало ощутимы, сегодня региональная политика подается и воспринимается чуть ли не как «последний рубеж» в движении к конструированию устойчивой и динамичной экономической системы в России [5, с. 49].

Однако дифференциация социально-экономического развития регионов, как одно из следствий не вполне успешной региональной политики, является серьезным препятствием в расширении и укреплении федеративных отношений. По расчетам, выполненным в Центре исследований федеративных отношений Института экономики РАН, различие «социально-инновационных» потенциалов субъектов Федерации носит качественный характер. Ученые не исключают, что экономики разных регионов принадлежат к различным типам, а если это так, то регион объективно не способен включиться в инновационную модернизацию [6, с. 45].

Между тем федерализм заключает в себе потенциал региональной самостоятельности и инициативы, более предметного решения региональных проблем, создания своеобразной системы поощрений и ограничений во взаимоотношениях федеральных и региональных властей.

При этом российский «реальный» федерализм имеет существенные отличия от «эталонного». По классификации, предложенной д.э.н., проф. главным научным сотрудником Института системного анализа РАН В.Н. Лексиним, они заключаются в статусной асимметрии: наличии шести типов субъектов РФ; 32 субъекта образованы по национально-этническим основаниям; конструктивной неупорядоченности (несколько самостоятельных субъектов входили в состав других субъектов). Эти характерные черты определяют содержание большинства проблем внутренней государственной политики и государственного устройства, а также проблемы федеративно устроенной системы управления, в т.ч. разграничение предметов ведения и полномочий, а так же ресурсов между уровнями власти и местным самоуправлением [7, с. 17–18].

В то же время в государственных и научных кругах не первый год поднимается вопрос о внедрении в России модели асимметричной федерации, при которой, по утверждению д.э.н. проф. С.Д. Валентя, статус всех субъектов сохраняется, но разные по уровню экономической самодостаточности регионы наделяются различными правами и, естественно, различной ответственностью перед обществом и государством. И если регион с низким уровнем развития хочет расширить объем своих полномочий, выход он найдет не в получении трансфертов и субсидий из федерального центра, а в развитии собственной эко-

номики, в добровольной экономической интеграции с другими субъектами [8, с. 41].

Несмотря на то что подобные предположения звучат не первый раз, нам представляется, что ставить вопрос о внедрении асимметричной федерации в современной России преждевременно. Причин тому несколько. Во-первых, усиливающаяся дифференциация и ее негативные последствия в социально-экономическом развитии регионов, во-вторых, перечисленные нами выше особенности российского федерализма. К тому же на сегодняшний день все субъекты, в соответствии с Конституцией РФ, обладают равными правами и статусом. Какой из регионов пожелает этот статус понизить? В этом случае целый ряд ресурсодобывающих краев и областей получает права и реальные возможности, которых не будет у сегодняшних национальных республик. Своими правами «сильные» регионы воспользуются в полной мере, а кто проконтролирует выполнение ими возложенной на них ответственности? При этом велика вероятность того, что национальные республики не смогут или не захотят развивать собственную экономику, а будут искать спонсоров за границей, например, по религиозной принадлежности.

Поэтому задача выравнивания социально-экономического развития регионов и снижения в нем дифференциации остается наиболее злободневной проблемой, которую следует решать совместными усилиями Федерального Центра и всех субъектов РФ, как и предусмотрено федеральной программой от 23 марта 2013 г.

В этой связи возникает необходимость взвешенного отношения к процессам развития децентрализации, которые происходят в России. Эти процессы могут усиливаться по причине различий в этнической структуре региона. Зависят они и от уровня его экономического развития, образования населения, исторической специфики и т.д. Наличие в регионе ресурсов и рент, что связано с доступом к природным богатствам, делает децентрализацию более привлекательной. На процесс децентрализации оказывают влияние специфика политической структуры регионов, уровень демократизации, различия формальных политических институтов и неформальных «правил игры» (политическая конкуренция, прозрачность власти, влияние групповых интересов) [9, с. 54].

В то же время отдельные исследователи считают, что в регионах граждане не имеют четкого представления о том, как формируются важнейшие институты власти, какими полномочиями обладают федеральный центр и регион. Между тем формирование условий федерализма – это многоступенчатый процесс, складывающийся в течение многих лет, и при нем должны учитываться имеющиеся ментальные установки и исторический опыт России. На этом основании делается

вывод, что в современных российских условиях процесс формирования организационных основ федерализма, адекватного целям и задачам современного общества, имеет незавершенную основу, а федеративная модель в России носит скорее формальный характер, и не соответствует тому смыслу, который заложен в идеях федерации⁴. С подобным утверждением не вполне можно согласиться.

Федерализм не случайно называют формой «территориальной демократии»: он открывает возможности для экономической инициативы, позволяет предметно анализировать и решать внутри региональные проблемы, создает своеобразную систему взаимоотношений федеральных и региональных властей.

Однако в нашей стране при сформировавшейся у нас «управляющей вертикали», предпочтения были отданы экономическому федерализму. Несмотря на то что созданные федеральные округа не являются элементами конституционно или законодательно закреплённого административно-территориального деления, именно они в первую очередь обладают необходимыми возможностями для обеспечения большей экономической самостоятельности регионов, углубления межрегиональной интеграции и формирования единого экономического пространства.

Вместе с тем экономический федерализм не имеет возможности быть реализованным в полной мере. Этому мешает проводимая федеральным центром политика межбюджетных отношений. Несмотря на длительное реформирование системы межбюджетных отношений, в 2013 г. регионы России, по мнению д.г.н., профессора МГУ Н.В. Зубаревич, оказались в бюджетном кризисе. Экономическая стагнация и принятый закон о налогообложении интегрированных бизнес-групп привели к сокращению поступлений налога на прибыль на 13% по сравнению с 2012 г. Одновременно на 6% уменьшилось поступление трансфертов из федерального бюджета, так как Минфин пытался сократить их объем. Минимальный рост доходов консолидированных бюджетов регионов в 2013 г. (на 1%) был обеспечен ростом НДФЛ, ставшего главным налогом почти во всех регионах, и налога на имущество, что увеличило издержки бизнеса [10, с. 158]. Кроме того, проблемы бюджетного федерализма, по мнению д.э.н. Ю.А. Арутюнова, обострились в связи нарушением принципа равноправия в отношениях регионов с федеральным бюджетом. Бюджетно-налоговая асимметрия в России может быть допустима лишь как временная политика в отношении конкретного субъекта Федерации, поскольку в результате про-

⁴ Наливайко П.Н. Состояние российского федерализма на современном этапе: политический анализ // Регионоведческие исследования. <http://www.ojkum.ru/arc/2012-02/2012-02-13.html> (дата обращения 29.11.2013).

ведения такой несбалансированной политики меняется соотношение между регионами по объемам инвестиционной деятельности. Причем это происходит на фоне спада производства. Система выравнивания финансового положения регионов за счет изменения структуры федерального бюджета оказалась неэффективной, поскольку выполнение доходной части бюджета до последнего времени не достигало запланированного уровня [11, с. 63]. Это, естественно, сказывается на уровне социально-экономического развития регионов, учитывая при этом, что разные субъекты Федерации находятся на разных стадиях экономического развития. Также могут быть выделены регионы, которые находятся в некой переходной зоне, а неустойчивая динамика их развития определяется именно этим обстоятельством [12, с.187].

В этой связи предлагаются резервы улучшения межбюджетных отношений. К ним в первую очередь можно отнести то, что доля дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, в соответствии со «Стратегией-2020», должна составлять не менее 50% всех трансфертов. Сейчас она чуть выше четверти. Следует резко сократить «ручное управление» на выделение средств по непрозрачным критериям. В 2013 г. дотации на сбалансированность бюджетов получали 79 субъектов РФ (в 2012 г. – 68 регионов). Это значит, что нетранспарентное перераспределение средств только усилилось. Давно «перезрела» проблема сокращения огромного числа субсидий регионам. Их больше сотни, и каждую нужно согласовывать с профильным федеральным министерством. На наш взгляд необходимо оставить 6–8 укрупненных. Кроме того, ключевой фактор эффективной децентрализации – качество работы региональной и муниципальной власти [10, с. 159–160].

В то же время реализация принципов федерализма в практике государственного управления – дело исключительно сложное, поскольку центральная власть вынуждена признавать самостоятельность региональных властей по многим вопросам, а региональная – должна самостоятельно действовать только в коридоре возможностей, установленных центром. При этом и у центра, и у регионов имеются свои исключительные предметы ведения, своя собственность, финансовые ресурсы и, естественно, свои интересы, что порождает множество трудноразрешимых коллизий. Именно поэтому только 25 государств мира называют себя федерациями [2, с. 152].

Отсюда возникают разногласия по поводу целей и задач федеральной региональной политики. Из всего многообразия способов и направлений влияния «федерального центра» на социально-экономическое развитие регионов, можно в соответствии с классификацией, разработанной д.э.н., проф. О.В. Кузнецовой выделить следующие основные группы инструментов: нормативно-правовые акты (правовые инструменты); деятельность территориальных органов федераль-

ной исполнительной власти (административные инструменты); межбюджетные отношения (налогово-бюджетные инструменты; перераспределение средств между регионами в рамках деятельности государственных внебюджетных фондов; деятельность государственных корпораций, особенно инфраструктурных (Газпром, РЖД, Внешэкономбанк) [13, с. 33–34].

Между тем нынешняя система межбюджетных отношений – прямое отражение централистской политики действующего федерализма. Именно она стала определять практически все аспекты отношений Центра и регионов. Одновременно резко возрос дисбаланс доходов федерального, региональных и местных бюджетов. Все большая часть доходов, собираемых на территории субъектов РФ, оказывается сконцентрированной в федеральном бюджете, а регионы в своем большинстве стали все сильнее зависеть от дотаций и субвенций, предоставляемых центром [13, с. 155].

В настоящее время данный аспект является одной из наиболее актуальных проблем современного российского федерализма. О необходимости изменения существующей финансовой и кредитно-денежной политики в целях преодоления существующей стагнации и ускорения социально-экономического развития страны говорят многие представители научного и экспертного сообщества.

Для формирования современной национальной кредитно-финансовой системы, подъема инвестиционной активности в целях модернизации и развития российской экономики, замещения отзываемых вследствие антироссийских санкций внешних кредитов, предлагается переход на регулирование денежного предложения посредством установления пониженной ставки рефинансирования до уровня сопоставимого с банками ЕС, США, Китая и проведение денежной эмиссии преимущественно для рефинансирования коммерческих банков под залог кредитных требований к производственным предприятиям, облигаций государства и институтов развития. При этом ставка рефинансирования не должна превышать среднюю норму прибыли в инвестиционном комплексе за вычетом банковской маржи (2–3%), а сроки предоставления кредитов должны соответствовать типичной длительности научно-производственного цикла в обрабатывающей промышленности (до 7 лет) [14, с. 14, 24].

Академик РАН А.Г. Аганбегян отмечает, что переход к стагнации в экономике России со второй половины 2012 г. связан главным образом, с недофинансированием экономического роста. Единственный путь ослабления и преодоления этих негативных сил, тянущих экономику к нулевому уровню, – ускоренный рост инвестиций, где определяющая роль в перспективе принадлежит инвестиционному кредитованию. В целях преодоления стагнации главным источником дополнительных

инвестиций на перспективу могут быть только средства инвестиционного кредитования за счет внутренних источников. Очевидно, что мы не можем рассчитывать на резкое повышение доли иностранных инвестиций. Именно банки с их активами являются главными держателями финансовых средств страны, определяющими экономический рост. Активы российских банков на 1.01.2014 г. составили 54,7 трлн руб. – или 86% ВВП, и более чем вдвое превышают всю сумму государственного консолидированного бюджета страны [15, с. 11].

Кроме этого, А.Г. Аганбегян предлагает в качестве дополнительного источника инвестиций увеличить долю инвестиционных кредитов в общем объеме кредитных ресурсов России с 6% в настоящее время до 15–20%. По примеру США и Японии Центральный банк и Казначейство могут обеспечивать пассивы наших коммерческих банков долгосрочными ценными бумагами, что даст для них возможность предоставлять соответствующие инвестиционные кредиты [16, с. 15].

Для обеспечения экономического роста и пополнения бюджета не менее значим и выбор приоритетов в преодолении технологической отсталости. Сегодня, ориентируясь на опережающее развитие, государству необходимо инвестировать и стимулировать как процесс освоения новых технологий, так и создания собственных современных производств [17, с. 19–20]. Член корреспондент РАН Д.Е. Сорокин отмечает, что создавшаяся ситуация требует не только масштабных, но и произведенных в кратчайшие сроки инвестиций в технологическое перевооружение экономики. Без этого четвертый вектор может оказаться последним в истории современной России. Такого рода маневр может произвести только государство. Мировой и отечественный опыт показывают, что осуществление масштабных технологических сдвигов всегда и везде происходило при реализации крупных государственных инвестиционных проектов в этой области. Более того, развитие российской экономики в период реформ позволяет сделать вывод о том, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств. Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны и проведения комплексной политики модернизации [18, с. 18].

Сегодня, по мнению заведующего лабораторией финансово-кредитных механизмов ЦЭМИ РАН Ю. Петрова, в ситуации «длинноволновой» стагнации мировой экономики и исчерпания возможностей дальнейшего роста нефтедолларовых доходов в повестке дня стоит переход к новой, несырьевой модели экономического роста – модели инновационной (высокотехнологично-новоиндустриальной) и социальной. Именно на решение этой проблемы направлены президентские установки, включая содержащиеся в упомянутом пакете майских указов, следует приложить все усилия для их выполнения [19, с. 25].

А для этого, как считают ведущие ученые, в ближайшие годы необходимо решать острые проблемы, связанные с многолетним недофинансированием как производственной, так и социальной инфраструктуры. За последние два десятилетия, как считает академик РАН В.В. Ивантер, рост производства в стране достигался за счет не столько ввода новых предприятий, сколько за счет сверхэксплуатации старых, поэтому ввод новых мощностей нужен для того, чтобы объемы производства не снизились из-за ускоренного выбытия окончательно изношенных фондов. В современных российских условиях только высокие темпы роста производства могут обеспечить модернизацию и качественные перемены в экономике. Однако высокие темпы экономического роста могут и должны быть обеспечены за счет масштабных мер по стимулированию внутреннего спроса, который должен формироваться за счет роста инвестиций и, в более скромных масштабах, – за счет увеличения потребительского спроса [20, с. 3].

Представляется, что перечисленные меры являются ключевым условием дальнейшего совершенствования и развития федерализма на территории России, а для этого также необходимо перспективное планирование и прогнозирование, предполагающие равнозначное отношение к стратегиям развития как государства в целом, так и каждого субъекта Федерации в отдельности. Поэтому совершенно ответственно можно заявлять, что системный комплексный подход к внедрению стратегического прогнозирования характеристик развития каждой из территорий является также важнейшим аспектом развития федерализма.

Резюмируя итоги проведенного исследования, необходимо подчеркнуть, что федеративные отношения, складывающиеся в России в течение последних двадцати лет, имеют значительные особенности в силу огромной территории государства, а также из-за многонационального и поликонфессионального состава населения. Это означает, что взаимоотношения с каждым субъектом Федерации должны быть выстроены на принципах взаимного доверия и уважения, делегирования соответствующим уровням власти необходимых полномочий и финансовых ресурсов.

В числе ведущих аспектов, негативно влияющих на формирование единого межрегионального экономического пространства, выделяется недостаточная проработанность единой общегосударственной региональной политики. Из этого следует, что формат существующих нормативных актов, регулирующих федеративные отношения, должен быть подвергнут значительным структурным корректировкам, на деле представляющим субъектам Федерации большую политическую и экономическую самостоятельность, позволяющую территориям активно развивать межрегиональные связи, формируя и укрепляя тем самым единое экономическое пространство.

Важнейшим аспектом развития федеративных отношений является оптимизация налоговой политики, государственных расходов всех уровней власти и смещение их в сторону регионов. Очевидно, что без финансовой поддержки Центра большинство регионов вести самостоятельную социально-экономическую деятельность не в состоянии, поскольку находятся в разной степени зависимости от федеральной власти.

Величина инфляции в настоящее время в России носит скорее структурный характер и причина роста цен заключается в росте инфляции издержек из-за инвестиционного недофинансирования экономики и падения курса рубля. Поэтому выведение из оборота необходимых экономике инвестиций наносит ущерб развитию государства, тормозит поступательное движение регионов и задерживает модернизацию российской экономики.

Литература

1. Макаров В. Математики помогают совершенствовать федеративное устройство // *Федерализм*. 2013. № 3. С. 85.
2. Мильнер Б.З. О монографии Лексина В.Н. «Федеративная Россия и ее региональная политика» // *Вопросы экономики*. 2009. № 1. С. 152.
3. Гришин В. Пространственное развитие экономики инноваций и кадры // *Федерализм*. 2013. № 2. С. 10–11.
4. Кузнецова О.В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 129–130.
5. Минакир П. Экономический рост и развитие: региональное приложение // *Федерализм*. 2013. № 2. С. 49.
6. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // *Экономическое возрождение России*. 2013. № 1. С. 45.
7. Лексин В.Н. Кризис системы расселения в контексте кардинальной трансформации территориальной организации Российского общества // *Российский экономический журнал*. 2012. № 1. С. 17–18.
8. Валентей С.Д. России нужна модель асимметричной федерации // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2012. № 5. С. 41.
9. Либман А.М. Количественная оценка децентрализации российских регионов // *Экономика и математические методы*. 2012. Т. 48. № 4. С. 54.
10. Зубаревич Н.В. Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты // *Журнал НЭА*. 2014. № 3. С. 158–160.
11. Арутюнов Ю.А. Проблемы укрепления субъектов РФ в процессе территориальной интеграции // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2012. № 11. С. 63.

12. Валентей С., Бахтизин А., Валентик О., Кольчугина А., Лыкова Л. Тренды развития экономик субъектов РФ // *Федерализм*. 2013. № 3. С. 187.
13. Кузнецова О.В. Федеральная региональная политика: об идеологии и институтах // *Российский экономический журнал*. 2013. № 1. С. 33–34.
14. Глазьев С.Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // *Вопросы экономики*. 2014. № 9. С. 14, 24.
15. Аганбегян А.Г. Инвестиционный кредит – главное звено преодоления спада социально-экономического развития России // *Деньги и кредит*. 2014. № 5. С. 11.
16. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // *Проблемы прогнозирования*. 2014. № 4. С. 15–16.
17. Белозерова С.М. Приоритеты и условия перехода России к новой модели экономического развития // *Федерализм*. 2013. № 2. С. 19–20.
18. Сорокин Д.Е. Четвертый вектор российской экономики // *Проблемы теории и практики управления*. 2013. № 11. С. 18.
19. Петров Ю. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? // *Российский экономический журнал*. 2013. № 4. С. 25.
20. Ивантер В.В., Узяков М.Н., Ксенофонтов М.Ю. и др. Новая экономическая политика – политика экономического роста // *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 6. С. 3.

A.M. SARALIDZE

PhD in economics, rector of a The Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir.
kafedra-euii@mail.ru

DEVELOPMENT OF FEDERAL RELATIONS AS AN IMPORTANT FACTOR IN DEEPENING OF THE REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS INTEGRATION

The issues of development and deepening of federal relations as an important condition of inter-regional economic integration and as a condition of reducing of the differentiation in socio-economic situation of Russia's regions are considered in the paper.

The importance of dynamism of economic activity and the formation of a single economic space of federal districts and the country in general are highlighted. The necessity for enhanced investments in the economy as well as the necessity to attract financial resources from federal sovereign funds for this purpose are allocated.

Keywords: *development of federative relations, inter-regional economic integration, reduction of territorial differentiation, sovereign funds.*

JEL: R120, R580.

В.И. ФИЛАТОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Развитие импортозамещения рассматривается в качестве одного из основных приоритетов формирования новой модели устойчивого экономического роста в условиях действующих санкций. Анализируются различные аспекты формирования новой модели устойчивого экономического роста – структурный, воспроизводственный, ресурсный, институциональный. Обосновываются цели и задачи развития импортозамещения для получения мультипликативного эффекта в виде расширения ресурсных возможностей для ускорения экономического роста на основе широкомасштабной модернизации основных отраслей российской экономики.

Ключевые слова: импортозамещение, экономический рост, структурная и промышленная политика, экономические санкции, модернизация российской экономики.

JEL: O140, O320, O330, O380.

Введенные западными странами экономические санкции против России еще более осложнили внешние условия для экономического роста российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Санкции нацелены на ограничение внешних источников экономического роста, как за счет снижения экспортных доходов, так и доступа к мировым финансовым рынкам для системообразующих российских банков, оборонных и энергодобывающих компаний. В результате произошло существенное ограничение валютных поступлений в страну, ослабление рубля и раскрутка инфляционной спирали, что в свою очередь, вызовет падение популярности действующей власти. Именно поэтому главный удар наносится по экспортно ориентированному нефтяному, и финансовому секторам, которые являются основными источниками валютных поступлений в страну. Вместе с тем санкции формируют общий неблагоприятный фон и для инвестиций в другие сектора российской экономики, что будет сдерживать

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №13-06-00583.

возможности ее модернизации, а также приведет к падению темпов экономического роста и конкурентоспособности. Введенные экономические санкции формально носят краткосрочный характер – они могут быть отменены или смягчены, в зависимости от развития ситуации на Украине. Однако маловероятно, что это произойдет: украинские события стали поводом для начала открытой кампании по «сдерживанию России» как самостоятельного субъекта мировой политики.

Ситуация осложняется тем обстоятельством, что санкции вводятся на общем неблагоприятном тренде развития российской экономики. Еще экономические итоги 2012 г. обозначили тенденцию к замедлению темпов экономической динамики в России, которая продолжилась в 2013 и 2014 гг. Объем ВВП страны за 2012 г. возрос лишь на 3,4% (против 4,4% в 2011 г.), масштабы промышленного производства увеличился лишь на 2,6% (против 4,7% в предшествующем году), а рост инвестиций в основной капитал сократился до 6,7% против 8,3% за 2011 г.² По результатам 2013 г. темп прироста ВВП составил только 1,3%, а промышленного производства – лишь 0,4%. В результате, несмотря на то что масштабы кризисной рецессии (2008–2009 гг.) российской экономики были преодолены, темпы докризисной (2000–2008 гг.) динамики экономического роста (которая составляла 6,9% среднегодового прироста ВВП) достичь не удалось. В 2014 г. прирост ВВП ожидается всего на уровне 0,5%.

Затухание темпов экономической динамики происходило на фоне снижения инвестиционной активности. Так, после падения в кризисном 2009 г. инвестиций в основной капитал на 13,5% их прирост в следующем, 2010, году составил 6,3%, соответственно в 2011 г. – 10,8%; в 2012 г. – 6,8%. В 2013 г. объем инвестиций снизился к предшествующему году на 0,2%, а в 2014 г. ожидается их дальнейшее снижение еще на 2,4%³.

По оценкам Минэкономразвития, заметного ускорения экономической динамики не следует ожидать и в будущем среднесрочном периоде (2015–2017 гг.), о чем свидетельствуют параметры разработанного трехлетнего бюджета на 2015–2017 гг. При этом темпы экономического роста в период 2015–2017 гг. ожидаются ниже среднемировых, что, естественно, не будет способствовать сокращению разрыва в уровне экономического развития с лидерами мировой экономики, для преодоления которого (как минимум удвоение ВВП на душу населения за десятилетие) потребуется 7% среднегодового прироста экономики.

² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts.

³ Россия в цифрах 2014. Росстат. М., 2014. С. 455.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что посткризисное восстановление (2010–2012 гг.), как и восстановление 2000–2008 гг., проходило на фоне роста экспортных цен на топливно-энергетические товары, составляющие более половины стоимости российского экспорта. Устойчивый рост экспортных цен приводил к стабильно нарастающему потоку финансовых поступлений в российскую экономику, что стимулировало спрос, который в значительной степени удовлетворялся за счет импорта. Наибольшего значения средние экспортные цены достигли в 2012 г., показав тенденцию к снижению в 2013 г.⁴ При этом обозначился ряд факторов фундаментального характера, не позволяющих рассчитывать на возобновление стабильного роста мировых цен на энергоресурсы: прежде всего это увеличение добычи сланцевых углеводородов, которые влияют на общий мировой баланс энергоресурсов, расширяя их предложение, а также результаты активного энергосбережения, сдерживающие рост спроса на такие ресурсы. Данные обстоятельства усиливают актуальность перехода России на новую модель экономического роста, необходимость которого неоднократно провозглашалась руководством страны с середины двухтысячных годов, а в развернутом виде нашла отражение в утвержденной Правительством РФ в ноябре 2008 г. *«Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.»*. В концепции в качестве важнейшей задачи национального развития провозглашался переход к 2020 г. на инновационную модель экономического роста. Собственно в развитие этой стратегической установки Президентом РФ Д. Медведевым была выдвинута задача модернизации страны и сформулированы приоритеты технологической модернизации российской экономики, которые нашли отражение в целом ряде секторальных программ технологического и отраслевого развития. Наконец, основные цели и задачи, решение которых необходимо для обеспечения успешного развития страны в среднесрочной перспективе, были сформулированы в одиннадцати Указах Президента РФ В. Путина от 7 мая 2012 г., среди которых определяющее значение, по нашему мнению, имеет Указ № 569 «О долгосрочной государственной экономической политике». От успешности его реализации зависит формирование ресурсной базы для достижения намеченных целей не только в области роста благосостояния и социального развития широких слоев российских граждан, но и оборонной и внешней политики. Таким образом, в сложившейся ситуации проблема замещения товарного импорта продукцией национальных производителей может рассматриваться не только в антисанкционном аспекте, но и в

⁴ Там же. С. 544.

более фундаментальном контексте выбора новой модели экономического роста российской экономики.

Важно отметить, что проблема ускорения темпов экономической динамики является комплексной и должна рассматриваться в разрезе целого ряда аспектов: макроэкономического; структурного; технологического; ресурсного; внешнеэкономического; институционального. Отмеченные аспекты обладают внутренней связью и взаимозависимостью, которые должны учитываться при формировании практической политики. Вместе с тем структурный аспект, формируя отраслевое (продуктовое) наполнение экономического роста, имеет первостепенное значение в контексте обеспечения технологической, экономической и геополитической конкурентоспособности национального хозяйства.

Ключевая проблема структурного аспекта экономического роста – выбор приоритетов для формирования перспективной отраслевой (производственной) структуры национального хозяйства, формирующей ВВП страны. В свою очередь выбор таких приоритетов должен учитывать целый ряд факторов: емкость перспективных товарных рынков для различных секторов национального хозяйства; потенциал роста конкурентоспособности разных секторов национального производства; необходимую степень самообеспеченности по различным товарам стратегического значения; социальную значимость развития тех или иных секторов национального хозяйства и промышленности. Выход на устойчивый и динамичный экономический рост предполагает масштабное расширение рынков для продукции национальных производителей и нахождение производственных, технологических и инвестиционных возможностей для их освоения. Собственно выявление перспективных рынков с учетом национальных возможностей и конкурентных преимуществ и должно составлять основное содержание деятельности по определению долгосрочных структурных приоритетов экономического роста.

Если рассматривать общемировую тенденцию, то расширение спроса на основе формирования новых продуктовых глобальных рынков и новых индустрий будет связано с развитием прорывных технологий нового технологического уклада, так называемых НБИК (нано-био- информационных-когнитивных) технологий, промышленное освоение которых определяет наполнение так называемой «новой индустриализации» [1].

В таком контексте долгосрочные перспективы роста конкурентоспособности российской экономики связаны с динамичным формированием новых индустрий (ядра производств), связанных с внедрением НБИК технологий и продвижением на внешние рынки прорывной инновационной продукции, что должно способствовать диверсифика-

ции экспортной базы национальных экономик. Реализации стратегии «догоняй, опережая» с опорой на новую технологическую волну предполагает, во-первых, концентрацию ресурсов на активизации научно-технологической деятельности в отмеченных сферах, во-вторых, масштабную инвестиционную поддержку проектов по освоению выпуска наукоемкой инновационной продукции, конкурентоспособной на внешних рынках.

Вместе с тем, при всей важности наращивания потенциала в отраслях перспективного технологического уклада, вряд ли стоит рассчитывать на то, что рынки новой инновационной продукции смогут обеспечить высокие темпы экономического роста. Во-первых, произошедшая в постсоветский период общая деградация машиностроительного потенциала накладывает серьезные ограничения на возможности самостоятельной (т.е. без импорта технологического оборудования) реализации технологических инноваций в разных секторах российской экономики. Во-вторых, как показывает опыт развитых экономик, перешедших в 1980-е годы на инновационную модель экономического роста, его темпы составляли порядка 2–3% среднегодового прироста ВВП, что недостаточно для решения задачи преодоления общеэкономического отставания России от лидеров мировой экономики [2].

Для существенного ускорения темпов экономической динамики необходим выход на новые масштабные рынки для национальных производителей. Такие рынки могут быть внешними или внутренними. Выбор модели, по большому счету, зависит от конкретных условий для формирования устойчивого воспроизводственного процесса – имеющегося набора конкурентных ресурсов и потенциальной емкости платежеспособных рынков. Если рассматривать успешную так называемую «восточную модель» догоняющей модернизации» (Япония, Республика Корея, Тайвань, КНР), то формирование сильной экспортной ориентации экономик этих стран была связано с ресурсными ограничениями (энергия, сырье, капиталы) и невозможностью их преодоления в рамках национального рынка. Обеспечение экономического роста за счет внешнего рынка, сырья и энергетических товаров естественно, требовало наращивания экспортных возможностей для получения валютных ресурсов. В качестве конкурентного преимущества выступала дешевая рабочая сила с достаточно высокими качественными характеристиками (уровень образования, трудовая этика). Важным элементом успешности такой «догоняющей модернизации» стала трансформация экспортных доходов в наращивание собственного технологического и производственного потенциала в широком спектре промышленных отраслей.

Если рассматривать сценарий роста на основе импортозамещения, то такой сценарий снижает риски неопределенности со стороны

спроса, поскольку его товарная структура и масштабы достаточно несложно оцениваются на основе анализа внешнеторговой статистики. Вместе с тем при выборе конкретной товарной номенклатуры импортозамещения необходимо учитывать не столько влияние, которое такой процесс может оказывать на перспективное состояние платежного баланса (что вне всякого сомнения должно рассматриваться одним из основных критериев), сколько мультипликативный эффект на изменение потенциала экономического роста и конкурентоспособности национального хозяйства в целом.

В России основным ограничением для развития и ускорения экономического роста выступает фактор капитала (прежде всего в вещественной форме инвестиционного оборудования), при высоком уровне обеспеченности энергетическими и сырьевыми ресурсами и достаточно емком внутреннем рынке Евразийского экономического пространства и СНГ.

Другим ограничением выступают трудовые ресурсы, как в отношении их наращивания, так и эффективности использования. В то же время важнейшим ресурсом повышения производительности труда и преодоления на этой основе ограничений трудового фактора для экономического роста является технологическая модернизация производства, в ходе которой происходит замещение труда капиталом. Таким образом, капитальные ресурсы становятся для России основным фактором изменения сложившейся модели экономического роста и преодоления на этой основе стагнационного тренда.

Преодоление ресурсных ограничений капитала может осуществляться за счет импорта машин и оборудования с внешнего рынка, либо на основе наращивания собственных возможностей его воспроизводства, поскольку, в отличие от невозпроизводимых природных факторов, капитал в вещественно-материальной форме может воспроизводиться на национальных рынках при соответствующей структурной и технологической политике. Однако, как отмечалось выше, в России сложился иной тип воспроизводства. Экспорт сырьевых и топливно-энергетических ресурсов формирует финансовую основу для наращивания потребительского импорта, а поступающий с внешнего рынка в вещественной форме капитал не воспроизводится на национальной основе в силу отсутствия адекватной промышленной политики, нацеленной на наращивание собственного потенциала по выпуску технологического оборудования для разных секторов национальной экономики. В результате рост ВВП (доходов граждан и государства) не основывается на адекватном увеличении технологической и производственной конкурентоспособности национальной экономики, не усиливает внутренний потенциал развития, сохраняя его зависимость от внешних конъюн-

ктурных факторов. Таким образом, импортозамещение капитала становится важнейшим условием для формирования новой модели устойчивого экономического роста и перехода на инновационный путь развития.

По данным Росстата, в 2013 г. импорт в Россию машин, оборудования и транспортных средств из стран дальнего зарубежья составил 140 млрд долл. США, или 50,8% от общего объема импорта по данной группе стран. Это на 2 млрд долл. меньше чем в предшествующем 2012 г., когда доля машин, оборудования и транспортных средств составила 52,1% от объема импорта из стран дальнего зарубежья.

Отметим, что российский экспорт машин, оборудования и транспортных средств в страны дальнего зарубежья составил в 2013 г. лишь 16,4 млрд долл. США или 3,6% от общего объема российского экспорта в отмеченную группу стран. Таким образом, Россия остается чистым импортером машин и оборудования различного назначения из стран дальнего зарубежья с отрицательным сальдо в размере порядка 125 млрд долл. США⁵.

Другими важнейшими статьями импорта оставались продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также продукция химической промышленности. Доля этих товарных групп в 2013 г. составила в импорте из развитых стран 13,4% (36,9 млрд долл. США) и 16,6% (46 млрд долл. США) соответственно⁶.

Если сравнивать объемы импорта машин и оборудования из стран дальнего зарубежья с объемами национального производства аналогичных видов продукции (машины и оборудование, электрооборудование, электронное и оптическое оборудование, транспортные средства и оборудование), то в 2013 г. импорт по стоимости составлял 79% от внутреннего производства (объемы отгруженной продукции), а с учетом импорта машин и оборудования из стран СНГ – 87%⁷.

Важно отметить, что не весь объем импорта, отражаемый Росстатом в рассматриваемой товарной позиции (машины, оборудование и транспортные средства, может относиться к инвестиционным товарам. Анализ таможенной статистики, с определенной долей погрешности, позволяет определить масштабы неинвестиционного импорта из стран дальнего зарубежья. По рассматриваемой группе товаров в 2013 г. он составил в общем объеме не менее 40 млрд долл. США. Это был импорт как готовой продукции, так и узлов и деталей для ее сборки внутри страны. Соответственно, порядка 100 млрд долл. США составлял импорт из стран дальнего

⁵ Там же. С. 531.

⁶ Там же. С. 532.

⁷ Рассчитано на основе данных: Россия в цифрах 2014. С. 264, 266, 268.

зарубежья продукции инвестиционного назначения (включая узлы и запчасти для такой продукции)⁸.

Следует учитывать, что в 2013 г. российская экономика фактически находилась в стадии стагнации. Если рассматривать сценарий перехода на устойчивый экономический рост, то он потребует прежде всего увеличения инвестиционной активности минимум до 30% ВВП, т.е. прироста объема инвестиций на 6,6 трлн руб. в год, в ценах 2013 г., из которых порядка 3 трлн руб. (или 94,3 млрд долл. США) должны составлять машины и оборудование. Отметим, что при реализации такого сценария экономического развития общая потребность в машинах и оборудовании инвестиционного назначения может быть оценена в 8,91 трлн руб., что в 3,9 раз превышало объем их национального производства в 2013 г., а потенциал импортозамещения по оборудованию инвестиционного назначения – 7,6 трлн руб. Кроме того, не менее 1,3 трлн руб. может составлять потенциал импортозамещения от локализации производства комплектации для автомобильной промышленности и производства бытовой техники длительного пользования.

Таким образом, на основе импортозамещения инвестиционного оборудования может быть сформирован достаточно емкий рынок (спрос) на широкую номенклатуру промышленной продукции, удовлетворение которого должно способствовать росту общей экономической динамики. Важно также иметь в виду, что реализация широко-масштабного импортозамещения в секторе инвестиционного оборудования придаст новый импульс развитию старопромышленных районов, в которых сосредоточен основной промышленный потенциал страны, и позволит существенно повысить эффективность имеющегося в них трудового и инфраструктурного потенциала [3].

Наконец, импортозамещение инвестиционного оборудования вызовет масштабный мультипликативный эффект в экономике, расширив внутренние инвестиционные возможности для развития основных отраслей национального хозяйства, включая такие приоритетные для экономического роста отрасли, как сельское хозяйство и строительство. Российский рубль получит дополнительное товарное обеспечение в важнейшем для экономического роста секторе экономики, что расширит его эмиссионную базу, сократив зависимость динамики развития от внешних источников финансирования.

Отметим, что в принятой в 2012 г. Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года» ставилась задача «создания устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, способной к эффек-

⁸ Рассчитано на основе данных бюллетеня «Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации в 2013 г.», М.: ФТС, 2014. С. 276–313.

тивному саморазвитию, на основе интеграции в мировую технологическую среду, и разработки передовых промышленных технологий, нацеленных на формирование новых рынков инновационной продукции, а также эффективно решающей задачи обеспечения обороноспособности страны» [4]. В то же время намечаемая в Госпрограмме динамика роста промышленного производства позволит поднять долю включенных в нее отраслей промышленности лишь с 5,5% ВВП до 5,7% в 2020 г., что вряд ли сможет заметно изменить промышленный статус России. Более того, реализация намеченных в Госпрограмме параметров промышленного развития не позволяет достигнуть необходимого уровня самообеспеченности по важнейшим видам продукции общепромышленного назначения. Сохраняется и высокая импортная зависимость в таких важнейших для экономического роста и экспортного потенциала России секторах, как оборудование для нефтегазодобычи, горном и металлургическом оборудовании, строительной и сельскохозяйственной техники (см. табл.)⁹.

Таблица

Уровень самообеспеченности отечественного рынка отдельными видами промышленной продукции (%)

Виды продукции	2011	2020
Автомобили легковые (шт)	68,3	80
Автомобили грузовые (шт)	65,5	85
Легкие коммерческие (шт)	81,2	90
Автобусы (шт)	69,2	99
Трактора с/х (шт)	18,9	60
Комбайны зерно и кормоуборочные (шт)	43,7	68,9
Бульдозеры (шт)	30	70
Экскаваторы (шт)	15	45
Автогрейдеры (шт)	65	85
Погрузчики фронтальные (шт)	4	30
Станки металлорежущие (шт)	6	12
Кузнечно-прессовые машины (шт)	6,7	7
Горное оборудование (т)	30	45
Металлургическое оборудование (т)	25	35
Подъемно-транспортное оборудование	35	45
Оборудование для нефте-газодобычи (т)	30	40

⁹ Составлено на основе данных Госпрограммы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Особую тревогу вызывает ситуация в отечественном станкостроении, без восстановления технологического и производственного потенциала которого трудно рассчитывать на преодоление технологического отставания в машиностроительном комплексе в целом. Соответственно, будет оставаться излишне высокая импортная зависимость важнейших секторов национального хозяйства (оборонного, нефтегазодобычи, металлургического, энергетического), которая подрывает собственные инвестиционные возможности развития национальной экономики, усиливая ее зависимость от внешних экономических (доступ к валютным кредитам) и внешнеполитических условий. Санкции Запада достаточно убедительно иллюстрирует такие угрозы.

Таким образом, масштабное импортозамещение в обрабатывающих отраслях промышленности выступает важнейшим направлением широкомасштабной новой индустриализации и диверсификации промышленного потенциала России. Такое импортозамещение может осуществляться в направлении структурной вертикальной и горизонтальной «достройки» сложившихся отраслей национальной экономики России с учетом потребностей других государств формируемого Евразийского экономического Союза (ЕАЭС), способствуя их структурной сбалансированности и устойчивости развития. В свою очередь приоритетами структурной модернизации российской экономики должны стать как новые индустрии перспективного технологического уклада (на основе НБИК-технологий), призванные обеспечить технологическую конкурентоспособность на длительную перспективу, так и широкомасштабная диверсификация и технологическая модернизация основных секторов национальной экономики, которая должна кардинально снизить импортную зависимость важнейших секторов национального хозяйства.

Литература

1. Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М. 2012.
2. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А., Филатов В.И. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики // Федерализм. 2014. № 1.
3. Татаркин А., Романова О. О возможностях и механизме неоиндустриализации старопромышленных регионов // Экономист. 2013. № 1.
4. Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». http://www.minpromtorg.gov.ru/posit/minprom/ministry/fcp/8/Gos._programma_RF.pdf.

V.I. FILATOV

PhD in economics, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia, vladimir_filatov@mtu-net.ru

IMPORT SUBSTITUTION AND FORMATION OF A NEW ECONOMIC GROWTH MODEL IN THE RUSSIAN ECONOMY

The task of forming a new model of the sustainable economic growth has different aspects – the structural, re-production, institutional ones and the one related to economic resources. Import substitution is one of the main structural priorities of the transition to the non-resource model of the Russian economy. The encouragement of the import substitution in the mechanical engineering for investment purposes is justified by the subsequent multiplier effect in form of an extension of the resource potential, which will lead to speeding up the economic growth supported by a large-scale modernization of the main economic segments in Russia.

Keywords: *import substitution, economic growth, structural and industrial policy.*

JEL: O140, O320, O330, O380.

А.А. КАЗАННИКОВ
кандидат экономических наук,
финансовый директор российского офиса Си Би Ар И

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И РЫНОЧНЫЙ ИМПЕРАТИВ

В статье представлен понятийный аппарат устойчивого развития агропродовольственной системы (АПС), в том числе сквозь призму Концепции экономической социодинамики. Показана необходимость обеспечения сбалансированности рыночных механизмов в АПС и максимизации использования пространственного потенциала страны.

Ключевые слова: агропродовольственная система, устойчивое развитие, Концепция экономической социодинамики, рыночный механизм, социальный императив.

JEL: O130, Q100, Q180.

Агропродовольственная система (АПС) прямо или опосредованно соприкасается со всеми сферами жизнедеятельности человека, удовлетворяет его первичные базовые потребности в продуктах питания. АПС пытается войти в жизнь человека со стороны биоэнергетики. Все это требует внимания к вопросу обеспечения устойчивого развития АПС. Несмотря на колоссальный рывок в развитии финансовой системы, к проблемам АПС это практически не относится. О них вспоминают только тогда, когда остро встают проблемы обеспечения населения продовольствием.

Со стороны президента и правительства России, начиная с середины 2014 г., мы регулярно слышим заявления о необходимости реализации программы импортозамещения в сельском хозяйстве, недопущения повышения цен на продовольственные товары в интересах социально уязвимых групп населения. О том, насколько исполняются распоряжения правительства или указы президента по этому вопросу, каждый из нас может судить по тому, каким образом изменяется размер среднего чека при посещении продовольственного магазина. Цены на товары первой необходимости постоянно увеличиваются, хотя и в меньшей степени, чем на остальные группы продуктов питания.

Главные государственные телеканалы сообщают о частных успехах некоторых сельскохозяйственных предприятий в увеличении объемов

производимой продукции. Высказывается надежда на то, что введенное продовольственное эмбарго сохранится в течение продолжительного времени. При этом возникают вполне понятные вопросы: Каким образом проводится увеличение объемов производимой продукции? Не наносится ли при этом непоправимый ущерб сельскохозяйственным землям с точки зрения экологических требований? Какого качества отечественную продукцию мы имеем? Действия по поддержке отечественного сельскохозяйственного производства являются верными, но их проведение необходимо было начинать значительно раньше. Важно помнить при этом о всех компонентах успешного аграрного бизнеса – рентабельности, высоких качественных характеристиках производимой продукции, минимизации ущерба окружающей среде. В рамках данной статьи предполагается рассмотреть проблему обеспечения устойчивого развития АПС в социальном рыночном контексте.

О сущности используемых понятий

Развитие обычно рассматривалось как некое благо, позволяющее обеспечивать повышение качества жизни человека. Это справедливо для любой системы социально-экономических отношений или производственных комплексов. Развитие является перманентным процессом, обеспечивающим движение системы в сторону улучшения его качественных характеристик, переходу в состояние более высокого качества. Развитие – переход от старого к новому. Однако этот переход может сопровождаться как прогрессом, так и регрессом. А в перспективе это может привести к разным результатам. Далее мы будем говорить о развитии в контексте улучшения качеств системы, приводящих к совершенствованию его качественных характеристик.

Важным компонентом развивающейся системы является цель, а целеполагание выступает своего рода краеугольным камнем в поиске ответов на ряд вопросов: Что планируется достичь в долгосрочной или среднесрочной перспективе? Какие ресурсы для этого необходимы? Каким фундаментальным характеристикам должна отвечать система после преобразований? Из практики менеджмента известно, что от правильно поставленной цели зависит результат управления системой. Цель порождает лидерство, вокруг идеи образуется круг единомышленников, коллективный разум начинает развивать систему, раскрывая ее новые свойства. Развитие системы должно быть гармоничным, не содержать паразитирующих элементов, существующих за счет элементов системы или других систем. Сбалансированность и пропорциональность являются необходимыми характеристиками элементов развивающейся системы, которую можно охарактеризовать как ее устойчивое развитие.

Академик РАСХН Э.Н. Крылатых использует термин агропродовольственный сектор (АПС) [1, с. 10]. Данный термин понимается как подсистема национальной экономики, призванная обеспечить удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, сохраняя и поддерживая его жизнедеятельность и воспроизводство. АПС должен содействовать занятости и социокультурному развитию сельского населения, использовать и восстанавливать почвенное плодородие и экологическое равновесие в сельской местности, обеспечивать разработку и применение инноваций и информационных технологий. Такое определение довольно полно отражает суть агропродовольственного сектора, хотя и не отражает некоторых аспектов аграрных отношений. Известно, что под аграрными отношениями понимаются производственные отношения в сельском хозяйстве, определяемые формами земельной собственности, характером землевладения и землепользования.

В рамках научного исследования ВИАПИ им. А.А. Никонова на тему «Разработка Концепции аграрной политики по обеспечению устойчивого экономического роста в АПК Российской Федерации на 2011–2015 гг.» под аграрными отношениями понимается следующее. Это социальные, экономические и экологические отношения, в которые вступают все участники рыночных отношений по поводу пользования и распоряжения землями сельскохозяйственного назначения, пользования, владения и распоряжения средствами производства и переработки сельскохозяйственной продукции. В аграрные отношения включается участие в агропродовольственных рынках, вертикальная и горизонтальная интеграция и кооперация сельскохозяйственных товаропроизводителей, внутрикорпоративные отношения в сельскохозяйственных предприятиях и объединениях. Далее следует научно-инновационная деятельность, рациональное природопользование, демографическое благополучие, привлечение инвестиций, взаимодействие с иностранными агропродовольственными системами.

Мы предлагаем использовать термин «агропродовольственная система», который, на наш взгляд, наиболее полно отражает всю сложность и многоплановость аграрных отношений и представляет симбиоз аграрных отношений и агропродовольственного сектора. Таким образом, АПС – это подсистема национальной экономики, которая должна обеспечить удовлетворение потребностей населения в качественных продуктах питания, сохраняя и поддерживая его жизнедеятельность и воспроизводство; расширение возможностей использования пространственного потенциала экономики за счет обеспечения высокой эффективности использования сельскохозяйственных земель и развития альтернативных производств в сельской местности, вовлечения в рыночный оборот неиспользуемых земель; инновационную и

инвестиционную деятельность в сельском хозяйстве и в переработке сельскохозяйственной продукции, направленную на формирование постиндустриального сельского хозяйства; сбалансированность экономических, социальных и экологических отношений при владении и использовании сельскохозяйственных земель, основных производственных фондов; интеграционных и кооперативных процессов между участниками аграрных отношений.

Устойчивое развитие АПС – экономическая, социальная и экологическая сбалансированность ее перехода на путь постиндустриального развития. В этом сущность устойчивого развития на современном этапе, когда интересы триединства – природы, общества и бизнеса – находятся в согласии друг с другом и найдено их «равновесное» состояние. Термин «равновесный» приводится в кавычках не случайно, так как равновесное состояние практически не достижимо в реальной жизни. Поэтому следует исходить из некоторого неравновесного состояния, в котором интересы каждой из сторон учтены оптимальным образом. Кривую «равновесного» состояния можно представить следующей формулой.

$$f(x) = \text{Экологический ущерб} + [(\text{Высокое качество продуктов питания при оптимальных ценах и низкой себестоимости производства}) + \text{Максимизация налоговых поступлений}] + \text{Максимизация прибыли для сельскохозяйственного товаропроизводителя}.$$

Каждый из этих параметров в определенной точке кривой будет иметь максимальное значение, и будет найдена некоторая точка, в которой максимизированы интересы каждой из сторон. Хотя в столь сложной системе положение не будет идеальным, однако в целом для АПС оно будет привлекательным.

Диалектика рыночного и социального императива устойчивого развития АПС

Под рыночным императивом мы понимаем действие законов конкурентной среды, спроса и предложения, которые формируют требования к качеству производимой продукции, используемых технологий. При этом признается ограниченность этого механизма. Академик РАСХН И.Н. Буздалов отмечает: «По сути, рыночные отношения являются определяющей, господствующей формой экономических отношений, если иметь в виду их незаменимость в стимулировании достижения главного результата хозяйственной деятельности – наибольшей эффективности от использования имеющихся ограниченных ресур-

сов. Это, в свою очередь, предполагает научно обоснованный методологический подход к категории эффективности как синтетическому выражению улучшения показателей уровня производства товаров, их качества и сокращения затрат на единицу продукции. Категория качества при этом помимо потребительной стоимости самого товара предполагает и качество производственных ресурсов, хозяйствования, управления на всех уровнях системы аграрных отношений» [2, с. 34].

В классической рыночной ситуации товаропроизводители конкурируют за потребителей. Есть спрос – есть борьба за потребителей. Такого рода конкуренцию в рамках отечественной АПС мы наблюдаем между крупными торговыми продовольственными сетями – Магнит, Дикси, Перекресток, Пятерочка и др. Каждая из них уже обладает развитой операционной платформой и готова расширять свой бизнес в новых регионах. Это позволяет активно проводить сделки слияний и присоединений, а конкурентная среда формирует требования к качеству предоставляемых торговых услуг. Иным образом обстоят дела в сельском хозяйстве и сельской местности. На многих примерах банкротств сельскохозяйственных предприятий виден низкий уровень управления со стороны владельцев и топ-менеджеров, т.е. убыточность деятельности связана с действиями или бездействиями со стороны руководства, что и приводит к негативным результатам хозяйствования. Есть и успешные примеры развития предприятий, где акционеры получают прибыль, государство – налоги, а население – качественные продукты питания.

Согласно экономической теории, банкротства должны приводить к повышению общей эффективности АПС, однако на практике порой не ясно, что делать с освободившимися сельскохозяйственными землями. Хорошо если есть рядом крепкое сельскохозяйственное предприятие, способное поглотить обанкротившегося соседа. А если его нет? Желающих заниматься аграрным бизнесом в нашей стране немного. Это объясняется низкой отдачей отрасли на вложенный капитал в сравнении с другими видами экономической активности, приносящими гораздо больший доход. Даже если это только спекулятивный доход. Многие кредитные организации вовсе не предоставляют кредитования сельскохозяйственным предприятиям, ссылаясь на опыт работы Россельхозбанка, который периодически докапитализируется государством¹.

¹ В конце 2014 г. министр сельского хозяйства России Н.В. Федоров предложил проводить докапитализацию ключевого аграрного банка ежегодно в рамках государственной программы развития АПК. Источник: Минсельхоз предложил докапитализировать Россельхозбанк до 2020 г.// РБК Daily. 09.10.2014.

Задачу государства для целей устойчивого развития АПС можно сформулировать как сбалансированность рыночных механизмов хозяйствования в АПС при достижении социальных целей обеспечения населения продуктами питания высокого качества, а также максимизации использования пространственного потенциала страны. Решение этих задач в рамках только рыночного механизма выглядит затруднительным. Если исходить из того, что социальным императивом являются действия по улучшению качества жизни людей, то на первый план выдвигается позиция государства как общественного института и легитимного представителя общества в коммуникациях с бизнесом. Одной из ключевых задач государства выступает выравнивание рыночных диспропорций между отраслями, выработка целей и задач деятельности государственных институтов, разработка и реализация экономической политики в соответствии с поставленными целями и задачами. С учетом социального императива устойчивое развитие АПС приобретает более широкий смысл и характеристики, увязанные с необходимостью сохранения и приумножения природного потенциала аграрного производства. Устойчивое развитие АПС в таком контексте приобретает значение непричинения вреда окружающей среде в процессе производства сельскохозяйственной продукции. Результатом такого подхода может быть переход сельского хозяйства на экологически проверенные технологии выращивания сельскохозяйственных животных и растений.

Директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг и его первый заместитель А.Я. Рубинштейн разработали Концепцию экономической социодинамики (КЭС). Суть концепции как раз и заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство как исполнительная власть само является рыночным субъектом, чье поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. Но есть государственные структуры, которые, используя общественные ресурсы, действуют по правилам, которые само же государство как законодательная власть и установило. Таким образом, КЭС предлагает совершенно новую трактовку понятия «смешанная экономика», не сужая, а наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности [3].

По нашему мнению, если смотреть на устойчивое развитие АПС с позиций КЭС, целью такого развития является гармонизация отношений общества, которое требуется обеспечить качественными продуктами питания по низким ценам, сельскохозяйственных това-

ропроизводителей, которые оказались в тисках монопольного окружения, и государства, заинтересованного в удовлетворении интересов общества, бизнеса и в обеспечении продовольственной независимости страны. Диалектика отношений рыночного и социального императива в АПС, проявляется, в том числе в сложившихся диспропорциях системы. При наличии уникального природного потенциала страна является импортером сельскохозяйственной продукции. Такое положение вызвано тем, что нарушен процесс гармонизации социального и рыночного детерминизма АПС, не сформирован адекватный план действий для перехода отечественного АПС на устойчивый тип развития.

Рыночный и социальный императив тесно переплетаются и взаимно дополняют друг друга в рамках АПС, поэтому оценку результатов развития АПС следует также проводить путем анализа рыночных и социальных показателей, где во главу угла ставятся социальные показатели качества жизни и безопасности населения. Если экономика как общественная наука изучает социально-экономические отношения, то для АПС рыночный и социальный императив сводится к необходимости выработки адекватных механизмов управления и контроля за качеством устойчивого развития системы.

Вместо заключения

Современная Россия столкнулась с давлением в форме санкций со стороны западных стран, которые, безусловно, изменили понимание глобализации отечественными экспертами и требуют быстрых ответных мер, направленных на поддержку отечественной АПС. Воспользовавшись моментом переориентации политического руководства страны на развитие внутреннего рынка, целесообразно заложить механизмы устойчивого развития производства в канву аграрных преобразований последних месяцев, ускорить процесс перехода сельского хозяйства на инновационный тип развития. Восстановление сельскохозяйственного машиностроения также является важным условием такого перехода.

Сбалансированность рыночных и социальных интересов в АПС требует того, чтобы базовым условием экономического роста были бы качественные, а не количественные характеристики. Имеется в виду самодостаточная экспортно ориентированная АПС, которая являлась бы полноценной подсистемой и движущей силой национальной экономики. Именно с таких позиций, на наш взгляд, должны приниматься любые государственные решения, направленные на реализацию устойчивого развития отечественной агропродовольственной системы.

Литература

1. Крылатых Э.Н. Агропродовольственный сектор: многофункциональность, факторы развития, риски // Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2009.
2. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, исторические тенденции, современные представления. М.: Academia, 2005.
3. Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1. С. 10–29.

A.A. KAZANNIKOV

PhD in economics, Chief Financial Officer of CBRE Russia, Moscow, Russia

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A SOCIAL AGRI-FOOD SYSTEMS AND MARKET IMPERATIVE

The paper is devoted to a creation of a conceptual apparatus of sustainable development for agri-food system (AFS), including through the prism of the concept of economic socio-dynamics. The author insists that it is necessary to balance the market mechanisms in the AFS in achieving social objectives of providing the population with food products of high quality and maximization of the use of the spatial potential of the country. Formation of self export-oriented domestic AFS is a key task of the state policy in the field of agriculture.

Keywords: *agri-food systems, sustainable development, economic socio-dynamics concept, the market mechanism, a social imperative.*

JEL: O130, Q100, Q180.

И.В. ШАЦКАЯ

кандидат экономических наук, доцент
Московского государственного технического университета МИРЭА

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

В статье рассматриваются теоретические подходы, заложенные в основу трансформации системы подготовки профессиональных кадров. Автором предложен понятийно-терминологический аппарат как средство расширения теоретических представлений о процессе трансформации исследуемой системы.

Ключевые слова: *система подготовки кадров, трансформация системы подготовки кадров, направления трансформации, подходы к трансформации.*

JEL: I210, I250.

В общем понимании трансформация (от позднелат. *transformatio* «превращение») – это преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности деятельности. В настоящем исследовании под трансформацией системы понимается преобразование множества взаимосвязанных элементов, образующих целостность.

Понятие трансформация широко используется в разных областях, в том числе в общественных (социальных) науках. Согласно Э. Панкоке, «...понятие трансформация было специально выбрано в социальных науках для того, чтобы обозначить новые направления исследований и для того, чтобы выразить дистанцию между понятиями, использовавшимися раньше, в частности такими понятиями как революция и эволюция, трансфер и транзит. В том и состоит отличие этого нового направления, оно заключается в том, что акценты расставляются по-новому» [1, с. 20].

Примерно с 1960-х гг. в результате формирования методологических основ становления нового общественного производства с позиции науки и образования термин «трансформация» стал широко использоваться в экономике. Ряд ученых придерживается мнения, что конечной целью трансформации экономики является выход государства на новый уровень устойчивого экономического роста. И.В. Манахова утверждает, что результирующим итогом трансформации эко-

номики является стабилизация социально-политических структур, которые коренным образом меняют систему национального хозяйства и взаимодействие экономических институтов [2]. По мнению А.В. Мартынова сущность трансформационного процесса отражают структурные экономические преобразования во взаимосвязи с наиболее существенными социальными и институциональными изменениями [3]. Согласно представлениям Г.Г. Хузиной, трансформационный процесс в экономике в обязательном порядке затрагивает микроэкономический уровень, «так как совокупные показатели национальной экономики определяются результатом деятельности отдельных предприятий» [4]. Разделяя мнение Г.Г. Хузиной об уровневой структуре трансформационных преобразований, позволим себе добавить, что конечной целью трансформации любой системы должна стать ее способность отвечать общественным ожиданиям. Замена одних институтов другими, в том числе на основе заимствования чужого опыта построения эффективных институциональных моделей бессмысленна: формы и методы хозяйствования, а также управленческие механизмы в одних условиях доказывают свою результативность, а в иных приносят откровенный вред или оказываются бесполезными. Поэтому постановка целей и задач трансформации должна сопровождаться обязательной оценкой способностей трансформируемой системы обеспечивать потребности общества. Из этого следует, что создание критериев трансформации должно подчиняться требованию их соответствия критериям развития системы. Как отмечал В.М. Полтерович: «Неудачи многих реформ проистекали из стремления заимствовать передовые институты из более развитых институциональных систем, прежде чем сформируются условия для их нормального функционирования» [5, с. 24].

Система подготовки профессиональных кадров представляет собой одну из фундаментальных основ общественного развития, аккумулирующую знания, навыки и опыт, и осуществляющую их непрерывную трансляцию. Будучи одной из самых консервативных социальных систем, под влиянием научно-технического прогресса и смены общественных ожиданий, система подготовки профессиональных кадров становится объектом институциональных преобразований. Современное состояние национальной экономики России требует решительных действий, направленных на модернизацию индустриальной системы, отказ от сырьевой зависимости, инновационное развитие и строительство индустриальных объектов, оснащенных высокотехнологичным оборудованием, а также, что представляется особенно важным в условиях жесточайшего внешнеполитического прессинга, обеспечение полного суверенитета. Обеспечение потребности национальной экономики в профессиональных кадрах, обладающих

высоким личностным потенциалом, ключевыми (надпрофессиональными) и профессиональными компетенциями – это вопрос исключительной важности, который не ограничивается наращиванием выпуска специалистов, наиболее востребованных экономикой. Это полное переосмысление роли и места системы подготовки кадров в структуре народного хозяйства России. Как отметил В.В. Путин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г.: «Пора перестать гнаться за количеством и сосредоточиться на качестве подготовки кадров» [6].

В этой связи представляется особенно важным решение задачи эффективной трансформации системы подготовки профессиональных кадров, соответствующих государственным стратегическим интересам, на основе классических и современных теоретических исследований и наработок в области трансформационных процессов.

Согласно теории социальной инженерии К. Поппера, общественные институты рассматриваются с точки зрения их соответствия определенным целям, эффективности и простоты применения. Социальная инженерия – это движущая сила открытого общества, альтернатива его революционным преобразованиям [7, с. 200]. В концепции К. Поппера открытое общество проявляет готовность к рациональной, поэтапно внедряемой трансформации своих структур. Социальная инженерия базируется на следующих принципах:

- социальная инженерия начинается при существующих институтах;
- изучает, в каких отношениях существующие институты работают неэффективно, а затем проводит реформы;
- разработка планов происходит для отдельных учреждений;
- инженерия осуществляется методом проб и ошибок;
- инженерия сопровождается значительной общественной поддержкой;
- сопровождается развитием социальных наук.

Согласно концепции «перспективных траекторий развития» В.М. Полтеровича, основная задача реформирования есть проблема выбора перспективной траектории, т.е. последовательности институтов, удовлетворяющей определенным требованиям и потому имеющей высокие шансы на успех [8, с. 5]. Для описания множества возможных траекторий необходимо создать институциональное пространство, в котором происходит движение. Создание институционального пространства должно включать:

- оценку начального состояния институтов;
- определение желаемого конечного состояния;
- поиск решения, какие промежуточные институты создавать, чтобы максимизировать целевой функционал.

Концепция В.М. Полтеровича представляется нам более содержательной и близкой идее трансформации системы подготовки профессиональных кадров, чем теория К. Поппера, базирующаяся на методе «проб и ошибок», который, в свою очередь, удорожает стоимость преобразований в пределах величины, равной суммарным расходам на исправление ошибок.

В соответствии с концепцией В.М. Полтеровича можно предположить, что среди выделенных ученым стратегий трансформации – шоковая терапия, выращивание институтов и стратегия промежуточных институтов – наиболее оптимальной для трансформационных преобразований в системе подготовки профессиональных кадров будет стратегия промежуточных институтов, которые не только образуют основу механизма образовательной подготовки, но, вместе с тем, способствуют достижению конечной цели образовательной деятельности – формированию квалифицированной рабочей силы для модернизационных преобразований российской экономики.

Самым сложным в реализации стратегии промежуточных институтов является проектирование институциональных траекторий, следование которым обеспечит достижение заданной цели трансформации. По мнению В.М. Полтеровича, условием перспективности траекторий является согласование составляющих данные траектории промежуточных институтов с ресурсными, технологическими, культурными, политическими, и другими институциональными ограничениями [8, с. 11], а также наличие встроенных механизмов, стимулирующих запланированные изменения институтов и предотвращающих возникновение дисфункций и институциональных ловушек [8, с. 23].

По нашему мнению, поиск перспективных траекторий может быть основан на генетическом подходе, исходящем из ретроспективного анализа развития объекта с фиксацией основополагающих факторов, определяющих особенности развития системы. Таким образом, в основе трансформации системы подготовки профессиональных кадров должна лежать оценка прошлого и текущего состояния системы и выявление тенденций ее будущего развития.

Кроме того, проверка перспективности сформулированных институциональных траекторий требует их своевременного согласования с институциональными ограничениями и рисками во избежание атрофии внедряемых институтов. Решение данной управленческой задачи, как нам представляется, может быть основано на использовании при проектировании институциональных траекторий метода критического пути. Данный метод является инструментом управления сроками проекта и широко используется в производственном менеджменте. В его основе лежит определение наиболее длительной

последовательности задач от начала до конца проекта с учетом их взаимосвязи. Критические задачи (т.е. задачи, лежащие на критическом пути) требуют более тщательного контроля при реализации проекта, т.к. имеют нулевой резерв времени выполнения. Другими словами, прирост срока решения критических задач чреват увеличением длины критического пути, что может отразиться на результативности всего проекта и требует его незамедлительного пересмотра, что в условиях трансформации одного из важнейших государственных социальных институтов может оказаться губительным для всего трансформационного процесса.

Большое значение для результативности трансформационных преобразований имеет рассмотрение их механизма сквозь призму субъектно-деятельностного аспекта. По мнению Т.И. Заславской субъектами или акторами трансформационного процесса являются те социальные субъекты, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества (независимо от осознания этого самими субъектами) [9, с. 10]. В системе подготовки профессиональных кадров основными субъектами трансформации являются общество в лице покупателей и потребителей образовательных услуг, предприятия-работодатели и государство как участник партнерских отношений между образовательной организацией и бизнес-сообществом. Свое воздействие на трансформационный процесс они оказывают на нескольких уровнях, которые различаются типом и механизмами этого воздействия, а также характером и масштабами вызываемых перемен.

Макроуровень трансформационных преобразований – это изменение нормативно-правового пространства системы подготовки профессиональных кадров. На данном уровне осуществляется постановка целей трансформации, а также сознательная перестройка институциональной структуры образовательной системы, ее правовой и административный контроль.

На мезоуровне трансформационного процесса происходит формирование условий для наращивания потенциала трансформации на основе согласования интересов государства, предприятий (работодателей) и общества в лице покупателей (потребителей) образовательных услуг. Данный уровень служит промежуточным звеном, транслятором информации между макро- и микроуровнями трансформации.

В то время как на макро- и мезоуровнях происходит организация социально-правовых основ трансформации, а также создание причинно-следственных связей между субъектами трансформации, то на микроуровне определяется характер и содержание социальных практик и, как следствие, самих общественных институтов. В частности, в механизме трансформации системы подготовки профессиональных

кадров микроуровень есть управление образовательными организациями в режиме реального времени.

Субъектно-деятельностный аспект трансформации основывается на систематизации направлений трансформационных преобразований. По нашему убеждению, можно выделить, по меньшей мере, четыре направления трансформации данной системы: стратегическая, функциональная, организационная и управленческая трансформация.

Под стратегической трансформацией подразумевается комплексное преобразование стратегической архитектуры системы подготовки профессиональных кадров, основой которого служит трансформация целей функционирования системы, стратегических альтернатив их достижения, стратегического видения как главного ориентира развития системы, а также ключевых компетенций, на основе которых происходит эволюция ее элементов.

Функциональная трансформация – согласование функций системы подготовки кадров с актуальными проблемами государства, предполагает смещение центра тяжести системы с функций, которые в современных условиях теряют определяющую роль, т.к. перестают отвечать как целям самой системы, так и приоритетным потребностям государства, на функции, соответствующие стратегическим государственным интересам.

Организационная трансформация – это трансформация образовательной услуги, т.е. системы знаний, умений и навыков, а также информации, которая создается и предоставляется образовательной организацией в целях удовлетворения потребностей индивида, общества и государства, способов ее предоставления и получения.

Наконец, управленческая трансформация – изменение институтов, функционирующих в образовательной среде и определяющих данную среду, на основе совершенствования административно-правовой базы и институциональных реформ, закрепляющих за теми или иными участниками системы определенные права и обязанности.

Обеспечение устойчивого развития системы подготовки профессиональных кадров для модернизации отечественной экономики ставит перед экономической наукой задачу глубокого теоретического осмысления данного процесса, а также нуждается в поиске научно обоснованных управленческих решений, направленных на достижение максимального эффекта от трансформационных мер. Как нам представляется, выделенные в настоящей работе управленческие модели могут стать основой решения прикладных задач трансформации.

Литература

1. Социальные процессы современной России: трансформации и перспективы. Материалы научно-практического семинара (Нижний Новгород, 11–13 сентября 2002 г.). Нижний Новгород: ННГУ, 2002. С. 20.
2. Манахова И.В. К вопросу о построении модели устойчивого развития национальной экономики / В кн: Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы. Ч. 2. М., 2003.
3. Мартынов А.В. Структурная трансформация российской экономики. М., 1999.
4. Хузина Г.Г. Сущность трансформационного процесса в экономической системе // Проблемы современной экономики. 2010. №4.
5. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. №3. С. 24.
6. Ежегодное послание Владимира Путина Федеральному собранию – полный текст и видео / RT на русском. <http://russian.rt.com/article/62728>.
7. Понтер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992. С. 200.
8. Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ // Экономика и математические методы. 2006. № 1. Т. 42. С. 5.
9. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. №5. С. 10.

I.V. SHATSKAYA

PhD in economics, assistant professor of Moscow state technical university MIREA, Moscow, Russia
shatskaya@list.ru

FEATURES OF TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL STAFF PREPARATION SYSTEM

The paper is dedicated to an investigation of theoretical approaches put in a basis of transformation of professional staff preparation system. The author offers conceptual terms framework as an extender of theoretical ideas of transformation process for the studied system.

Keywords: preparation system, transformation of preparation system, directions of transformation, approaches to transformation.

JEL: I210, I250.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В.С. ОСИПОВ
доктор экономических наук,
заведующий сектором Института экономики РАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ САНКЦИЙ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Совершенно ошибочно сводить явление санкций к понятию штрафов или наказаний, так как их масштаб не был понятен в начале введения, он не понятен сейчас, хотя оценки ущерба для российской экономики измеряются гигантскими объемами, но масштаб не виден и в перспективе. Большое видится на расстоянии. Именно этот подход мы предлагаем использовать для понимания политэкономической природы санкций. Санкции это не просто политический инструмент давления на независимую позицию России, это комплексное, системное, спланированное воздействие на конкурента по сферам влияния. По силе воздействия санкции также отличаются от штрафов и ему подобных категорий, так как они носят не столько национальный, сколько наднациональный характер. В статье предпринята попытка раскрыть изменение экономических отношений между государствами – участниками санкционной войны.

Ключевые слова: санкции, система экономических отношений, запретительные механизмы, санкционная война.

JEL: E02, E61, F51, F62.

«...фактически все современные государства существуют в постоянном взаимодействии с другими государствами, что получило название межгосударственной системы»¹.

А. Богданов отмечал, что «...основной предмет экономической науки составляет именно общественная сторона производства – отношения между людьми...»².

В связи с тем, что предметом политической экономии как науки являются производственные отношения, которые входят в систему

¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. С. 118.

² Богданов А. Краткий курс экономической науки. СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1899. С. 2.

экономических отношений, а также законы, управляющие их историческим развитием, категория «политическая экономия санкций» соответствует канонам экономической науки, а также раскрывает особые экономические отношения в условиях обоюдного применения санкций в межгосударственных отношениях. Кроме того, политическая экономия как наука развивалась и продолжает развиваться по широкому кругу проблематики³, поэтому мы не видим оснований отказать в праве на существование категории «политическая экономия санкций».

Россия далеко не первая страна, которая столкнулась с введением против нее санкций мировым сообществом или большей его частью. Такими странами были Куба, Северная Корея, Иран, Югославия, Сомали, Ливия, Таити, Афганистан и многие другие.

Использование запретительных экономических механизмов в качестве меры принуждения одной страны другой с целью вынудить его правительство пойти на уступки «...известно еще со времен «мегарской псефисмы», когда в 432 г. до н. э. афинский стратег Перикл наложил запрет на торговлю с Мегарой, что стало одним из поводов к началу Пелопонесской войны»⁴.

Несмотря на то, что принято считать, что санкции затрагивают только российскую экономику, что они являются внешним шоком для нее, усугубляющим и без того кризисное состояние, на наш взгляд, санкции являются более серьезным рестрикционным механизмом воздействия на внешнюю политику страны, даже в ущерб экономиче-

³ См., например, *Сорокин Д. Е.* Россия перед вызовом. Политическая экономия ответа. Наука, 2003; *Алчевич М.* Политическая экономия Всемирного Банка. Начальный период. М.: Весь Мир, 2012; *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего. 2-е изд. Из наследия мировой политологии. М.: Либроком, 2012; *Кандалинцев В.* Политическая экономия Библии. М.: Инком Полиграф, 1999; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. Серия «История сталинизма». М.: РОССПЭН, 2008; *Джонс Р.* Политическая экономия народов. Серия «Из наследия мировой политологии». 2-е изд. М.: Либроком, 2011; *Торкановский В. С., Тарасевич Л. С., Бобович И. М.* Политическая экономия современного капитализма. Учеб. пособие. СПб.: Из-во СПбУЭФ, 1993; *Кирчанов М. В.* Экономические трансформации: традиция и рынок (к политической экономии переходных обществ). Воронеж: Научная книга, 2013; *Олейников А. А.* Политическая экономия национального хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2010; *Богданов А. А., Скворцов-Степанов И. И.* Курс политической экономии докапиталистической эпохи. Серия «Размышляя о марксизме». 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011; *Рескин Дж.* Радость навеки и ее рыночная цена или Политическая экономия искусства, 1857; *Певзнер Я. А.* Введение в политическую экономию социал-демократизма. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2000; *Алексеев С. И., Лебедев Г. Н.* Политическая экономия реформирования. М.: Новая экономическая перспектива, 2002; *Акимов Н. И.* Политическая экономия современного способа производства. М.: Экономика, 2002.

⁴ *Кокошин А. А. и др.* Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М.: КомКнига, 2005.

ским интересам той страны или группы стран, правительства которых инициируют введение санкций.

Экономические санкции вводятся против страны в том случае, когда хотят заставить ее отказаться от определенных действий или решений посредством нанесения ей материального ущерба или ограничения во внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности [17, 18, 24]. Практика показывает, что санкции вводятся обычно по инициативе США и их союзников, в связи с чем следует обратиться к теоретическим разработкам американских ученых в этой сфере для уяснения механизма санкционной войны.

Так, Дж.С. Хафбауэр, Дж. Шотт и К.А. Эллиотт определяют санкции как «целенаправленный, инициированный правительством разрыв или угрозу разрыва обычных экономических отношений» [1].

Санкции современного этапа межгосударственных российских отношений со странами, которые ввели санкции, отражают в себе систему экономических отношений взаимных заградительных и запретительных механизмов. Масштаб этих механизмов оказывает чрезвычайное воздействие на экономические отношения не только России, но и ее союзников по надгосударственным образованиям, а также тех стран, которые хотя и находятся в надгосударственных образованиях противников России, но все же противятся введению санкций, например, Чехия, Финляндия, Сербия, Венгрия. Последняя столкнулась, в связи со своей негативной позицией по санкциям против России, с беспрецедентным давлением со стороны США, как главного инициатора антироссийских санкций. Венгерский премьер-министр В.Орбан прямо обвиняет США в политическом давлении и использовании обвинений в коррупции против венгерских чиновников в качестве прикрытия⁵.

В этой ситуации санкции следует трактовать более широко, как категорию, раскрывающую существенное изменение экономических отношений между государствами-участниками санкционной войны.

Санкции в современных условиях имеют двойное воздействие на экономику: с одной стороны, они сокращают возможности привлечения дешевого капитала с мировых финансовых рынков и получения уникального оборудования и/или технологий, но с другой стороны, они предоставляют легальную возможность проведения протекционистской экономической политики [19]. Санкции во втором случае приводят к изменению структуры экономики и повышению национальной конкурентоспособности российской экономики [10].

Для России санкционная война вылилась в усиление политики импортозамещения по тем направлениям, по которым Россия осо-

⁵ <http://top.rbc.ru/politics/24/12/2014/549a79f99a7947823f6b03a5>.

бенно серьезно зависела от иностранных поставщиков. Особое внимание уделяется развитию отраслям и подотраслям, в которых зависимость от импорта составляла от 80 до 100%: оборудование для пищевой промышленности, тяжелое машиностроение, энергетическое машиностроение, электрохимическая и кабельная промышленность, нефтегазовое машиностроение, станкостроение, двигателестроение, производство судостроительного оборудования, радиоэлектронная промышленность, химическая и нефтехимическая промышленность, фармацевтическая промышленность, медицинская промышленность, промышленность обычных вооружений, гражданское авиастроение, комплектующие и оборудование для транспортного машиностроения.

Зарубежные страны, ранее зависевшие от российских рынков сбыта, столкнулись с очевидными проявлениями кризиса перепроизводства, что особенно ярко выразилось на рынке сельскохозяйственных продуктов, а также сказалось на сокращении выручки машиностроительных предприятий, например, в Германии. Таким образом, хотя санкционная война явно вредит экономическому развитию в условиях глобализации, тем не менее предоставляет и возможности для внутреннего развития странам с переходными рынками, в которых утрачены локальные производства вследствие принятия рецептов Вашингтонского консенсуса [20]. В то же самое время, страны с развитыми рынками получили ответные неприятные меры в виде сокращения рынков сбыта, что привело к кризису перепроизводства и даже неким намекам на политические потрясения для правящих режимов (характерен пример Греции).

То есть фактически в результате закрытия российских рынков для товаров и услуг стран, которые ввели санкции против России, в качестве ответной меры, некоторые отрасли российской экономики получают искусственное конкурентное преимущество, которое может быть реализовано для наращивания производства или его модернизации с расчетом на потребление внутри страны. Одновременно во внешнеэкономической деятельности наметилось усиление отношений со странами, не входящими в сферу влияния США и их союзников в ЕС, например с Турцией, Китаем, странами Латинской Америки [26].

В связи с тем, что закрытие рынков произошло в первую очередь для сельскохозяйственной продукции, следовало ожидать развитие отечественного производства именно в этой сфере. Несмотря на то, что статистика фиксирует некоторый рост в отраслях сельскохозяйственного производства, тем не менее значительно более ярко политика ответных мер привела не к импортозамещению, а импортерозамещению [21]. Вместо европейских товаров сельскохозяйственного производства мы получили товары из стран Латинской Америки и Азии [4, 5, 6].

Понятно, что структурная перестройка промышленности не может не отразиться на темпах экономического развития; временной лаг между остановкой поставок оборудования из-за рубежа и поставками отечественного аналога может быть сравнительно большим [2, 3, 25]. Именно этот лаг может дать кратковременное снижение темпов экономического роста особенно на фоне снижающихся цен на основной экспортный продукт России. Однако изменение структуры промышленности и расширение производственной базы в долгосрочном периоде должно дать положительный эффект за счет создания новых рабочих мест. Заработные платы на этих рабочих местах дадут дополнительный спрос на продукцию и станут локомотивом нового витка развития в отдельных секторах экономики [7, 8, 9, 11].

Опыт зарубежных стран, а также убедительная аргументация Г. Мюрдаля [16], Ф. Листа [15], Э. Райнерта [23], а также опыт индустриализации Финляндии, Франции, Ю. Кореи, Сингапура позволяют сделать вывод о необходимости протекционистской промышленной политики в новых условиях. Глобализация на сегодняшний день как необратимый процесс привела к олигополизации мирового рынка в руках небольшой части наиболее развитых стран. Рецепты Вашингтонского консенсуса оказались подвергнутыми критике не только пострадавшими от него странами, но даже и его авторами из числа экспертов Международного валютного фонда и Мирового банка, что побуждает обратить внимание на иную парадигму экономической политики⁶.

Разумеется, институциональные условия, международная обстановка, глобализация, санкционная война оказали существенное влияние на идеологию новой промышленной политики России для того, чтобы наша страна могла занять более заметное место в системе международного разделения труда, так как импортозамещение имеет целью не только обеспечение внутреннего спроса, но и создание условий для выхода на внешние рынки, в том числе в результате укрепления национальных производителей перед отменой санкций. Отметим, что на сегодняшний день сервисно-сырьевой характер экономики свидетельствует о месте России в глобальных цепочках ценности как сырьевой страны. Для иллюстрации поведения национальных производителей необходимо обратиться к базовым моделям поведения продукта на рынке. Например, модель жизненного цикла продукта иллюстрирует, в том числе и сокращение выручки и прибыли с течением времени продажи продукта на рынке.

Стандартное поведение производителя товара (см. рис. 1а) заключается в том, чтобы максимально расширить стадию зрелости продукта (стадия А-В) и отсрочить затухание или уход с рынка (стадия С—D).

⁶ См., например: Сакс Дж. Цена цивилизации. М.: Изд. Института Гайдара, 2012.

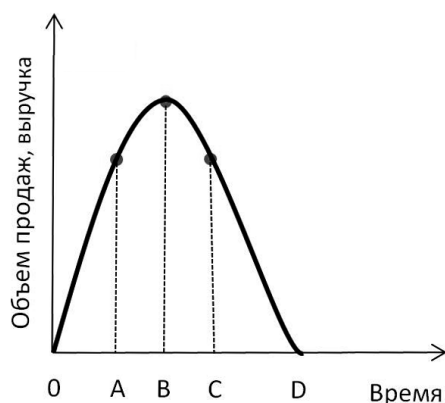

Рис. 1а. Жизненный цикл продукта.

Страны первого мира при формировании экономической политики поощряют национальных производителей развивать инновации и управлять жизненным циклом продукта.

Инновации способны решить эту задачу, но только на определенный срок, пока приобретенное конкурентное преимущество не будет скопировано конкурентами.

Производители из стран первого мира модифицировали в своей практике модель жизненного цикла продукта, сделав копирование конкурентного преимущества иными акторами рынка неопасным для своего бизнеса.

Стадия 0–А в жизненном цикле показывает развитие продукта от замысла до доведения его до готового продукта и вывода его на рынок. В условной точке А начинается стадия зрелости в жизненном цикле продукта, в которой продукт приносит производителю максимальную прибыль (отрезок кривой А–С). В точке А продукта I производитель начинает запуск нового продукта II (см. рис. 1б).

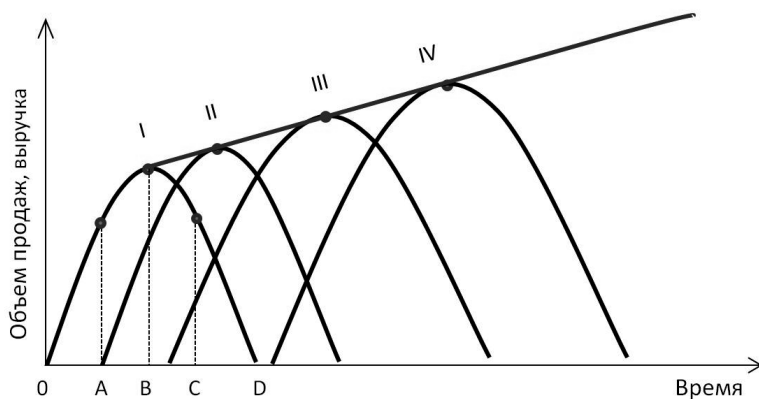

Рис. 1б. Жизненный цикл продукта фирмы из страны первого мира.

Расширение номенклатуры и модельного ряда продуктов производителем в совокупности с широким внедрением инноваций приводит к постоянному повышательному тренду доходности фирм стран первого мира. Однако этим стратегия производителей из стран первого мира не ограничивается. Стадия C–D продукта I характеризуется уменьшающейся доходностью или убывающей отдачей. Так как эта стадия дает значительно меньший доход, чем стадия A–C, но ее значение для потребителя все еще сохраняется, возникает необходимость радикального сокращения затрат при производстве продукта на стадии C–D. Возможности радикального сокращения затрат предоставляют страны третьего мира, которые предоставляют площадки для производства и дешевую рабочую силу для организации так называемого «отверточного» производства.

Исследователь Р. Каплински утверждает, что внутри глобальных цепочек ценности возникает конкуренция за те ее участки, которые дают наибольшую рентабельность [12]. Эту же мысль приводит в своей книге исследователь Э. Райнерт [24], называя политику промышленно развитых стран специализацией на отраслях с возрастающей отдачей, а политику стран третьего мира – специализацией на отраслях с убывающей отдачей.

Рыночные отношения реализуются не просто в актах обмена между участниками таких отношений, и не только в отраслевом аспекте, но и в совокупности связанных между собой операций производственного цикла, выстроенных по технологической цепочке производства, распределения и реализации товара. В каждой операции, в каждом звене цепочки ценности, продукт получает изменение или перемещается с целью увеличить стоимость для производителей и ценность для потребителей. Они задаются вопросом о том, как можно определить, где начинается цепочка стоимости – со сборки продукта или с добычи/производства сырья или с момента изобретения продукта? Существует мнение, что однозначного ответа не может быть на такие вопросы. Однако мы придерживаемся иной точки зрения, идущей в согласии с мнением Р. Каплински. Мы считаем, что любая цепочка ценности начинается с получения первичного сырья и завершается потреблением продукта и утилизацией остатков его потребления. Безусловно, каждая цепочка ценности требует своего исследования, так как она уникальна по своей конфигурации и составу участников – звеньев цепочки. Они различаются также и по вкладу в конечный продукт, по вкладу в удовлетворение потребностей потребителя и по вкладу в добавленную стоимость и прибыль от реализации конечного продукта, как это показано на рис. 2.

Нам хотелось бы продемонстрировать схематично эту мысль для того, чтобы показать необходимость обновленной промышлен-

ной политики в современных условиях специализации на отраслях с возрастающей отдачей. Необходимо не только учитывать характер отрасли (убывающая или возрастающая отдача), но и стадию глобальной цепочки ценности с максимальной доходностью.

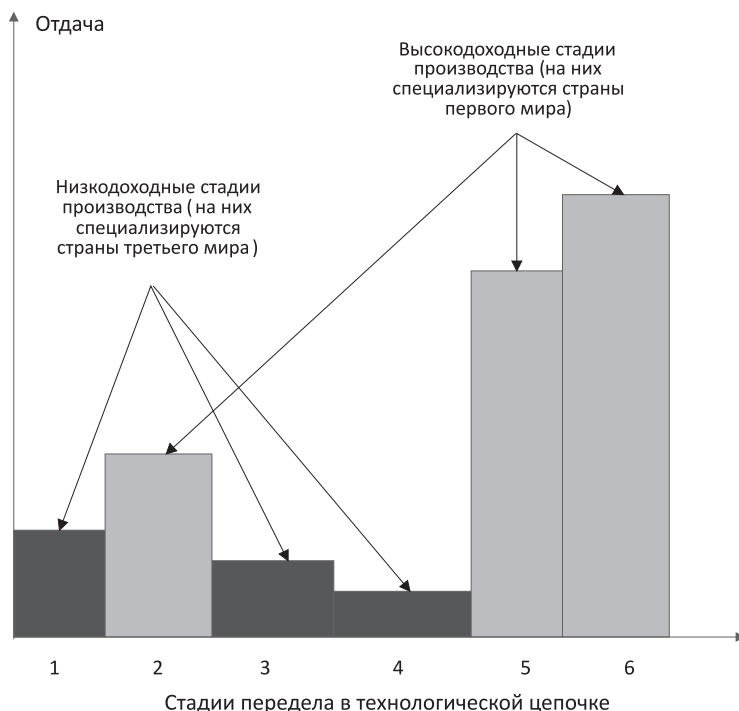

Рис. 2. Зависимость доходности от стадии передела в глобальной цепочке ценности.

Промышленно развитые страны, богатые страны по Э. Райнерту, специализируются на тех стадиях передела или глобальной цепочки ценности, которые дают наибольшую доходность, а те стадии, которые дают меньшую доходность, остаются для «производства» бедным странам. Как только жизненный цикл операции с высокой доходностью подходит к концу (т.е. снижению доходности), богатая страна переносит его производство в бедную страну (по аналогии с «отверточным» производством). Да, бедная страна получает производство, рабочие места и даже относительный рост благосостояния населения, однако, страны третьего мира таким путем никогда не достигнут благосостояния стран первого мира и навсегда закрепляются в лагере стран третьего мира, достигая специфического равновесия мировой экономической системы, при котором справедливое распределение богатства невозможно в принципе [13, 14]. Поэтому, прав Э. Райнерт утверждая, что богатые страны именно специализируются на богатстве, а бедные страны – на бедности.

Убывающая отдача характерна в первую очередь для сырьевых отраслей, примитивных отраслей и сельского хозяйства, в которых экстенсивный способ производства превалирует над интенсивным. Даже в развитых странах сельское хозяйство существенно субсидируется из государственного бюджета. Возрастающая отдача характерна для высокотехнологичных отраслей промышленности, где интенсивный тип производства более характерен. Таким образом, в результате принятия рецептов Вашингтонского консенсуса, страны третьего мира потеряли свою промышленность, так как слишком быстро открылись мировым рынкам: поток импортных товаров в первую очередь погубил промышленность, что привело к снижению доходов населения (ведь возрастающая отдача была потеряна, а убывающая отдача осталась), что привело к снижению доходов в сельской местности, так как сократился совокупный спрос. Получается, что все-таки лучше иметь неконкурентоспособную промышленность (в ключе международной конкурентоспособности), чем не иметь ее вовсе. Здесь уместно вспомнить модель, предложенную И.-Г. фон Тюненом. Его идея кругов хорошо демонстрирует связь между отраслями народного хозяйства и воздействие их друг на друга. Собираательство и охота находятся на удалении от города, ближе к нему находится сельское хозяйство, а в центре – промышленность.

Сокращение отраслей промышленности и возрастающей отдачи приводит к тому, что страна теряет возможность обеспечить экономический рост в долгосрочной перспективе. Именно эта проблема сейчас стоит на повестке дня в России: при невысоких ценах на сырьевые ресурсы и значительном оттоке финансовых ресурсов за рубеж, экономический рост сокращается, так как население не предъявляет спрос на товары – резко сжался совокупный спрос из-за снижения доходов населения. Ажиотаж на валютном рынке, снижение цены нефти и санкционная война в совокупности усиливают дисфункции государственного управления. Кроме того, примитивные продукты и услуги могут оплачиваться более-менее высоко только тогда, когда иные отрасли с возрастающей отдачей генерируют достаточно большие потоки средств в экономику. Например, дворник в Никарагуа, Италии и США за одну и ту же работу при той же интенсивности труда, будет получать совершенно разные заработные платы. Таким образом, производительность труда может не возрастать не только по причине лениности работников, но и по иным причинам, – структурным.

Вследствие этого происходит отток наиболее квалифицированных кадров в другие страны. Отсюда увеличение затрат на образование и науку при отсутствии промышленности и возрастающей отдачи ведет только к оттоку квалифицированных кадров за рубеж. Получается, что бедная страна, специализирующаяся на отраслях с убывающей отда-

чей обеспечивает отрасли с возрастающей отдачей других стран платежеспособным спросом, а кроме того, снабжает эти страны квалифицированными кадрами, готовыми работать за меньшие заработные платы, чем местные специалисты. Двойной отток – капитала и кадров из стран третьего мира, дает серьезный толчок развития и экономического роста тем странам первого мира, которые специализируются на промышленном производстве, и медленно уничтожает отрасли экономики в бедных странах. Мы видим, что П. Самуэльсон оказался не прав, когда утверждал, что при открытии мировых рынков произойдет выравнивание доходов во всех странах. Расслоение народов по доходам все возрастает, бедность в некоторых странах перерастает в нищету.

Новая промышленная политика или новая индустриализация или реиндустриализация состоит в том, чтобы сформировать институциональные условия для развития промышленности в России. Следовательно, необходимо рассматривать варианты структурных сдвигов в материальном производстве. Такие варианты предлагаются представителями как либерального направления экономической политики, так и консервативного. Как обычно, мы имеем разнонаправленные варианты, что с одной стороны свидетельствует о дискуссионности вариантов промышленной политики, но, с другой стороны, о необходимости осторожного ее осуществления, так как ошибки, прогнозируемые представителями обоих течений, могут иметь фатальный характер. Так, например, В. Радаев предлагает свой вариант экономической политики в легкой промышленности. Так, принимая во внимание теорию Каплинского, Радаев отмечает, что «...низшие пределы в легкой промышленности, связанные с переработкой сырья... почти неизбежно будут перемещаться в страны, где выращивается хлопок» [22]. Также автор отмечает, что в связи с большими запасами углеводородов России стоит специализироваться на выпуске технических тканей.

Представители «консервативного» крыла считают необходимым поддержать экономический рост в стране за счет массированных бюджетных инвестиций в инфраструктурные проекты. Петербургский экономический форум-2014 показал, что внимание к кейнсианским рецептам есть, во всяком случае, инфраструктурные проекты действительно начали финансировать из ФНБ и иных бюджетных источников. Замена частных инвестиций бюджетными в ситуации отсутствия первых вполне оправданна, но необходимы стимулы для привлечения частного капитала и создания условий для постепенной замены бюджетных инвестиций частными, иначе эффект вытеснения вкупе с инфляцией могут дать обратный желаемому эффект.

В этой ситуации для активизации предпринимательской инициативы вполне оправданно предложение Министерства промышленно-

сти и торговли РФ «ввести для новых предприятий льготы до 2025 года для стимулирования развития промышленных проектов»⁷.

Считаем необходимым поддержать любые меры, направленные на улучшение инвестиционного климата в стране и развитие частнопредпринимательской инициативы как экономические, так и институциональные.

Тем не менее считаем также, что бессистемные и научно необоснованные мероприятия не могут дать ожидаемого эффекта. Экономическая наука содержит в себе интересный парадокс: одни и те же инструменты экономической политики в разные периоды времени срабатывают по-разному. Следует согласиться с В. Мау, который правильно указывает на то, что «рецепт экономического успеха всегда индивидуален»⁸.

На наш взгляд, необходимо воспользоваться благоприятными условиями санкций и возможностями протекционистской политики для развития реального сектора экономики. Следует учитывать, что санкционная война в условиях рыночной экономики заставляет руководство страны учитывать ограниченные бюджетные инвестиционные ресурсы и сокращающиеся вследствие политических рисков частные инвестиции в реальный сектор экономики. Более экономный подход к расходованию средств бюджета и фондов развития заставляет правительство страны определить реперные точки развития, которые могут стать локомотивами экономического роста с наибольшей степенью вероятности и с наименьшими рисками. Такими точками роста могут стать ранее упомянутые отрасли машиностроения, станкостроения и другие. Однако этими отраслями правительство не ограничивается и предлагает инвестиционные ресурсы направить на инфраструктурные проекты, такие как железнодорожное строительство и социальная инфраструктура.

Удачным примером является недавно объявленная новая экономическая политика президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, сущность которой сводится к массированным бюджетным инвестициям в дорожное строительство, которая косвенно подтверждает правильность действий и российского правительства в этой части.

Изменение промышленной политики в связи с санкциями должно дать положительный эффект за счет создания новых рабочих мест. Заработные платы на этих рабочих местах дадут дополнительный спрос на продукцию и станут локомотивом нового витка развития в отдельных секторах экономики, ведь очевидно, что внутренний спрос способен запустить экономический рост в современных сложных условиях.

⁷ Налоги: каникулы для новеньких // Эксперт. 2014. № 23 (902). С. 4.

⁸ Ивантер А. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. 2014. № 21 (900). С. 55.

Литература

1. Hufbauer G.C., Schott J., Elliott K.A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington, 1990.
2. Бондаренко В.М. Инновации, информационное общество и долгосрочная стратегия развития России // Информационное общество. 2008. № 5–6. С. 109–114.
3. Бондаренко В.М. Модернизация России: две парадигмы развития // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 5. С. 4–12.
4. Ворожейкина Т.М. Влияние состояния регионального продовольственного рынка на организацию взаимоотношений его участников // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 8. С. 70–72.
5. Ворожейкина Т.М. Проблемы развития низкоконсолидированных отраслей (на примере сельского хозяйства). М., 2010.
6. Ворожейкина Т.М. Государственное регулирование фрагментированных отраслей // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2011. № 4. С. 108–113.
7. Зельднер А. Социализация общественных отношений и государственно-частное партнерство // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 7–8. С. 22–28.
8. Зельднер А.Г. Деструктивные тенденции и конструктивные возможности их преодоления в экономической системе России. М., Экономика, 2013.
9. Зельднер А.Г. Институты развития в привлечении долгосрочных частных инвестиций. М., ИЭ РАН, 2014.
10. Евсеев В.О. Конкурентоспособность производительных сил. М., 2007.
11. Евсеев В.О. Человеческие ресурсы в системе социоэкономических уравнений. М., 2009.
12. Каплински Р. Распространение положительного влияния глобализации: анализ «цепочек» приращения стоимости // Вопросы экономики. 2003. № 10. С. 4–26.
13. Косов М.Е. О критериях равновесия-неравновесия экономической системы // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2. С. 54–59.
14. Косов М.Е. Экономическая система с позиции концепции равновесия // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 42–45.
15. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.
16. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М.: Издательство «Прогресс», 1972.

17. Невская Н.А. Реиндустриализация как целевой ориентир индикативного планирования // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4–1. С. 104–107.
18. Невская Н.А. Реиндустриализация экономики как основа импортозамещения в условиях экономических санкций // Экономика и предпринимательство. 2014. № 10. С. 252–257.
19. Осипов В.С. Политическая экономия санкций (новая аграрная политика) // Международные научные исследования. 2014. № 3–4 (20–21). С. 6–8.
20. Осипов В.С. Реиндустриализация и формирование институциональных полей как факторы сокращения сельской бедности // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина. 2014. № 2. С. 68–72.
21. Осипов В.С. Отраслевые и операционные конкурентные преимущества в международном разделении труда: матрицы структуризации промышленной политики // Экономика и предпринимательство. 2014. № 6. С. 26–33.
22. Радаев В. Можно ли спасти российскую легкую промышленность // Вопросы экономики. 2014. № 4.
23. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
24. Скрыль Т.В. Синтез институтов государства и бизнеса как инструмент экономической политики в условиях санкций // Вестник РГТЭУ. 2014. № 6. С. 49–57.
25. Смотрицкая И.И. Новая экономика: развитие инструментов и механизмов контрактного управления // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 2. С. 70–84.
26. Шавина Е.В. Усиление инновационного сотрудничества со странами БРИКС как основа дальнейшего экономического развития в условиях обострения геополитической обстановки // Экономика образования. 2015. № 1. С. 4–11.

V.S. OSIPOV

doctor habilitatus in economics, the head of the Sector of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

vs.ossipov@gmail.com

POLITICAL ECONOMY OF SANCTIONS: SUBJECT AND METHOD

It is quite wrong to consolidate the phenomenon of sanctions to the concept of fines or penalties because their scope wasn't clear at the beginning of the introduction, it is not clear now, although the assessment of the damage to the Russian economy is measured with huge volumes, but the scope is not visible in the future as well. Big is seen at a distance. So that's the approach we propose to use for understanding the sanctions. Sanctions is not just a political instrument of pressure on the independent position of Russia, it is a comprehensive, systematic, planned impact on rival spheres of influence. There is a difference between sanctions and penalties and similar categories by the force impact, as they have a supranational nature. The paper attempts to reveal the change in economic relations between the countries participating in sanctions war.

Keywords: *sanctions, the system of economic relations, restraining mechanisms, sanctions war.*

JEL: E02, E61, F51, F62.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

А.О. ШАБАЛИН

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО И КОРПОРАТИВНОГО ДОЛГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ¹

В 2010–2014 гг. в России наблюдался рост государственного и корпоративного долга. При сохранении современных тенденций совокупный национальный долг России в 2020 г. превысит 200% ВВП. В статье анализируются угрозы экономике, возникающие в связи с ростом долгового бремени, и предлагаются меры по его снижению.

Ключевые слова: *внешний и внутренний государственный долг, внешний и внутренний корпоративный долг, корпоративные займы, снижение долгового бремени, рынок ценных бумаг, облигации, инвестиционные займы.*

JEL: G300, G380, H600, H630, H690.

В 2014 г. совокупный государственный и корпоративный долг России вырос с 97% ВВП (на начало года) до 112% ВВП на конец года. Рост беспрецедентный. Наиболее серьезными изменениями в области совокупного долга, влияющими на экономику в целом, являются рассматриваемые ниже процессы.

Оценка динамики государственного долга

Внешний государственный долг достиг максимального значения на начало октября 2013 г. – 80,2 млрд долл. С IV квартала 2013 г. началось снижение внешнего госдолга. К 01.10.2014 г. внешний госдолг сократился до 64,0 млрд долл. (см. табл. 1). Из приведенных данных следует, что в стране начиная с последнего квартала 2013 г., т.е. задолго до введения санкций против России, сложилась ярко выраженная тенденция к снижению внешнего госдолга.

¹ Данная работа является продолжением тематики статьи «Бюджет России 2015–2017 гг. – бюджет торможения структурной перестройки экономики», опубликованной в журнале «Вестник Института экономики РАН» в №1 за 2015 г. [1, с. 65–80], и глубже раскрывает проблему государственного и корпоративного долга.

Таблица 1

Динамика внешнего госдолга РФ в 2013–2014 гг. (млн долл.)

	01.01. 2013	01.04. 2013	01.07. 2013	01.10. 2013	01.01. 2014	01.04. 2014	01.07. 2014	01.10. 2014
1. Органы государственного управления	54 403	57 472	55 927	62 672	61 738	53 629	57 128	48313
1.1. Федеральные органы управления	53 462	56 527	55 059	61 865	60 957	52 857	56 446	47681
1.1.1. Кредиты	2 348	2 129	1 994	1 810	1 723	1 532	1 915	1777
1.1.2. Ценные бумаги в иностранной валюте	24 661	23 894	23 607	28 876	27 821	24 736	23 367	20104
1.1.3. Ценные бумаги в российских рублях	24 018	28 028	27 074	28 764	29 023	24 214	29 355	24096
1.1.4. Прочая задолженность	2436	2476	2384	2413	2389	2376	1809	1704
1.2. Субъекты Российской Федерации	941	945	867	808	781	771	682	632
2. Центральный банк	15 639	19 545	18 968	17 562	15 963	15 335	16 040	15697
2.1. Кредиты (прямое РЕПО)	2 986	6 951	5 962	3 848	1 827	1 742	2 349	3510
2.2. Наличная национальная валюта и депозиты	3 935	4 090	4 475	5 012	5 400	4 825	4 922	3778
2.3. Прочая задолженность (распределение СДР)	8 718	8 504	8 531	8 702	8 736	8 768	8 769	8410
3. Всего	70 042	77 017	74 895	80 234	77 701	68 964	73 168	64 010

Источник: рассчитано автором по данным сайта ЦБ России. cbr.ru/statistics.

Эта тенденция является одним из проявлений стагнации экономики. В то же время на снижение внешнего госдолга в 2014 г. стали оказывать влияние и санкции западных стран против России. Наиболее остро на санкции отреагировали нерезиденты – держатели ОФЗ. В I–III кварталах 2014 г. их совокупный портфель ОФЗ уменьшился на 4,9 млрд долл.

В законе «О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.» предусматривается продолжить практику внешних заимствований. В результате новых кредитов и займов объем внешнего госдолга составит: на 1 января 2016 г. – 64,0 млрд долл.; на 1 января 2017 г. – 71,5 млрд долл.; на 1 января 2018 г. – 77,0 млрд долл.

Потребности органов государственного управления в иностранной валюте невелики. За 2015–2017 гг. прирост внешнего госдолга составит от 5,5 до 7,5 млрд долл. в год. Такие потребности в валюте, даже в условиях действия жестких санкций против России, легко могут быть удовлетворены частично за счет заимствований на восточных рынках (в Гонконге, Сингапуре, Шанхае, арабских странах и т.д.), частично (возможно и полностью) за счет золотовалютных резервов.

В то же время в период 2013–2014 гг. усилилась угроза сбоев в бюджетном процессе в связи с ростом *внутреннего государственного долга*. Перед кризисом в 2008г. внутренний госдолг составлял 1,8 трлн руб. В начале 2015 г. он возрос почти до 7 трлн руб.

В соответствии с Законом о федеральном бюджете на 2015–2017 гг. объем внутреннего госдолга должен составить: на 01.01.2016 г. 7,2 трлн руб.; на 01.01.2017 г. – 7,7 трлн руб.; на 01.01.2018 г. – 8,5 трлн руб. Рост внутреннего госдолга в 2015–2017 гг. будет осуществляться прежде всего за счет гигантских масштабов выпуска государственных ценных бумаг на внутреннем рынке.

Так, Минфин предлагает разместить в 2015–2017 гг. государственных ценных бумаг на внутреннем рынке на сумму 2729,4 млрд руб. Между тем в августе 2014 г. – январе 2015 г. большинство аукционов по размещению госбумаг были отменены.

Связано это, во-первых, со стагнацией экономики. Уже в 2013 г. начались серьезные проблемы с размещением госбумаг. Во-вторых, с экономическими санкциями против России. Нерезиденты распродают российские госбумаги. С 01.01.2014 г. по 01.01.2015 г. нерезиденты сократили свой портфель российских государственных ценных бумаг с 29,0 млрд долл. до 16,1 млрд долл.

Нерезиденты также отказались от участия в аукционах по размещению госбумаг. Это повлияло на поведение российских инвесторов, резко сокративших заявки на приобретение ОФЗ. В феврале – марте 2015 г. Минфину удалось, наконец, провести ряд аукционов по размещению госбумаг. Однако если в начале 2014 г. ОФЗ размещались под 7–7,5% годовых, то в начале 2015 г. они размещаются под 10–12% годовых. Возможен и дальнейший рост аукционных ставок. Это ведет к росту затрат на обслуживание внутреннего госдолга. При таких процентных ставках доля расходов на погашение, обслуживание государственного долга и на исполнение государственных гарантий в общих расходах федерального бюджета составит в 2015 г. не 8,8%, а около 10%.

Масштабы и структура корпоративного долга

Внешний корпоративный долг

На начало 2013 г. внешний корпоративный долг составлял 566,4 млрд долл. К середине 2013 г он вырос на 66,4 млрд долл. и достиг 632,8 млрд долл. За вторую половину 2013 г. долг вырос всего на 18,4 млрд. долл. и составил 651,2 млрд долл. К 1.10.2014 г. долг снизился до 614,4 млрд долл. (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика внешнего корпоративного долга в 2013–2014 гг., млн долл.

	01.01. 2013	01.04. 2013	01.07. 2013	01.10. 2013	01.01. 2014	01.04. 2014	01.07. 2014	01.10. 2014
Банки	201 567	205 864	211 923	207 084	214 394	214 022	208 905	192 026
Прочие секторы	364 803	408 783	420 939	428 935	436 764	432 834	449 102	422 398
Всего внешний корпоратив- ный долг	566 370	614 647	632 862	636 019	651 158	646 856	658 007	614 424

Источник: рассчитано автором по данным сайта ЦБ России cbr.ru/statistics.

Анализ данных, приведенных в табл. 2, показывает, что в условиях стагнации экономики страны в 2013 г. сформировалась тенденция к снижению темпов роста внешнего корпоративного долга. С введением в 2014 г. санкций против России долг стал сокращаться.

Насколько опасна сложившаяся тенденция для экономики страны? Безусловно, ограничение доступа к внешним кредитам и займам негативно повлияет на темпы роста экономики. Однако здесь нужно учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, снижение внешних заимствований началось задолго до введения санкций против России. Оно вызвано резким падением темпов роста экономики в 2013–2014 гг. Если темпы роста экономики возрастут, то увеличатся и внешние заимствования. Ведь санкции введены не для всех предприятий и банков России.

Во-вторых, следует учитывать неэффективное использование внешних кредитов и займов. Дело в том, что около 40% прироста внешнего долга банков в 2011–2014 гг. связано не с кредитованием отечественной экономики, а с резким увеличением обслуживания операций нерезидентов [2, с. 83]. Прежде всего это относится к увеличению операций по текущим счетам и депозитам нерезидентов в российских банках. Эти нерезиденты – в основном оффшорные фирмы, принадлежащие российским бизнесменам. Через российские банки деньги уходят в оффшоры и все больше используются там для расчетов между

нерезидентами и хранения их депозитов. Необходимо принимать специальные меры против подобных операций банков. Тогда кредитование экономики страны возрастет.

В-третьих, следует учитывать специфику использования внешних кредитов и займов нефинансовых предприятий. В 2012–2014 гг. значительная часть внешних заимствований использовалась предприятиями для сделок по слиянию и поглощению, а также для покупки непрофильных активов как внутри страны, так и за рубежом. Ограничение подобных операций также приведет к увеличению инвестирования отечественной экономики.

В-четвертых, 20% внешних долгов банков и 27% внешних долгов предприятий номинированы в рублях [3, с. 44–45]. Это кредиты, выданные, зарегистрированными в офшорах дочерними кредитными организациями российских банков. Формально это внешний долг, а по сути, – это долг российским банкам.

Таким образом, если экономика страны перейдет к росту, внешние заимствования предприятиями и банками возобновятся. Проблема внешних заимствований станет проблемой тех субъектов экономики, которые подпали под санкции, в том числе и ряда крупнейших госбанков и госкорпораций.

Возможно ли смягчить эту проблему? За 2011–2013 гг. внешний долг банков возрос на 70,2 млрд долл., из них долг госбанков, подпавших под санкции, составляет 36 млрд долл. Около 40% этого долга приходится на обслуживание операций по текущим счетам и депозитам офшорных компаний. Если средства из этих операций использовать для кредитования экономики, то это даст около 14,5 млрд долл.

Помимо этого, в стране имеются значительные запасы наличной иностранной валюты на руках населения. В 2013г. они выросли на 16,7 млрд долл., за I квартал 2014 г. – почти на 20 млрд долл [4, с. 39]. В настоящее время основная масса валютных депозитов населения в Сбербанке хранится под 1,5%–3,0% годовых. Если поднять ставки по депозитам в госбанках до 4%–6%, то можно привлечь около 40 млрд долл.

Рост депозитов юридических лиц может составить до 15 млрд долл. Вполне вероятно, что на валютные депозиты можно привлечь гораздо большую сумму, чем 55 млрд долл. Ведь только в октябре 2014 г. депозиты населения выросли на 15,6 млрд долл., а депозиты организаций – на 3,3 млрд долл.²

Кроме того, госбанки должны активнее выходить на новые рынки капитала – в Китай, Корею, Индию, арабские страны и т.п. За 2 года вполне реально привлечь до 25 млрд долл. Если они смогут это сде-

² Деловая конъюнктура. //Эксперт. 2014. № 48. С. 102.

лать, то проблема внешнего финансирования госбанков будет в основном будет решена.

Всего за 2 года банки смогут привлечь 95 млрд долл. На обслуживание (выплату процентов по кредитам) и погашение долгов (исключая внешние долги, номинированные в рублях) они за 2 года должны израсходовать 29 млрд долл. Итого, для кредитования экономики можно будет использовать 66 млрд долл.

Что касается подпавших под санкции нефинансовых предприятий, то в течение 2 лет они должны выделить на обслуживание и погашение внешних долгов (исключая внешние долги, номинированные в рублях) 39 млрд долл. За счет продажи непрофильных активов и использования полученных средств для выплаты задолженности объем погашения долга можно сократить до 25 млрд долл. Как следует из наших расчетов, госбанки смогут прокредитовать эти предприятия на 66 млрд долл. Следовательно, предприятия смогут не только погасить долг, но и получить до 41 млрд долл. кредитов.

Новые кредиты госкорпорации могут получить также у финансовых институтов Китая, Сингапура, Гонконга, арабских стран и т.д. Всего за 2 года рассматриваемые предприятия смогли бы получить внешних кредитов на 20 млрд долл. С учетом кредитов госбанков привлечение иностранной валюты составит 61 млрд долл. Это больше, чем смогли получить эти предприятия за 2012–2013 гг. – 36 млрд долл. Если к тому же большую часть кредитов использовать не на финансирование сделок по слиянию, поглощению и покупке непрофильных активов (как в 2012–2013 гг.), а на инвестирование, то проблема привлечения валютных заимствований госкорпорациями будет в значительной мере решена.

Реальная опасность ограничения внешних заимствований создастся в том случае, если действие санкций будет продолжено на 2017 г. и далее. В этом случае действительно существует возможность отсутствия внешнего финансирования и вымывания иностранной валюты из страны.

Казалось бы, сокращение внешнего корпоративного долга должно смягчить проблемы, вызванные его быстрым ростом в предшествующий период. Однако курс доллара за январь – декабрь 2014 г. вырос более чем на 50%, а ВВП – на 0,8%. В результате долг по отношению к ВВП резко увеличился – с 31,6% на конец 2013 г. до почти 43% на начало декабря 2014 г. Это означает, что проблемы, связанные с увеличением роста внешнего корпоративного долга к ВВП, сохраняются. Основными из них являются:

- чрезмерная концентрация внешнего корпоративного долга. К апрелю 2014 г. около 30% долга предприятий перед нерезидентами приходилось всего на 5 заемщиков: «Роснефть», «Газпром», «Транснефть», РЖД, «Татнефть» [5, с. 59]. Таким образом,

- рост внешнего корпоративного долга ведет к огосударствлению и монополизации экономики;
- наличие у иностранных инвесторов корпоративных долговых обязательств на сумму более, чем в 150 млрд долл. Это создает угрозу дестабилизации рынка ценных бумаг и бюджетной системы страны при возникновении кризисных явлений на внешних рынках;
 - чрезмерно высокая концентрация корпоративных еврооблигационных займов. На 15 крупнейших заемщиков приходится 80,9% всего объема корпоративных еврооблигаций. На 7 заемщиков – «Газпром», ВТБ, Сбербанк, Россельхозбанк, Газпромбанк, Вымпелком, ВЭБ – 57,5% [6, с. 18–20; 7, с. 7–9]. Ресурсная база для погашения корпоративных еврооблигационных долгов необычайно низка по сравнению с ресурсной базой для погашения внутреннего корпоративного долга, долга по рублевым облигациям, долга по внешним кредитам. Узость ресурсной базы может привести к тому, что в случае дальнейшей дестабилизации зоны евро и рынка еврооблигаций, крупнейшие российские эмитенты еврооблигаций, во избежание банкротства, будут финансироваться из бюджета;
 - превышение объема внешнего корпоративного долга над объемом золотовалютных резервов. К середине 2014 г. внешний корпоративный долг превысил золотовалютные резервы более чем на 180 млрд долл. Совокупный внешний долг государства и корпораций превысил золотовалютные резервы более чем на 240 млрд долл.³ Это означает, что в случае возникновения кризиса большая часть внешнего корпоративного долга будет финансироваться из бюджета;
 - усиление сырьевой направленности развития экономики. Доступ к крупным кредитам у нерезидентов имеют прежде всего корпорации реального сектора, добывающие и транспортирующие углеводороды, сырье для химической промышленности, руды черных и цветных металлов. В настоящее время на них приходится свыше 70% внешнего долга предприятий⁴. Банки же, получая валютные кредиты, используют их в первую очередь, для кредитования предприятий, занимающихся добычей и транспортировкой тех же самых углеводородов и металлических руд.

Внутренний корпоративный долг

В условиях ограничения доступа к внешнему финансированию увеличивается и напряженность на рынке внутреннего корпоративного долга. Это связано с тем, что внутренние заимствования в опреде-

³ Рассчитано по данным сайта Банка России в Интернете.

⁴ Данные сайта Банка России в Интернете.

ленной мере должны заместить внешнее финансирование. На начало июля 2014 г. задолженность по внутренним корпоративным кредитам и займам превысила 55,5% ВВП.⁵ Основная масса корпоративной задолженности приходится на кредиты. Объем кредитов в 2002–2014 гг. вырос почти в 20 раз.

Быстро увеличивается и объем рынка корпоративных облигаций. В 2000 г. емкость корпоративных облигаций в обращении составила сумму 39 млрд руб. Вплоть до 2006 г. объем корпоративных облигаций ежегодно почти удваивался и к началу третьего квартала 2008 г. достиг почти 2,5 трлн руб. [8, с. 53].

В октябре 2008 г. – феврале 2009 г. рынок корпоративных облигаций находился в состоянии стагнации. С весны 2009 г. он начал быстро оживать. К началу сентября 2014 г. объем корпоративных облигаций в обращении достиг 5,6 трлн руб.⁶

Быстрое развитие внутреннего долгового рынка привело к возникновению угроз экономической безопасности бюджетной системе. Главные из них следующие:

- резкий рост внутреннего корпоративного долга в условиях стагнации экономики. Это является следствием неэффективного использования кредитов, которые вместо финансирования экономики используются на покупку непрофильных предприятий, средств массовой информации, спортивных клубов и т.п. в России и за рубежом. В начале 2014 г. ситуация еще более обострилась. В условиях резкого изменения паритета между долларом и рублем предприятия стали брать рублевые кредиты и закупать на них иностранную валюту. Валюта, вместо использования ее для покупки машин, оборудования и т.п., резервируется, в частности, помещается на депозиты. Это еще больше усилило неэффективность использования кредитов. В результате за первое полугодие 2014 г. внутренний корпоративный долг по отношению к ВВП вырос на 11%. Такого не было за весь постдефолтовый период;
- рост плохих долгов. В настоящее время объем просроченной задолженности по кредитам составляет более 1 трлн руб. По кредитам нефинансовым организациям доля просроченной задолженности в общем объеме выданных кредитов превысила 3%. Особенно острое положение сложилось среди 14 крупнейших частных коммерческих банков, занимающих по размеру активов 6–20 места среди всех банков страны. Просроченная задолженность этим банкам достигла почти 6%. Фактически это свидетель-

⁵ Рассчитано по данным сайта Банка России в Интернете.

⁶ Данные сайта Банка России в Интернете.

ствуется о том, что указанные банки находятся в предкризисном состоянии. Уже сейчас этим банкам необходима поддержка со стороны Центрального банка;

- проблема плохих долгов характерна и для рынка корпоративных облигаций. За период с середины 2010 г. по начало июля 2014 г. произошло 245 случаев невыплаты процентов по облигациям, отказа эмитентов от погашения облигаций в срок, неисполнению оферт (предусмотренных в проспекте эмиссии облигаций возможности их досрочного погашения). Это привело к неисполнению обязательств на сумму 107,2 млрд руб.⁷. Учитывая, что крупнейшими заемщиками являются государственные корпорации и госбанки, для финансовой помощи им, в случае дальнейшей дестабилизации рынка облигаций, в недалекой перспективе возможно придется выделять средства из бюджета;
- стремительный рост государственных гарантий по корпоративным кредитам и займам. До определенного момента величина гарантий была невелика. На начало 2009 г. она составляла 72,5 млрд руб. В период кризиса объем государственных гарантий вырос в 3,5 раза – до 251,4 млрд руб. В посткризисный период объем государственных гарантий продолжал расти огромными темпами. К середине 2014 г. он достиг 1,3 трлн руб.⁸. По бюджетным проекциям на 2015–2017 гг. предусматривается дальнейший рост государственных гарантий. Однако в кризисной ситуации предприятия и банки, взявшие кредиты под гарантии государства, будут иметь трудности с погашением этих кредитов. В этом случае расходы на погашение данных кредитов будут браться из федерального бюджета. Следовательно, резкий рост государственных гарантий привел к возникновению еще одной угрозы для стабильного функционирования бюджетного процесса.

В целом рынок внутреннего корпоративного долга продолжает оставаться неустойчивым. Это еще больше дестабилизирует весь долговой рынок.

Особо следует обратить внимание на быстрый рост всего совокупного государственного и корпоративного долга. В соответствии с законом «О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.» внешний и внутренний государственный долг, с учетом долга Банка России, составит в 2017 г. около 14% ВВП. Корпоративный внутренний долг, учитывая начавшийся в посткризисный период рост корпоративных кредитов и займов, составит в 2017 г. 75% ВВП. Корпоративный долг нерезидентам составит в 2017 г. (при-

⁷ <http://www.rusbonds.ru/mstcorp.asp>.

⁸ Данные сайта Министерства финансов РФ в Интернете.

нимая во внимание тенденции 2010–2014 гг.) 60% ВВП. Весь совокупный государственный и корпоративный долг по отношению к ВВП достигнет в 2017 г. 150% ВВП. А к 2020 г. он вплотную приблизится к 200% ВВП.

Пути снижения долгового бремени

Для снижения долгового бремени в условиях ограничения доступа к внешним заимствованиям и резкого снижения внутренних заимствований в результате дестабилизации рынка госбумаг, необходимо вернуться к мерам, широко применявшимся в 1990-е годы и в 2009–2010 гг.

Во-первых, необходимо возобновить нерыночные продажи ОФЗ Центральному банку. В современной экономической ситуации в 2015–2017 гг. Банк России должен покупать ОФЗ на 25–30 млрд долл. ежегодно. При улучшении экономической ситуации объемы покупок должны быть резко сокращены.

Банк России должен покупать ОФЗ под 6,0–6,5% годовых на срок от 5 до 20 лет. Деньги, полученные от продажи ОФЗ, должны поступать на счета казначейства, но не храниться там до конца года, а выдаваться в виде депозитов госбанкам. Это позволит увеличить ресурсы госбанков.

Во-вторых, нужно возобновить выпуск ценных бумаг нерыночных займов. Эти ценные бумаги находятся у их владельцев до момента погашения. Они не могут быть проданы на свободном рынке, но могут быть предметом залога. В странах с развитой рыночной экономикой стабильные ценные бумаги нерыночных займов являются важной частью государственных ценных бумаг. Так, в США на нерыночный долг приходилось почти треть всего госдолга. Облигации нерыночных займов должны выпускаться прежде всего для госбанков, государственного пенсионного фонда и местных бюджетов.

Немаловажную роль в снижении темпов роста внешнего долга может сыграть выпуск облигаций инвестиционных займов. Эти займы, выпускаемые государством, имеют важное значение для экономики. Их главная цель – финансирование государственных инвестиционных программ, в которых участвуют как госкорпорации, так и частные предприятия. В России за счет доходов от инвестиционных займов необходимо финансировать строительство высокоскоростных железнодорожных магистралей, автострад федерального значения, государственных элеваторов, зерноскладов, жилья для военнослужащих и т.п. Облигации инвестиционных займов, наряду с инфраструктурными облигациями (выпускаемыми специализированными проектными организациями), могут стать важным источником финансирования объектов инфраструктуры. В приобретении облигаций

инвестиционных займов будут заинтересованы не только банки, но и потенциальные пользователи объектами инфраструктуры – промышленные, транспортные, торговые предприятия, субъекты Федерации, муниципальные образования.

Важной особенностью выпуска облигаций инвестиционных займов должно быть установление их двусторонней котировки. Облигации должны котироваться не только на рынке. Минфин (или его представитель) обязан устанавливать свои котировки, которые должны меняться в соответствии с рыночными котировками, но быть несколько ниже их. За 2 недели до назначенного срока (один или два раза в год) Министерство финансов должно через средства массовой информации, объявлять эти котировки. В течение установленной министерством недели любой владелец облигации имеет право продать ее через отделение Сбербанка (или другие органы) государству. Причем с момента объявления цены сберегательных облигаций в средствах массовой информации она не должна меняться.

Существенным источником кредитования коммерческих банков, позволяющим снизить их зависимость от внешних заимствований, могут стать кредиты Центрального банка. Среднесрочные кредиты должны выдаваться под залог ОФЗ и корпоративных облигаций, входящих в ломбардный список. Однако важнейшим препятствием для этого является узость залоговой базы – подавляющая часть ОФЗ находится в руках ВЭБа, Сбербанка, нерезидентов и самого Центрального банка.

Расширить залоговую базу для рефинансирования поможет увеличение ломбардного списка Банка России. Сейчас в этот список включаются бумаги эмитентов, имеющих рейтинг международных рейтинговых агентств. Однако международные рейтинги присваиваются для оценки возможности внешних кредитов и займов. Они не могут служить единственным критерием для оценки кредитоспособности на внутреннем рынке.

Присваивать рейтинги облигациям российских эмитентов должно рейтинговое агентство, созданное при непосредственном участии Минфина, а также уже существующие негосударственные рейтинговые агентства. Сейчас эти агентства имеют неопределенный статус. Необходимо принять нормативные акты, четко регламентирующие права и обязанности негосударственных рейтинговых агентств. В этом случае Банк России обязан включать корпоративные облигации, имеющие определенный рейтинг, в ломбардный список. Это поможет существенно увеличить количество ценных бумаг, принимаемых в залог Центробанком.

Необходимо обратить пристальное внимание на чрезвычайно быстрый рост внутреннего госдолга. Объем государственных заимствований на внутреннем рынке в посткризисный период постоянно рас-

тет. Массовый выпуск госбумаг подрывает финансовые ресурсы для развития реального сектора.

Первостепенную роль в улучшении структуры рынка госбумаг играет восстановление рынка сберегательных ценных бумаг. Население во многих странах активно участвует в операциях с ценными бумагами – купле, продаже, игре на курсовой цене. В России еще с дореволюционного периода сложился особый рынок ценных бумаг для населения – рынок сберегательных облигаций. Эти ценные бумаги не предназначены для активных операций на биржах и во внебиржевых структурах. Их главное предназначение – сохранять сбережения граждан. Население России предпочитает вкладывать свободные денежные средства не в игровые финансовые инструменты, дающие возможность получить высокие дивиденды и заработать на росте котировок ценных бумаг, а в сберегательные бумаги. Об этом, в частности, свидетельствуют вложения в облигации государственного сберегательного займа. В докризисный период их объем составлял 2,5–3,5 млрд долл. в среднегодовом исчислении [9, с. 352]. Это столько же, сколько вкладывают в подобные ценные бумаги граждане США, при том, что емкость рынка ценных бумаг США в указанные годы примерно в 400 раз превышала емкость российского рынка.

Учитывая все вышесказанное, целесообразно внести следующие изменения в закон о федеральном бюджете на 2015–2017 гг.

На 2015 г.

1. Размещение ОФЗ ограничить объемом погашения госбумаг в 2015 г. – 879,7 млрд руб., т.е. эмиссию госбумаг сократить на 396,6 млрд руб.

2. Обеспечить объем чистых заимствований (объем выпуска за вычетом объема погашения) государственных сберегательных облигаций на сумму 200,0 млрд руб.

На 2016 г.

1. Размещение ОФЗ ограничить объемом погашения госбумаг в 2016 г. – 565,8 млрд руб., т.е. эмиссию госбумаг сократить на 522,1 млрд руб.

2. Обеспечить объем чистых заимствований государственных сберегательных облигаций (ГСО) на сумму 250 млрд руб.

На 2017 год.

1. Размещение ОФЗ ограничить объемом погашения госбумаг в 2017 г. – 524,7 млрд руб., т.е. эмиссию госбумаг сократить на 701,0 млрд руб.

2. Обеспечить объем чистых заимствований государственных сберегательных облигаций на сумму 300,0 млрд руб.

Чистые заимствования от выпуска ГСО, полученные в 2015–2017 гг., направить на погашение дефицита федерального бюджета, а в случае

его отсутствия – на финансирование государственных инвестиционных программ.

Это позволит сократить темпы роста госдолга, а также диверсифицировать внутренний госдолг в сторону увеличения доли наиболее стабильных бумаг – сбероблигаций. При этом эмиссия госбумаг будет в гораздо меньшей степени рассчитана на инвестиционные ресурсы реального сектора. Это произойдет как за счет уменьшения выпуска госбумаг, так и за счет привлечения к вложению в сбероблигации главного источника свободных финансовых ресурсов – наличной СКВ на руках населения.

Рассматривая проблемы снижения долгового бремени, необходимо обратить внимание на политику Минфина. В последнее время Министерство финансов усиленно проводит курс на привлечение на рынок долговых обязательств средств нерезидентов – за последний год объем их операций с государственными облигациями возрос примерно в 3,5 раза. При этом российские долговые бумаги покупают не только частные инвесторы-нерезиденты, но и иностранные государственные институты. Так в конце 2012–начале 2013 г. государственный пенсионный фонд Норвегии купил российские гособлигации на сумму почти 3 млрд долл. [10, с. 33–34].

В определенной мере это вызвано объективными обстоятельствами. В условиях быстрого роста рынка госбумаг недопустимо положение, когда на многих аукционах по их размещению большую часть облигаций приобретает только Сбербанк.

Поэтому в условиях, когда расширение участников рынка госбумаг за счет российских банков (в силу недостаточности их ресурсов) идет крайне слабо, необходимо привлечь на рынок средства нерезидентов. Практически во всех странах с развитым фондовым рынком нерезиденты являются важными участниками операций с ценными бумагами. Нерезиденты вкладывают финансовые инвестиции в экономику страны, приносят новые технологии операций с ценными бумагами. Но, пожалуй, главная их функция состоит в том, что они являются участниками международного перелива капиталов. Поэтому в перспективе роль нерезидентов на российском рынке ценных бумаг будет возрастать.

Допуская нерезидентов на российский рынок, необходимо, во-первых, стимулировать их вложения в реальный сектор. При этом важно, чтобы иностранные инвесторы создавали не только собственные предприятия, но и совместные предприятия с государством и российскими предпринимателями. Во-вторых, нужно стимулировать покупку нерезидентами долгосрочных корпоративных облигаций, выпускаемых предприятиями реального сектора. В то же время необходимо ограничивать спекулятивные инвестиции нерезидентов, направляемые на фондовый рынок.

Принимая во внимание данное обстоятельство, Банку России необходимо разработать новые механизмы привлечения средств нерезидентов на российский фондовый рынок. Их основой должно стать:

- разрешение нерезидентам приобретать российские ценные бумаги по рыночной цене. Это даст возможность иностранным инвесторам получать превышающие (в ближайшей перспективе на 10–20%) доходы от вложений в ценные бумаги развитых стран;
- гарантирование государством безусловного погашения нерезидентам имеющихся у них федеральных долговых обязательств. В случае возникновения кризиса Центральный банк РФ погашает федеральные облигации нерезидентов вплоть до использования эмиссионных источников;
- введение досрочного выкупа государственных и корпоративных ценных бумаг. Эмитент обязывается один раз в год выкупать ценные бумаги у нерезидентов по их номинальной цене, с учетом дисконта.

В связи с необходимостью привлечения средств нерезидентов на рынок внутреннего госдолга следует разработать комплекс мер по регулированию операций нерезидентов с российскими ценными бумагами, включающий:

- установление лимитов вложений нерезидентов в российские ценные бумаги, в % к емкости рынка. Уроки кризиса 2009 г. показывают, что эти лимиты должны находиться в пределах 10–20% от емкости рынка государственных облигаций;
- варьирование размерами короткой позиции нерезидентов по деньгам (величина заемных средств, вложенных в ценные бумаги) и по бумагам (стоимость взятых в заем ценных бумаг);
- варьирование размерами фьючерсных контрактов, заключаемых в целях хеджирования валютных рисков при вложении денежных средств нерезидентов в российские ценные бумаги (в пределах от 100% до 0% от объема средств, вложенных в ценные бумаги);
- запрещение биржевым посредникам выполнять заказы нерезидентов в случае их игры на понижение котировок ценных бумаг, а также на продажу крупных партий ценных бумаг в период кризисов;
- установление срока (3–4 месяца), в течение которого нерезиденты не могут вывести за границу средства, полученные от продажи российских государственных и корпоративных облигаций в короткие сроки (до 6 месяцев со дня покупки);
- снижение доходов по государственным и корпоративным долговым обязательствам (в момент их конвертации в СКВ) в том случае, если нерезиденты продают их через 1–2 месяца после покупки и не вкладывают полученные от продажи деньги в другие национальные финансовые инструменты.

Предлагаемые меры позволят обеспечить финансирование дефицита федерального бюджета, компенсировать ограничения внешнего финансирования госбанков и государственных корпораций, повысить ликвидность банков, стабилизировать рынок ценных бумаг, что создаст необходимые условия для роста российской экономики.

Литература

1. Сенчагов В.К., Губин Б.В., Павлов В.И., Караваева И.В., Иванов Е.А. Бюджет России 2015–2017 гг. – бюджет торможения структурной перестройки экономики // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1.
2. Шабалин А.О. Внешний долг российских банков: тенденции и структура // Вестник Института экономики РАН. 2014. № 3.
3. Шабалин А.О. Динамика и структура совокупного национального долга // Экономист. 2014. № 2.
4. Журавлев С. Где финиш рублевой гонки? // Эксперт. 2014. № 39.
5. Шабалин А.О. Масштабы и структура корпоративного долга России // Экономическая наука современной России. 2014. № 2 (65).
6. Матовников М. Удивительно прозрачная юрисдикция // Эксперт. 2013. № 35.
7. Шабалин А.О. Динамика внешнего долга банков в современной России // Банковские услуги. 2014. № 2.
8. Шабалин А.О. Динамика и масштабы государственного, корпоративного и частного долга в современной России // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 3.
9. Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005.
10. Шабалин А.О. Масштабы и динамика внешнего корпоративного долга // Экономист. 2013. № 4.

A.O. SHABALIN

doctor habilitatus in economics, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
38037@starnet.ru

DYNAMICS OF RUSSIA'S PUBLIC AND CORPORATE DEBT IN THE CONDITION OF ECONOMIC SANCTIONS

During the period of 2010–2013 the corporations and the public debts resumed rapid growth. At preservation of current trends the cumulative national debt of Russia in 2020 will exceed 200% of GDP. This paper analyzes the threat to the economy arising from the increasing debt burden and suggests mitigation measures.

Keywords: *national debt, corporate debt, government borrowing.*

JEL: G300, G380, H600, H630, H690.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
зав. сектором Института экономики РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматриваются проблемы организации процесса экономического роста в мировой экономической системе, а также реализации стратегий догоняющего и опережающего развития для отстающих в развитии стран. Автор приводит простую модель экономического роста системы и показывает основные факторы, которые являются детерминантами стратегии развития. Особенно важными условиями технологического развития и его траектории становятся обеспеченность ресурсами, эффективность институтов и сложившейся экономической структуры, технологичность экономики. Дается обоснование стратегии опережающего развития, адекватной России, учитываются глобальные, в том числе структурные, изменения, технологические режимы (траектории) развития, проводится анализ результатов экономического роста с 1961 по 2012 гг. включительно.

Ключевые слова: глобальные изменения, стратегия опережающего развития, экономический рост, структурные изменения, технологические изменения.

JEL: O10, O20.

1. Современные глобальные изменения и их основные тенденции

Глобальные изменения, охватившие мировую хозяйственную систему и ее отдельные элементы (регионы), вызваны небывалыми ранее в истории человечества успехами в области технологического развития, расширением возможностей самого человека и проектируемых им социальных структур (институтов). Эти изменения в основном характеризуются повышением скорости многих процессов, происходящих в общественной системе. Если ранее скорость совершенствования продукта (производства) была существенно выше скорости появления новых научных достижений, видов техники и информа-

ции, функционирования финансовых активов, то затем ситуация изменилась так, что скорость изменений в науке и технике стала обгонять скорость изменений в производстве и продукте, а в последние 20 лет самой высокой стала скорость изменений информации и финансовой сферы. Глобализация, охватившая социо-культурное развитие народов мира, технологическое и демографическое развитие, стала возможной именно благодаря научно-техническому прогрессу и резкому увеличению роли знаний и информации в современном обществе. Это сказалось на скорости развития различных экономических систем. Возникли секторы с возрастающей отдачей, темп роста населения в бедных странах затормозился, темп роста доходов увеличился, отставание стало несколько сокращаться, хотя и продолжает оставаться катастрофическим по величине. Нарушились установленные ранее экономической наукой закономерности, считавшиеся до недавнего времени верными. Так, темп экономического роста определяется темпом технологического прогресса, но он уже не так сильно, как ранее, определяется темпом роста населения. Более того, рост мирового населения замедляется, что действует в сторону увеличения дохода на душу населения и повышает требования к институтам, ответственным за распределение созданного продукта. Получение конкурентных преимуществ для фирм и государств все более зависит от скорости принятия решений, времени реализации необходимых действий, т.е. по существу сейчас время становится самым ограниченным ресурсом. Затраты на борьбу с загрязнениями уже не могут вычитаться из создаваемого продукта и рассматриваться как фактор торможения экономического роста (когда ряд исследователей рисует умозрительные «модельные» графики с двумя линиями роста – с учетом и без учета затрат на «экологическую чистоту», причем рост во втором случае оказывается по их моделям выше). Это, по сути, проблема учета в ВВП различных благ, таких как «экологическая чистота», затраты на «изготовление» которых должны быть отражены при повышении динамики роста, поскольку экологические цели требуют особых средств производства, технологий и являются результатом научно-технического прогресса в не меньшей степени, чем иные технологии. Аккумуляция «экологического дохода» означает накопление национального богатства, что влияет на общую эффективность экономической системы [3].

Стратегии развития разных стран в условиях обозначенных глобальных изменений, которые тем не менее не снимают остроты экологических проблем, бедности и расслоения, крушения многих институтов международного права и миропорядка (возникновение режима управляемых экспортируемых войн, включая войны экономические), отличаются по форме и содержанию. Исходный уровень развития,

доступ к знаниям и технологиям, состояние базовых институтов, демографические и природно-климатические условия определяют возможности выбора стратегии развития.

Глобальные изменения сопровождаются политическим и экономическим доминированием одних стран и центром мировой системы над другими странами. В экономической науке это издавна называется отношением центр-периферия. Режим структурной и технологической зависимости, возникший по причине историко-технологического отставания и социо-культурной специфики, определяет стратегические возможности этих стран. Стратегия лидерства (пионерная стратегия) – это форма развития, когда страна представляет собой законодателя моды в области науки и технологий, социального стандарта потребления. При этом данное лидерство может быть основано на особом режиме функционирования центр-периферия и на перенесении издержек развития (включая экологические издержки) на другие страны и континенты. Это лидерство оформлено соответствующими институтами и имеет исторические корни. Страны, в том числе сателлиты по отношению к лидеру или группе лидеров, реализующие стратегии догоняющего развития, бывают по большому счету двух типов. Первый тип – страны «второго эшелона», осваивающие технологические достижения и институты, созданные в странах-лидерах (пионерах), демонстрирующие довольно высокий социальный стандарт жизни населения, занимающие вспомогательную нишу относительно лидеров, осуществляющие доводку основных технико-технологических решений и приложений знаний, рождаемых в странах-пионерах. В них может быть развитый государственный сектор, осуществляющий государственные инвестиции, эти страны сохраняют в целом контроль над своим внутренним рынком. Второй тип – страны третьего эшелона, стратегия развития которых полностью подчинена целям стран-пионеров, поскольку развитие осуществляется исключительно за счет масштабного заимствования технологий и знаний из стран-лидеров. Бюрократия второго типа стран не является самостоятельной в решениях, государственный сектор может быть различным по величине, но внутренний рынок находится под контролем иностранных транснациональных компаний (в производственной («несырьевой») деятельности страна обычно не имеет компаний транснационального уровня).

Глобальные изменения были подготовлены всей историей XX в., который характеризовался, согласно С. Кузнецу, увеличением темпа прироста производства на душу населения, прироста производительности, структурных изменений, а также качественными сдвигами в структуре экономики в пользу сектора услуг. Особую роль приобрел сектор высоких технологий, создавший эффект «технологической

гонки». Средний темп экономического роста увеличился с 1 до 3%. При этом на долю наиболее развитых стран (пионеров) приходилось около половины мирового продукта и две трети оборота мировой торговли. На сегодняшний день данные цифры сохраняют свое значение и являются еще более рельефными показателями роли стран-лидеров. Однако важнейшим качественным изменением явилось выдвижение в лидеры по темпу экономического роста Китая, Индии и стран БРИКС. Нужно отметить, что такое их выдвижение ранее, к концу 1980-х годов, еще не прогнозировалось. В XX в. три четверти населения Земли были отстранены от благ, которые дает экономический рост, даже несмотря на рост в среднем с 2 до 5–6% скорости увеличения производства.

Как бы ни определять ход глобализации, данный процесс зависит от фундаментальных сдвигов в структуре мировой экономики и распределения технологий. Структурные изменения охватывают следующие направления экономической системы:

- продукты и услуги, технико-экономические характеристики, формы сервиса и обслуживания;
- глобализацию (как явление, целенаправленное управление которым проблематично), предполагающую изменение международных институтов и рынков;
- информационные технологии;
- финансовые рынки;
- рынок труда, продуктов и услуг;
- инфраструктуру, включая транспорт, обмен информацией и международную торговлю;
- макроэкономическую политику и управление (включая транзитивные процессы и реформы в отстающих странах).

Здесь есть ряд серьезных вопросов. Не затормозит ли реформа экономический рост при реализации стратегии догоняющего или опережающего развития? Можно ли ее применять как некий инструмент реализации такой стратегии, и в каком объеме? Видимо, имеются ограничения на масштаб реформ, вытекающие из целей устанавливаемой стратегии. Иногда управление организуется так, что стратегия подчиняется реформе, а не наоборот. Это говорит не только о социально-экономическом, но и об информационном, и даже ментальном отставании в развитии данной страны.

Структурные изменения в мировой экономике характеризуются наличием нескольких разрывов:

1. Между финансовым и «реальным» секторами экономики.
2. Между обрабатывающими и добывающими производствами, а также между традиционной индустриальной экономикой и экономикой, воспроизводящей знания, вклад которых в создание добавленной стоимости резко увеличивается.

3. Между производством и потреблением, между государственным и частным секторами экономики, граница между которыми постепенно становится все более призрачной [3].

В период с 1960 по 2012 гг. население мировой системы увеличилось с 3 до 7 млрд чел., то есть более чем в 2 раза. При этом скорость изменения численности мирового населения увеличивалась с 1961 по 1971 гг. и затем с 1977 по 1989 гг. С 1990 –х гг. по настоящее время скорость изменения численности населения мира несколько снизилась и стабилизировалась примерно на 80 млн чел. в год. Общий тренд изменения скорости демонстрирует ее возрастание, правда, с убывающей силой [4].

Темп прироста численности населения неуклонно снижался с 1961 по 2011 гг. с 2,1% до 1,2%. Темп прироста мирового ВВП всегда был положительным, за исключением 1982, 1998 и 2001 гг., когда он почти равнялся нулю, и 2009 г., когда он стал отрицательным, впервые в послевоенной истории (анализ проводился с 1961 г., но в послевоенные годы наблюдался восстановительный экономический рост) [4]. Скорость абсолютного изменения ВВП неуклонно увеличивалась за данный период, но росла и амплитуда изменения скорости, что говорит об увеличении неравномерности экономического развития мировой экономической системы, что дает о себе знать особенно в настоящий период, который обозначают как глобализацию мировой экономики. То же относится и к динамике жизненного стандарта, который возрос в несколько раз и составляет более 10 тыс. долл. на человека. Скорость его изменения и темп прироста отвечают динамике мирового ВВП. Чем выше темп экономического роста, тем выше ВВП на душу, то есть жизненный стандарт потребления. Такое соотношение сохранялось для мировой системы стабильно. Рост численности населения происходил одновременно с ростом жизненного стандарта, который увеличивался, но скорость этого увеличения постоянно замедлялась. Скорость изменения численности мирового населения никак не влияла на величину жизненного стандарта (ВВП на душу населения). Когда скорость возрастала, жизненный стандарт также увеличивался, потому как рост ВВП существенно опережал рост численности населения. Когда скорость снизилась с 90 млн чел. в год до 79–82 млн чел в год¹, то жизненный стандарт возрастал почти вертикально, не завися от скорости изменения численности населения, которая уже практически не изменялась и ее можно считать постоянной.

Интересна связь мировой инфляции и темпа прироста жизненного стандарта (ВВП на душу населения). При годовой инфляции от 5 до 8% наблюдался наибольший темп прироста жизненного стандарта,

¹ <http://data.worldbank.org/indicator>.

а при инфляции меньше 5% и более 8% был самый низкий темп прироста ВВП на душу. Та же зависимость сохранялась и для темпа роста мирового ВВП и инфляции.

Для каждой экономической системы будет свой график соотношения среднегодового темпа инфляции и темпа экономического роста. Следовательно инфляция выступает некоторым сопровождающим условием экономического развития и политика снижения инфляции ниже некоторых значений, имманентных для данной экономики, может выступить тормозящим фактором развития.

Два или три типа стратегий не исчерпывают весь список возможных действий на траектории развития данной страны. Далее покажем принципиальные условия для стратегии догоняющего развития, а также содержание стратегии опережающего развития, которая не может отождествляться с известными трактовками стратегии догоняющего развития.

2. Догоняющая и опережающая стратегии развития и простейшая модель роста

При всей похожести догоняющая и опережающая стратегии развития экономики являются различными вариантами развития, как по смыслу, так и по системе возможных правительственных мероприятий, охватываемых рамками этих стратегий. Хотя по большому счету стратегия опережающего развития строится исходя из общих условий догоняющего развития. Стратегия догоняющего развития призвана сократить расстояние между рассматриваемыми странами, сохраняя при этом движение отстающей страны по известной траектории [1–3]. Действительно, сегодня имеется ряд исследований, утверждающих, что протекционизм может быть иногда полезен даже в условиях глобальной экономической системы и резкого расширения международной торговли. Догоняющее развитие можно осуществлять, опираясь на собственные силы, если имеются необходимые ресурсы, либо за счет заимствования недостающих технологий и приобретения необходимых ресурсов. В любом случае центральным момент догоняющей траектории является сохранение самой траектории и необходимость повысить темп роста промышленного производства и экономики.

В связи с этим рассмотрим элементарную модель экономического роста. Введя ряд простых обозначений, покажем: ресурс R (I – энергия) превращается в продукт (P), результатом чего являются загрязнения (Y). Географическое распределение ресурса по m – странам представляется вектором $R = \{R_1, R_2, \dots, R_m\}$, $R = \sum R_i$, а продукта по странам $P = \{P_1, P_2, \dots, P_m\}$, $P = \sum P_i$. Загрязнение, при прочих равных, не имеет границ, хотя, конечно, это допущение не совсем корректно, поскольку

загрязнение земельных угодий и даже воды, несмотря на кругооборот веществ, тем не менее от одного географического района к другому имеет свои отличия. Пусть r – природный ресурс на душу населения, g – жизненный стандарт (качество жизни, без учета качества функций) – доход (продукт) на душу населения, $S(t)$ – функция производительности, превращения ресурса в продукт, N – население глобальной системы, обозначение i – для отдельной страны, тогда [3]:

$$r = \frac{R}{N}; \quad g = \frac{P}{N} = \frac{\sum_{i=1}^m P_i}{N}.$$

Реально для одних стран $g_j > g$ (относительно богатые страны), для других $g_i < g$ (относительно бедные страны). Или $P_j/N_j > P/N$ и $P_i/N_i < P/N$. Задача состоит в том, чтобы увеличить g_i для отдельных стран до уровня жизненного стандарта P/N . При этом жизненный стандарт богатых будет всё равно выше, то есть $P_j/N_j > P/N = P_i/N_i$.

Жизненный стандарт можно определить:

$$g = \frac{P}{N} = \frac{R(t)S(t)}{N(t)}; \quad R(t) = r(t)N(t); \quad g = r(t)S(t).$$

Таким образом, он зависит от величины ресурса на душу населения и функции переработки (производительности) этого ресурса. Если ресурсов на душу населения остается все меньше, тогда общий уровень качества жизни можно поддерживать только за счет технико-технологических изменений, увеличивающих функцию $s(t)$. Функция возможностей создания дохода (продукта) для i -ой страны примет вид:

$$P_i = \frac{R_i(t)}{N_i(t)} S_i(t).$$

Функция $S(t)$ сильно зависит от институциональных условий, инвестиций в образование и науку, исходного состояния фондовой базы экономической системы и производственной (технологической) эффективности. Когда существенно увеличивается функция $N(t)$ и сокращается функция $R(t)$, т. е. истощаются ресурсы, то чтобы сохранить $P(t)$, понадобится технологический прорыв. Одновременно рост численности населения может резко увеличить давление функции спроса в экономике, но для системы с широкой ресурсной базой это могло бы стимулировать развитие, включая и технологии, а при ограниченной или сокращающейся ресурсной базе это способствует только угнетенному состоянию системы. Высокий спрос остается без удовлетворения и дестабилизирует систему. Как показывает опыт африканских стран, возникает ситуация нехватки продовольствия и голода [3].

Взяв производную по времени «жизненного стандарта», получим выражение, связывающее скорости изменения g , P , N (соответственно v_{g_i} , v_{P_i} , v_{N_i}) для i -ой страны:

$$g - g_i \rightarrow \min dg/dt = dg_i/dt; \quad v_{g_i} = \frac{1}{N_i(t)} v_{P_i} - \frac{1}{N_i^2(t)} P_i(t) v_{N_i},$$

где: $v_{P_i} = dP_i(t)/dt$, $v_{N_i} = dN_i(t)/dt$.

В точке экстремума мы имеем подобие малой и большой системы, так как изменение произведения ресурсобеспеченности на ресурсную производительность системы по времени для малой и большой системы одинаковы. Если такую задачу сформулировать для всех $i = 1...m$, где m – число стран, то получим многопараметрическую задачу оптимизации, которая при снижении $r(t)$ может быть решена за счет функции $s(t)$, а при $r(t) = 0$ не имеет решения, точнее решение тождественно нулю. Поэтому вид функции $s(t)$ должен быть такой, чтобы эта функция могла противостоять снижению $r(t)$, иными словами, $r(t)$ в общем виде должно зависеть от $s(t)$. Подбор этих функций может осуществляться только эмпирически на основе накопленных данных по мировой экономике и экономикам отдельных стран.

Пусть Q – разведанные, начальные запасы энергетических ресурсов. Пусть скорость истощения равна V_1 и не изменяется, а V_2 – скорость нахождения новых источников (запасов) энергии. Тогда за время T будет истощен запас $Q = V_1 T$. Откуда время, через которое не будет ресурсов равно $T = Q / V_1$. Это в предположении, что число живущих людей N_1 не меняется. Но за это время число живущих людей (N_1) может увеличиться (либо теоретически уменьшиться) – $N_2 = N_1 + V_N T$, где V_N – средняя скорость прироста населения (знак скорости означает увеличение или уменьшение населения). Можно записать выражение для объема ресурса, приходящегося на душу населения ко времени t :

$$r(t) = \frac{Q - V_1 t + V_2 t}{N_1 + V_N t}, \quad \text{или} \quad g(t) = \frac{Q - V_1 t + V_2 t}{N_1 + V_N t} s(t).$$

Следовательно, качество жизни в экономической системе зависит от начального ресурса и величины населения, скорости истощения ресурса и возможностей по открытию и использованию новых ресурсов, либо расширению запасов использования известных ресурсов, и от производительной переработки ресурсов $s(t)$ [3]. Таким образом, возможности реализации догоняющей стратегии развития определяются исходной ресурсобеспеченностью экономики (национальным богатством), величиной технологического уровня, задающей производительность (скорость) переработки ресурсов, институциональными условиями, позволяющими поддерживать такой темп роста, который бы сокращал

отставание от лидеров. При этом важным окажется и система конкуренции, структура экономики, торговые связи, масштаб экономики, уровень образования и здоровья населения и многие иные параметры, включая уровень загрязнения окружающей среды и структурную и технологическую зависимость от экономических систем лидеров.

В любом случае экономический рост должен иметь такой темп, который бы превосходил темп лидирующей экономики, на которую ориентируется данная страна, чтобы сократить свое отставание. Кроме того, при догоняющей стратегии важным моментом является то, как это будет достигаться. Если правительственная политика в рамках имеющейся структуры экономики и национального богатства будет реализовывать догоняющую стратегию, то сама исходная структура и институты будут объективными ограничителями в реализации такой стратегии. Она может завершиться фиаско, поскольку отсталая структура не обеспечит долгосрочного экономического роста. С другой стороны, изменение структуры и качественный рывок в развитии возможны за счет концентрации ресурсов и элементов национального богатства.

При таком рывке рост не сможет быть выше, чем рост страны-лидера, которую желают догнать, ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе. Следовательно нужна такая модель, которая бы предполагала за счет качественных изменений институтов и структуры экономики обеспечение высокого темпа роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе, когда расстояние до лидеров сокращается. Немаловажны и вопросы относительно того, по какому параметру считать, что расстояние сокращается и стратегия догоняющего развития успешна, и не приведет ли реализация такой стратегии в условиях сегодняшних индустриальных институтов к резкому увеличению загрязнений. Если догонять по какому-то одному параметру, то есть вероятность резко ухудшить общее качество по другому параметру, даже несмотря на эффект, связанный с изменением функции $s(t)$, когда технологии позволяют расходовать меньше ресурсов и производить меньше отходов.

Опережающее развитие, как известно, является разновидностью стратегии догоняющего развития. Только оно связано с тем, что страна не идет известной траекторией, чтобы догнать лидера по какому-то параметру, а стремится выбрать параллельную траекторию, новейшие технологии, в которые она начинает инвестировать и которые позволят ей в ближайшем будущем занять новое место в мировой экономике, создать и контролировать новые рынки, обеспечивая за счет этих конкурентных преимуществ, которых не окажется у стран-лидеров, свою нишу и высокий темп роста продукта (дохода), превышающий темп роста экономических передовиков.

Стратегии догоняющего развития сейчас все менее эффективны, несмотря на успешное сокращение разницы в уровне дохода между

богатыми и бедными странами, достигаемого за счет возрастающей отдачи в новых секторах глобальной экономики. Стратегия опережающего развития, вроде бы, оставляет шанс на успех для всех стран и символично связана с возможностью реализации эффекта возрастающей отдачи в масштабах мировой системы. Значительное число технологий и специализация на различных типах технологий разных стран (причем технологий, основанных на полученном новом знании) делают вероятной возможность опережения.

Этому способствовало широкое распространение информации и знаний к 1990–2000 гг., расширение международной торговли на фоне интеграционных процессов в мире и снятия ограничений в торговле, иногда и государственных границ (например, в Европе), что привело к росту уровня образованных людей в мире, особенно в отстающих в развитии странах. Данный факт способствовал повышению темпа экономического роста и замедлению роста населения, что вывело многие беднейшие страны из «демографической ловушки», обеспечило повышение уровня их жизни и темпов роста. Данные процессы породили тенденцию к сокращению разницы в уровне жизни между богатыми и беднейшими странами. Однако ее величина все равно остается очень высокой. Отдельные исследователи отмечают резкое сокращение этого разрыва, хотя пока стоит сохранить некоторый скепсис в этом отношении [2]. Важно то, по каким параметрам оценивается отставание и разрыв. Если изменились условия и по «стереотипным» параметрам этот разрыв начал сокращаться, то он сохраняется по иным параметрам – качеству жизни, политико-культурному влиянию этих стран в мире, информации, стоимости времени (в богатых странах время очень дорого и является дефицитом; бедные страны имеют более низкую оценку этого ресурса) и т.д.

3. Темп роста и технологическое развитие экономики

Темп роста сильно зависит от технологического уровня, изменения занятости, числа образованных занятых, накопленных знаний (результатов НИОКР) и правительственной научно-технической политике, задающей режим технологического развития посредством институтов. При этом нужно отметить, что для мировой экономической системы и для отдельных стран темп экономического роста в наименьшей степени зависел от величины расходов на исследования и разработки (как доля в ВВП). Так, для периода 1996–2009 гг. для мировой системы темп роста изменялся в границах от 1,5 до 4%, а величина расходов на исследования и разработки была от 2 до 2,15%. Для России за тот же период темп роста изменялся от отрицательных значений до положительных, при том довольно высоких, и достигал значений, превышающих 9%,

но доля затрат на исследования и разработки была устойчиво ниже 1%, как при высоком, так и при низком темпе экономического роста. Для США большему экономическому росту соответствует меньшая доля расходов на исследования и разработки, но она в этой стране всегда выше 2,5% ВВП и изменялась от этой величины до 2,9% ВВП.

При меньшем росте, в 1–1,5%, доля затрат на НИОКР была выше. Возможно, это являлось отражением политики правительства, стремящегося интенсифицировать факторы научно-технического прогресса, как базовое условие экономического роста. Интересна Япония, где темп роста за указанный период был невысок, от 0,4 до 2,5%, но затраты на исследования и разработки были стабильно высокие и составляли от 3, до 3,5% ВВП. В противоположность Японии Китай демонстрировал высокий темп экономического роста при в 2 раза меньшей величине расходов на исследования и разработки по доле в ВВП нежели Япония. Темп роста китайской экономики от 7,8 до почти 13% сопровождался расходами от 0,6 до 1,8% ВВП. Причем интересна ветвь точек на графике, когда планомерное увеличение темпа роста связано с увеличением почти в 2 раза расходов на исследования и разработки.

В Германии темп экономического роста такой же скромный, как и в Японии, расходы на исследования и разработки по доле в ВВП несколько ниже, но они были стабильны и составляли около 2,5% вне зависимости от темпа роста.

В Индии темп роста изменялся от 4 до почти 10%, но доля расходов на исследования и разработки была довольно низкой – 0,8% ВВП. В Бразилии темп роста за период 2000–2010 гг. был от 1,2 до почти 7%, но затраты на исследования и разработки составляли стабильно около 1–1,2% ВВП.

Иное дело, что при росте ВВП общая сумма этих затрат увеличивается, даже если доля неизменна. Чем выше темп роста ВВП, тем выше и темп роста этих затрат в абсолютной величине. Кроме того, видимо, результаты НИОКР оказывают большой кумулятивный эффект на темп роста, связанный с тем, что позже, с течением какого-то времени (лагом), они превращаются в инновации и тем самым поддерживают либо, наоборот, замедляют темп роста экономической системы. Конечно, величина затрат даже в 3% ВВП или меньше – это не тот параметр, который может определить текущую динамику общего показателя, в который он входит как составная часть. Интересно судить об изменении тех частей ВВП, которые занимают долю в 15, 20 или 30%. Их изменение внесет определяющий вклад в экономический рост и его темп. Что касается некоторых статей расходов, то они задаются институционально, то есть вводится некий норматив, скажем, не менее 2% ВВП, и правительства стараются его соблюдать.

Конечно, частные расходы осуществляются исходя из иных мотивов. Затраты на исследования и разработки возрастали планомерно во всех без исключения странах, взятых для рассмотрения, и наибольшие по доле в ВВП были в США, Японии, Германии (более 2 и до 3,5% ВВП). Однако в экспорте высоких технологий начиная с 2004 г. и по настоящее время лидирует Китай, почти в 2 раза обогнавший США по этому показателю.

Следовательно складывается уникальная ситуация, когда доля расходов на исследования и разработки в ВВП никак не связана с величиной экспорта высоких технологий и расширяющимся вследствие этого технологическим влиянием данной страны, осуществившей «экспортный рывок» по технологиям в считанные годы. Россия в период экономического роста 1999–2009 гг. увеличила экспорт технологий примерно с 2 до 4 млрд долл., однако эти показатели являются незначительными даже в той группе стран, которые имеют «однопорядковую» величину экспорта технологий в мире (Бразилия – 8 млрд долл., Индия – 12 млрд долл., Испания – 11 млрд долл.)². Для сравнения: Китай экспортирует технологий примерно на 400 млрд долл.

При всей разнице в расходах на исследования и разработки, а также разнице по скоростям развития экономик различных стран, каждая из них имеет свои приоритеты в научно-техническом развитии, что находит отражение в международных патентах, а также в технологической специализации стран. Дальнейший рост расходов связан с реализацией на практике метода развития науки и техники от достигнутого, но если доля расходов в ВВП остается неизменной, а в экономике возникает стагнация или кризис, то часть научных направлений может быть потеряна в результате свертывания или недофинансирования каких-то работ. Исследования в этом случае могут быть отложены до лучших времен.

Таким образом, траектория научно-технического развития многих стран и мировой системы в целом связана, во-первых, с наращиванием величины затрат в структуре ВВП на исследования и разработки, что должно сопровождаться повышением качества научно-исследовательских работ и образования, во-вторых, с расширением экспорта технологий в конкретных технологических нишах, которые сумели занять конкретные государства, и, в-третьих, с трансформацией самих ниш, когда границы их становятся все более расплывчатыми, а число технологических ниш увеличивается.

Для эффективного дальнейшего развития важно установить формы взаимодействия науки, образования и экономики, потому что эти формы определяют динамику появления новых знаний и исполь-

² Безусловно, для космической и ядерной державы подобные цифры смотрятся уничтожающе.

зования их для создания конкретных продуктов и услуг, что и задаст некоторый темп экономического роста. Исследования показали, что сама по себе величина расходов на НИОКР не гарантирует высокого темпа роста и даже на отдельных участках развития совершенно не способствует его увеличению. Для проблемы обеспечения устойчивого и высокого темпа роста куда большее значение имеет структура экономики и институтов, включая организацию технологических цепочек по всем направлениям деятельности. Видимо, величина расходов на НИОКР и создание правила, что она не может быть меньше некоторой величины для экономики, связаны не с необходимостью поддержания определенного темпа роста, а с тем, чтобы обеспечить развитие факторов будущего роста, неустанно поддерживая конкурентоспособность технологий и технического аппарата.

Для того чтобы выстраивать стратегии научно-технического развития отдельных стран, необходимо хотя бы примерно определить по базовым параметрам возможности для реализации какой бы то ни было стратегии.

С этой целью требуется алгоритмизировать анализ и объективно оценить исходное (текущее на момент рассмотрения) состояние экономической системы, приняв в качестве такой оценки, например, уровень трех базовых показателей: 1) ресурсов (включая природный, физический, человеческий капитал); 2) институциональный потенциал (включая базовые институты, социальный строй – траекторию общественного развития, уклад и образ жизни, традиции, религиозную ориентацию и влияние и т.п.)³; 3) научно-технический и технологический потенциал (включая фундаментальную и прикладную науку, технику и техническую политику, а также существующий на данный момент уровень образования и технической оснащенности всех процессов).

Далее составим матрицу, где строки будут означать указанные выше параметры, задающие вектор развития экономической системы и обуславливающие за счет определенной и часто уникальной для каждой страны комбинации этих трех параметров темп ее роста (скорость развития). Обозначив ярко выраженное наличие каждого параметра отдельно для данного субъекта (лидерство в нем) как «развитость» или «высокий уровень» знаком «+»⁴, а отсутствие любого из них как «-», получим довольно упрощенную, но полезную для анализа траекторий развития, включая научно-техническое развитие, матрицу состояния

³ Фактически этот второй пункт определяет траекторию экономического развития, стилистику и качество институтов, отвечающих за функционирование социальной системы.

⁴ Можно обозначить и как 1 (единицу), а отсутствие и слабую развитость как ноль.

субъекта в начальный период. Как видно из таблицы, возникает 8 возможных состояний – стратегий развития системы (столбцы) в зависимости от сочетания (присутствия-отсутствия) базовых параметров.

Таблица

Траектории развития экономической системы

Базовые параметры	1	2	3	4	5	6	7	8
1) ресурсы	+	+	+	+	—	—	—	—
2) институциональный потенциал	+	+	—	—	—	—	+	+
3) научно-технический и технологический потенциал	+	—	—	+	—	+	+	—

Таким образом, возникает восемь (по сочетанию уровней развитости/неразвитости базовых параметров) моделей⁵ развития экономики. Модель 1 – идеальная траектория роста и научно-технического развития, когда все три параметра имеют высокий уровень, причем усиливают друг друга (примером является экономика США; с течением времени, вероятно, станет китайская экономика). Модель 2 – экспортирующие нефть страны ближнего Востока, которые, не обладая собственными научно-техническими достижениями, за ресурсы покупают научно-техническую продукцию (для этих стран институциональный потенциал не является низким – они имеют свое общественное устройство, опирающееся на традиции и религию). Модель 3 – развивающиеся страны, где кроме ресурсов пока ничего не развито и низок институциональный потенциал развития. Модель 4 – самодостаточные по ресурсам и уровню научно-технического развития страны, но с переходными и неустойчивыми режимами, либо с неотлаженной институциональной системой (транзитивные страны, например, Россия, отдельные страны СНГ, Восточной Европы). Модель 5 представляет собой худший эталон, в противоположность модели 1 (условно за эту модель можно принять какую-либо сильно отсталую или очень бедную страну, в частности, принадлежащую региону Субсахарской Африки, где известна проблема голода). Модель 6 является теоретической конструкцией, которая вероятна, но на нынешний момент яркий пример

⁵ Каждой модели соответствует своя стратегия роста и его качество и своя траектория научно-технического развития. Подобная упрощенная классификация тем не менее полезна при выработке приоритетов научно-технического развития и формирования соответствующей стратегии государства.

по этой модели не подыскивается, (возможно, это Украина, где неустойчивая институциональная структура, при весьма скромных ресурсах, все-таки сочетается с накопленным научно-техническим заделом советского периода). Модель 7 – Япония, Финляндия, Швеция, которые обладают скромными ресурсами, особенно Япония, но высоким институциональным потенциалом развития и научно-техническим потенциалам. Модель 8 – Швейцария, малые государства, например, Кипр, островные государства, специализирующиеся на туризме, услугах, включая финансовые, обладающие развитым сельским хозяйством и очень незначительной промышленностью, либо не обладающие ею. Ресурсы у них крайне ограничены, научно-технические достижения отсутствуют либо чрезвычайно скромны, но система институтов стабильна и поддерживает их специализацию на услугах и индустрии туризма.

Можно выделить три главные «причины» спроса на технологии: 1) жизнедеятельность человека и его базовые потребности (биологические, физические – в пище, одежде, культурные – коммуникации и т.д.; 2) защита от внешних угроз (природы и общества – катаклизмы, экология, изменение климата, войны, конфликты, космос и т.д.); 3) познание окружающего мира (микро- и макро мира).

По большому счету эти три направления возникновения спроса на технологии обуславливают как возникновение, так и развитие, совершенствование технологий. В связи с этим процесс возникновения технологий, который до сих пор слабо раскрыт экономической наукой, описывается тремя способами, которые проявляются отдельно или могут каким-то образом сочетаться.

Во-первых, «эвристический» способ появления технологий, когда возникают совершенно новые технологии, которых не было до сих пор, в силу некоего открытия, изобретения, создания нового материала, приспособления, устройства. Частота таких событий сокращается, то есть «эпохальные» события происходят все реже.

Во-вторых, «инкрементальный» способ развития технологий, когда после «эпохальных» событий происходит улучшающее совершенствование известных технологий, ставших традиционными способами производства, что обеспечивает повышение эффективности.

В-третьих, «комбинаторный» способ развития технологий, при котором происходит появление новых технологий либо усовершенствование традиционных вследствие параллельного и последовательного соединения отдельных технологий. При этом больших инвестиций не требуется и не нужно ожидать нового эпохального открытия.

Важно отметить, что темп экономического роста может быть как связан, так и не связан с уровнем технологического развития данной страны. Так, США и Япония относятся к странам, где распространены три метода технологического развития, включая «эвристический».

Однако их темп роста уступал росту китайской экономики за последние двадцать лет, когда Китай только наращивал свой технологический потенциал, демонстрируя при этом очень высокий темп экономического роста, и явно ориентируясь на применение комбинаторного метода развития технологий, полагая в основу этого метода заимствование технических решений и их последующее улучшение (с применением инкрементального и комбинаторного способа). Отсутствие подобной сильной связи говорит, что экономический рост зависит не только от научно-технического фактора, но и от иной системы факторов, обеспечивающих совокупную производительность.

Литература

1. Лукас Р. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во института им. Е. Гайдара, 2013.
2. Хэллман Э. Загадка экономического роста М.: Изд-во института им. Е. Гайдара, 2011.
3. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2014.
4. Статистические данные Всемирного банка. <http://data.worldbank.org/indicator>.

O.S. SUKHAREV

doctor habilitatus in economics, professor, head of the Sector of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru

ECONOMIC GROWTH AND TECHNOLOGICAL CHANGES: GLOBAL TENDENCIES

The paper is dedicated to the issue of the organization of economic growth in the global economic system, as well as the strategy of catching up and advanced development for the retarded countries. The author gives a simple model of economic growth of the system and shows the main factors that are determinants of development strategy. Especially important conditions are endowments, institutions and the effectiveness of the current economic structure, technological economy – terms of technological development and trajectory of this development. Given adequate justification advanced development strategy for Russia, the author takes into account global changes, structural changes, technological regimes (trajectory) development carried out an empirical analysis of economic growth from 1961 to 2012.

Keywords: *global changes, the strategy of rapid development, economic growth, structural change, technological change.*

JEL: O10, O20.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

М.М. СОЛОВЬЕВ
аспирант Института системного анализа РАН

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ¹

В статье рассмотрены ключевые проблемы, внутренние и внешние вызовы нефтяной отрасли, с которыми она столкнется в среднесрочной и долгосрочной перспективе, показана роль нефтяного комплекса в формировании национальной экономики. Определены факторы и механизмы, способствующие превращению нефтяной промышленности России из донора в драйвер экономики. Обосновывается необходимость системного подхода к реформированию отрасли, переходу на налогообложение финансового результата, выработке прозрачных и стабильных правил поведения государства и хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: нефть, экономика, вызовы для России, ВВП, бюджет, экспорт, инвестиции, налог на финансовый результат, налог на дополнительный доход, зависимость от нефти, реформы.

JEL: O13, Q43, Q48, O13.

Большой вклад нефтяной отрасли России в функционирование национальной экономики и финансовой системы, рост зависимости доходов бюджета от конъюнктуры мировых цен на нефть, создающей существенные риски для исполнения государством обязательств (в т.ч. социальных), часто выступают темой научных исследований, декларируются на официальном уровне и в средствах массовой информации (СМИ). Для понимания вызовов, стоящих перед Россией вследствие как внутренних изменений в нефтяном комплексе, так и глобальных трансформаций XXI в., необходимо прояснить основные проблемы и перспективы важнейшего сектора экономики.

Российский нефтяной комплекс один из наиболее масштабных в мире: на него приходится 5,5% доказанных запасов нефти, 12,4%

¹ Автор статьи является Лауреатом конкурса молодежи, проводимого Институтом экономики РАН в рамках научной конференции молодых ученых «Трансформации в глобальной экономике: вызовы для России»

добычи, 6,3% мощностей по переработке и 3,6% потребления нефти. По этим показателям Россия стабильно удерживает места в первой десятке (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля России в мировых показателях нефтяной отрасли

Показатель	1990 г., %	2000 г., %	2010 г., %	2013 г., %	Место в мире (2013 г.)
Доказанные запасы нефти	5,0	5,5	5,4	5,5	8
Добыча нефти	15,8	8,8	12,4	12,4	2
Переработка нефти	9,7	6,7	6,0	6,3	3
Потребление нефти	7,6	3,3	3,3	3,6	5

Источник: расчет автора по данным BP statistical Review of World Energy, 2014.

Нефтяная отрасль непосредственно обеспечивает формирование $\frac{1}{7}$ ВВП, более $\frac{1}{3}$ промышленного производства, 45,8% доходов федерального бюджета и 53,7% экспортной выручки. Важность нефтяного комплекса также обусловлена спросом на его продукцию большого числа отраслей экономики и значительным мультипликативным эффектом в сопряженных областях, например, в строительстве, машиностроении, транспорте. Основным бенефициаром нефтяных доходов является федеральный бюджет, рента взимается с помощью двух основных инструментов – налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортной пошлины на сырую нефть и нефтепродукты. Нефтяные компании являются крупнейшими в стране налогоплательщиками – совокупно в 2013 г. они заплатили около 3 трлн руб. в бюджеты разных уровней, что составило 34%² всех доходов консолидированного бюджета России (экономические показатели нефтяной промышленности, см. табл. 2).

На мировом рынке нефти Россия занимает вторую позицию после Саудовской Аравии, являясь крупнейшим экспортером нефтепродуктов. Более 70% производимой на территории страны продукции нефтяной промышленности поставляется в дальнейшем зарубежье (преимущественно в Европу – в Германию, Польшу, Нидерланды, Финляндию) и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (в Китай, Южную Корею, Японию), главным образом через нефтепроводы Дружба и ВСТО, порты Приморск, Новороссийск, Козьмино, Усть-Луга.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе в XXI в. на российский нефтяной комплекс будут оказывать значительное воздействие транс-

² По данным Федеральной налоговой службы за 2013 г.

Таблица 2

Доля нефтяной промышленности в экономических показателях, %

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
ВВП	15,8	17,0	13,1	13,9
Промышленное производство	18,9	26,7	29,0	34,1
Федеральный бюджет	24,9	37,0	42,7	45,8
Экспорт	35,3	48,6	51,6	53,7
Инвестиции	15,8	11,2	12,6	14,3

Источник: расчет автора по данным Всемирного банка (worldbank.org), Федеральной службы государственной статистики РФ (gks.ru), Федерального казначейства РФ (roskazna.ru), Министерства финансов РФ (minfin.ru), Федеральной таможенной службы РФ (fts.ru), нефтяных компаний.

формации в мировой энергетике, экономике и геополитике, способные в среднесрочной и долгосрочной перспективе существенно повлиять на формат и направления его развития. Среди факторов воздействия выделим следующие:

Активизация в мире, в основном в Северной Америке (США и Канада), освоения нетрадиционной нефти, в том числе: сверхтяжелой нефти, битуминозных (нефтяных) песков, сланцевой нефти, нефти плотных пород, а также нефти, получаемой из керогена нефтяных сланцев. Рост добычи нетрадиционной нефти будет увеличиваться по мере истощения традиционных ресурсов. В то же время на данный момент существует ряд ограничений, не позволяющих существенно нарастить уровень добычи: высокая себестоимость, отсутствие эффективных методов добычи (существуют преимущественно в США, на развитие технологии ушло более 30 лет), слабая изученность запасов, быстрое падения дебитов месторождений (около 80% за первые два года). Значительные запасы нетрадиционной нефти расположены и в России (например, Баженовская свита обладает крупными запасами керогена, исчисляемыми миллиардами тонн).

Рост доли альтернативных нефти источников энергии, в том числе газа и возобновляемых источников. По оценке компании BP³, доля таких источников энергии увеличится с 38% в 2012 г. до 45% в 2035 г.

Увеличение предложения традиционной нефти на мировом рынке, в том числе из-за восстановления нефтяной промышленности Ирака и роста добычи странами ОПЕК.

Снижение спроса на нефть из-за замедления роста мировой экономики и, как следствие, избыток предложения.

³ BP Energy Outlook 2035: January 2014.

Высокая волатильность мировых цен на нефть. По разным причинам (например, перепроизводство) амплитуда колебаний достигает сотни процентов в относительно короткие отрезки времени.

Внутренние проблемы и вызовы для нефтяного комплекса являются не менее острыми и актуальными, чем внешние, поскольку они носят фундаментальный характер и задают главный вектор развития, а от качества их решений зависят перспективы отечественной экономики. Рассмотрим их подробнее.

Конец эпохи легкой нефти, слабое воспроизводство минерально-сырьевой базы, падение качества запасов и нефтеотдачи, ухудшение условий добычи, рост издержек, дефицит инвестиций в геологоразведочные работы:

- рост удельного веса трудноизвлекаемых запасов нефти с 45% в 1990 г. до 60% в 2013 г., требующих специальных технологий и значительных инвестиций;
- падение нефтеотдачи (КИН) с 0,42 до 0,37 (с 1990 по 2013 г.);
- снижение поисково-разведочного бурения в 7 раз (с 1990 по 2013 г.), использование потенциала, накопленного в советский период;
- рост себестоимости добычи нефти в 3,5 раза (с 2004 по 2014 г.).

Низкое качество продуктов отечественной нефтепереработки, малая глубина переработки и преобладание в производстве продукции с низкой добавленной стоимостью (тяжелых и средних фракций), в основном дизельного топлива и мазута [1]. Перманентно возникающие сезонные дефициты бензина, зимнего дизеля и керосина, наличие избыточных мощностей по первичной переработке и недостаток вторичных процессов (см. рис. 1).

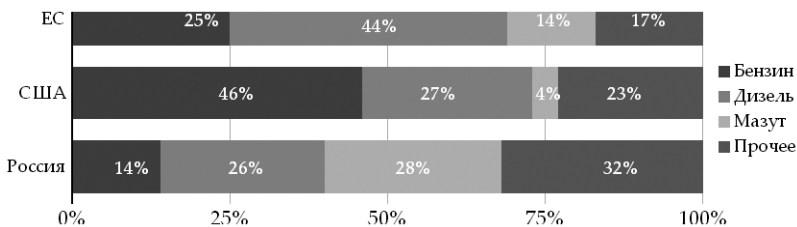

Рис. 1. Структура продукции нефтепереработки, 2013 г.

Источник: расчет по данным ЦДУ ТЭК (cdu.ru), EIA (eia.gov), Eurostat (ec.europa.eu).

Высокая зависимость российского бюджета от мировых цен на нефть, непоследовательная налоговая политика и ручное управление льготами, слабое стимулирование разработки староосвоенных месторождений и запасов нетрадиционной нефти, отсутствие под-

держки инновационной деятельности и малых независимых нефтяных компаний, а также стимулов создания собственных технологий и инноваций.

Для развития нефтяного комплекса России предстоит решить большое количество проблем и найти оптимальные пути, чтобы быть конкурентоспособными и достойно ответить на вызовы нового столетия, а именно:

Рост донорства отрасли вместо развития, как локомотива и драйвера экономики. Оборотные налоги вместо налогообложения финансового результата, наличие экспортных пошлин, субсидирование внутреннего рынка формируют значительное донорство нефтяного сектора.

Естественное падение добычи в традиционных нефтедобывающих регионах из-за истощения запасов. Относительно 1990 г. в 2013 г. добыча в староосвоенных регионах сократилась на 25%, а их доля в общестрановой добыче снизилась с 89% до 71%, в первую очередь из-за падения объема в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО). При текущем налоговом режиме ожидается дальнейшее падение уровня добычи.

Необходимость активного вовлечения в разведку ресурсов трудно-извлекаемой и нетрадиционной нефти, а также ресурсов арктического шельфа для поддержания текущего уровня добычи. При системном стимулировании разработки такого рода ресурсов, их доля в ближайшие 20–30 лет составит около 50% валовой добычи нефти в стране.

Значительное технологическое отставание российских нефтеперерабатывающих заводов от мирового уровня.

Для ответа на вызовы необходимо активное государственное стимулирование, системный подход и перенастройка налоговой системы.

Перестрой налоговой системы. Здесь важен постепенный переход (пилотные проекты) от оборотных налогов к налогообложению финансового результата (налог на финансовый результат и/или налог на дополнительный доход), позволяющий учитывать экономику конкретных проектов. Налоговая нагрузка перераспределится в зависимости от стадии эксплуатации и уровня капитальных затрат, с пониженными платежами в бюджет на начальной и поздней стадиях и повышенными налогами при росте добычи и выходе на проектную мощность.

Налогообложение финансового результата позволит:

- вовлечь дополнительные запасы в разработку, являющиеся при текущем налогообложении нерентабельными, активизировать геологоразведочные работы;
- увеличить инвестиционную активность и обеспечить значительный мультипликативный эффект в смежных отраслях (в т.ч. в моногородах и поселках, где ведется добыча);

- изымать больше ренты в бюджет при улучшении конъюнктуры и сохранять инвестиционную привлекательность при ухудшении ценовой ситуации;
- уйти от ручного режима и субъективизма при предоставлении льгот;
- стимулировать применение инновационных методов увеличения нефтеотдачи (МУН) для замедления и стабилизации добычи на староосвоенных месторождениях.

Кроме положительного эффекта существуют риски, связанные со сложностью администрирования налога на финансовый результат, в отличие от оборотных налогов (налог на добычу полезных ископаемых – НДС и экспортные пошлины – ЭП), и как следствие, – бюджетные риски при резкой и неапробированной на пилотных проектах реформе налогообложения.

Необходима поддержка независимых компаний (мелких и средних). Это позволит, во-первых, вовлечь в разработку небольшие месторождения, не интересные вертикально-интегрированным нефтяным компаниям (ВИНК), во-вторых, более комплексно эксплуатировать ресурсы нефти, в-третьих, активно проводить геологоразведочные работы и вести добычу нетрадиционной нефти с использованием инновационных методов (как, например, в США), в-четвертых, увеличить рыночную конкуренцию. Для осуществления поддержки независимых компаний необходимы следующие изменения в налогообложении:

- отмена или снижение разового платежа за пользование недрами по факту открытия месторождения (платеж не является существенным для бюджета, однако для малых компаний он достаточно ощутим);
- переход к налогообложению финансового результата (возможность апробации на малых компаниях нефтяного сектора);
- вычет из налогооблагаемой базы затрат на геологоразведочные работы с большим коэффициентом, чем для ВИНК.

Стимулирование отечественных разработок для разведки и добычи трудноизвлекаемой нефти, развитие импортозамещения, предоставление доступа к шельфу частных компаний.

Важность наличия собственных технологий, особенно высокотехнологичной техники и программного обеспечения, постоянно озвучивается и признается официальными лицами и отраслевыми специалистами, вне зависимости от геополитической конъюнктуры. Несмотря на понимание того, что доля отечественных высокотехнологичных разработок и техники для добычи трудноизвлекаемой, нетрадиционной, шельфовой нефти близка к нулю, а нефтяного машиностроения (для добычи традиционной нефти не превышает

50%, конкретных мер и действий не предпринимается. Очевидно, что формирование нефтесервисного импортозамещения является длительным процессом, для которого требуются значительные финансовые и интеллектуальные ресурсы, вовлеченность бизнеса, науки и государства. Для постепенного роста отечественных исследований и разработок необходимы стимулирующие меры: во-первых, со стороны государства, это максимально комфортный налоговый режим, в том числе вычеты из налога на прибыль (кратно превышающие их размер) при инвестициях в НИОКР и инжиниринг, особенно в программное обеспечение и высокотехнологичную технику. Во-вторых, со стороны бизнеса – стимулирование производителя долгосрочными контрактами, преимущества при закупках (при прочих равных) для компаний с участием российского капитала, создание совместных предприятий с зарубежными технологическими нефтесервисными компаниями. В-третьих, – совместная деятельность государства и бизнеса в сфере создания и финансирования востребованных учебных специальностей и программ.

Постепенное снижение субсидирования переработки с целью роста производства с высокой добавленной стоимостью.

Российская нефтеперерабатывающая промышленность крайне неэффективна, на протяжении постсоветского периода она формирует меньшую добавленную стоимость на тонну, чем сырая нефть [1]. Если сравнивать валовую (в мировых ценах) стоимость нефти и нефтепродуктов, то продажа произведенного объема нефтепродуктов в виде сырой нефти позволила бы купить больше нефтепродуктов на внешнем рынке, чем произвела отечественная нефтепереработка. Для решения данной проблемы необходимо снижать субсидирование неэффективной внутренней переработки, выстраивая стимулирующую налоговую политику, нацеленную на активную модернизацию перерабатывающих мощностей, усложнение технологических процессов и глубины переработки. Достижение положительного результата возможно благодаря выравниванию пошлины на нефть и темные нефтепродукты, контролю за соблюдением сроков по выводу из производства топлива ЕВРО–3,4 и модернизации нефтеперерабатывающих заводов, кратному росту объемов биржевой торговли нефтепродуктами, в том числе для формирования независимой (от ВИНК) переработки, а также снижению акцизов на светлые нефтепродукты.

Литература

1. Бобылев Ю.Н., Идрисов Г.И., Синельников-Мурылев С.Г. Экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты: необходимость отмены и сценарный анализ последствий // Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. Научные труды. 2012. №. 161.
2. Коржубаев А. Г., Соколова И. А., Эдер Л. В. Современные тенденции в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности России // Бурение. 2009. №. 10. С. 8–11.

M.M. SOLOVYOV

postgraduate student of the Institute of system analysis of the Russian Academy of sciences,
Moscow, Russia

Solovyev.m.m@gmail.com

THE ISSUES AND THE CHALLENGES FOR RUSSIAN OIL INDUSTRY IN THE XXI CENTURY

The paper distinguishes key issues, the internal and external challenges of the Russian oil industry in the medium and long term, The author shows the role of oil in the national economy and determinates ways contributing to transform the Russian oil industry from the donor to the driver of the economy. The conclusions made in the paper concern the system approach to reform the industry, the transition to the taxation based on financial result of business, and the necessity of the transparent conduct rules for the state and businesses.

Keywords: oil, economy, challenges for Russia, GDP, budget, export, investment, taxation based on financial result, oil dependence, reforms.

JEL: O13, Q43, Q48, O13.

К.С. ФОМИНЫХ

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

ОТНОШЕНИЕ К ИНДЕКСУ НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ СО СТОРОНЫ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА¹

В статье описываются результаты проведенного автором исследования на тему отношения научно-преподавательских кадров к индексу научного цитирования среди деятелей науки и образования.

Ключевые слова: индекс научного цитирования, РИНЦ, сфера науки, индексирование, отношение к индексу цитирования, общественные науки.

JEL: D83.

К индексу научного цитирования в среде российского научно-образовательного сообщества сложилось неоднозначное отношение, и до сих пор в научном сообществе обсуждается, насколько правомерно использовать индекс цитирования для оценки эффективности ученого. Некоторые ученые положительно относятся к переходу научной сферы на систему измерений и индексирований, так как сегодня в связи с ростом научных кадров и глобализацией научной мысли, становится ясно что, несмотря на ряд недоработок, индекс научного цитирования является важным инструментом оценки научной работы.

Другие ученые наотрез отказываются воспринимать такого рода инновации в российской научно-образовательной сфере, так как, по их мнению, существует множество посторонних обстоятельств, влияющих на цитируемость научного работника: возраст, область научных интересов, язык публикаций, соавторы и пр. Отмечают также неполноту баз научных публикаций, проблемы с выявлением там всех публикаций автора и его цитирований, аффилированность авторов и прочие факторы, искажающие объективность в подсчете индекса

¹ Автором был проведен опрос среди профессорско-преподавательского состава, занятого в сфере общественно-гуманитарных наук, результаты которого были обработаны, проанализированы и представлены в данной статье.

цитирования. Его использование затруднено для российских ученых еще и тем, что в стране традиционно велика доля секретных разработок, авторы которых не публикуются в открытом доступе, а значит их публикации не участвуют в расчетах индекса цитируемости.

Есть и третья часть ученых, которые находятся в замешательстве и пытаются разобраться, что из себя представляет индекс научного цитирования и будет ли он способствовать развитию современной науки. Эта противоречивость в научной среде побудила автора провести исследование и получить репрезентативные данные, дающие представление о реальной картине восприятия индекса цитирования научно-преподавательскими кадрами и о том, какие возможные перспективы у него есть в рамках развития российской науки².

Исследование проводилось методом опроса. Автором была подготовлена интернет-анкета из семи вопросов. В опросе принял участие девяносто один респондент. Опрашивались преимущественно доктора, кандидаты наук, а также аспиранты, соискатели и молодые начинающие исследователи, занятые в сфере общественно-гуманитарных наук (рис. 1 и 2).

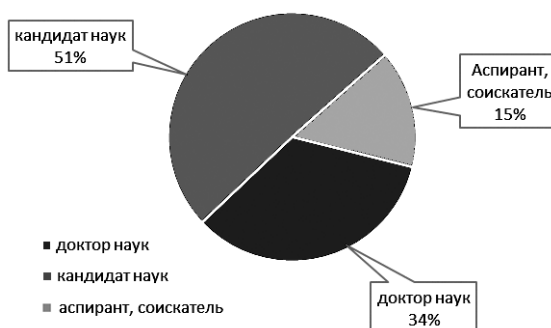

Рис. 1. Соотношение респондентов.

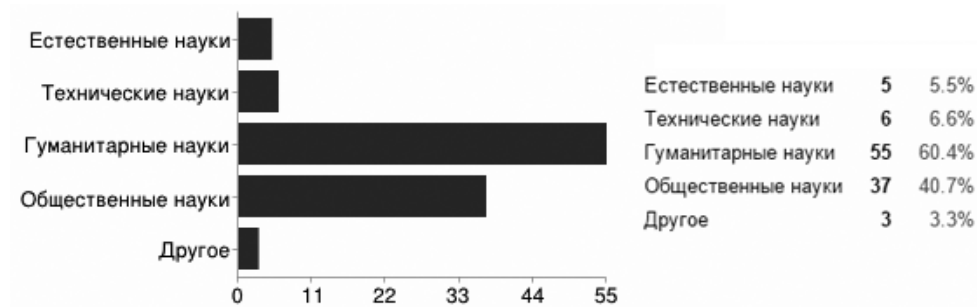

Рис. 2. Сфера научных интересов.

² Обзор существующих проблем в изучаемой области представлен в работах [1, 2].

Сегодня можно с достаточной долей уверенности утверждать, что большинство ученых уже сталкивались и слышали о системе цитирования. Две трети опрошенных зарегистрированы в базе данных Российского индекса научного цитирования, часть опрошенных нуждается в помощи по регистрации и обучению в использовании инструментария системы, однако около 8% опрошенных не собираются регистрироваться и работать в этой системе. (рис. 3).

Рис. 3. Количество ученых, зарегистрированных в системе.

В ходе анализа результатов анкетирования была выявлена важная проблема – недостаточная информированность научных кадров. Во-первых, в большинстве научно-образовательных учреждений информация о РИНЦ не была должным образом донесена до сотрудников, в основном она подавалась как письмо-уведомление о том, что всем сотрудникам организации необходимо зарегистрироваться в системе электронной библиотеки, поэтому подавляющая часть сотрудников первоначально просто не обратила на эту информацию внимание. Во-вторых, данную платформу ученым приходилось изучать самостоятельно. Как следствие, около 40% опрошенных не могут полноценно использовать возможности системы.

Среди ученых, которые используют инструментарий системы, большинство пользуется такими функциями, как:

- добавление и изменение информации в свой профиль автора;

- просмотр информации о работах коллег, ссылающихся на работы автора;
- отслеживание научных работ по своему научному направлению, составление подборок научных работ по заданной научной тематике.

Лишь небольшая часть ученых отслеживает работы научных журналов с высоким импакт-фактором, участвует в научных конференциях, смотрит блоги и интернет-форум РИНЦ.

Проанализируем ответы, которые давали респонденты на вопрос о возможности индекса цитирования объективно оценить достижения российских ученых (рис. 4).

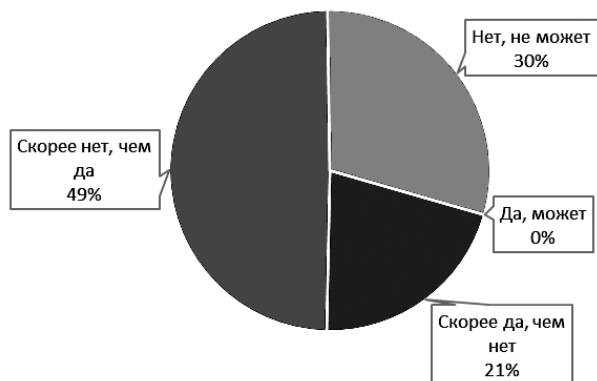

Рис. 4. Отношение ученых к вопросу возможности объективной оценки их деятельности в системе РИНЦ.

Ученые не дали ни одного строго утвердительного ответа о том, что индекс цитирования может дать объективную оценку их деятельности. Двадцать процентов респондентов ответили, что индекс цитирования скорее дает объективную оценку, чем не дает, однако восемьдесят процентов придерживаются противоположного мнения. Из развернутых ответов респондентов видно, что они сталкиваются с такими проблемами, как:

- плохая наполненность базы данных РИНЦ научными изданиями;
- невозможность применения количественных показателей к измерению вклада отдельно взятого ученого в развитие той научной сферы, в которой он работает, в частности, общественно-гуманитарных направлений;
- невозможность количественного измерения научной значимости работ ученых;
- накрутка и искусственное завышение некоторыми учеными своих рейтингов через договоренности с коллегами или студентами о включении ссылок на свои труды в их работы;

- падение качества работ из-за погони за статистическими показателями;
- зависимость индекса цитирования ученого от научной сферы его работ: чем уже область, тем меньше будет рейтинг;
- зарегистрироваться в РИНЦ может любое издательство, поэтому в систему зачастую попадают очень слабые журналы и «халтурные» работы, на которые также ссылаются, говоря, что они «халтурные», и чьи авторы от этого повышают свой рейтинг;
- отсутствие единого стандарта ссылок по оформлению библиографии. Из-за этого при внесении издательством публикаций и списков литературы в базу данных РИНЦ теряется большое количество ссылок. Система просто не может идентифицировать и повысить рейтинг тем научным трудам, которые указаны в списках литературы.

Эти весомые замечания должны обрабатываться и решаться непосредственно администраторами платформы цитирования при постоянном консультировании с научно-преподавательским сообществом. В целом же из ответов респондентов было видно, что большинство из них еще не полностью знакомы с функционалом системы и не знают о всех ее возможностях. Часто встречались замечания, что в системе нет монографий, конференций и др. трудов. В то же время в системе есть инструменты и функции по добавлению оных в систему, но про это знают немногие. Это указывает на наличие проблемы недостаточной информированности научно-образовательных кадров.

В качестве положительных характеристик РИНЦ ученые отметили, что он:

- дает стимул ученым активно добавлять свои работы в базу данных;
- дает возможность отслеживать ученых с «искусственно» завышенным рейтингом;
- обладает потенциалом, но требует добавления дополнительных индикаторов и методов оценки вклада ученого.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что на сегодняшний день система цитирования воспринимается учеными с большим скепсисом.

Последний вопрос анкеты был посвящен тому, считает ли научное сообщество, что меры, принимаемые государством по модернизации научно-образовательной системы, могут повысить эффективность работы научно-преподавательских кадров (рис. 5).

Большее половины опрошенных уверенно ответили, что меры, принимаемые государством, не приведут к повышению эффективности работы ученых. При этом многие респонденты отвечали таким образом:

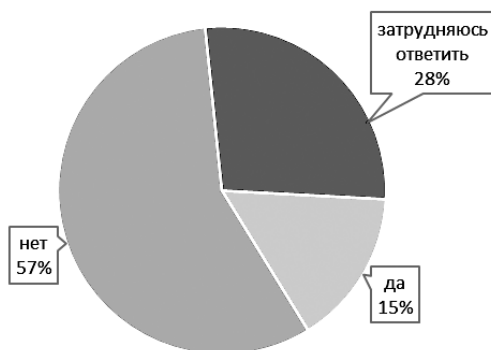

Рис. 5. Могут ли повысить эффективность работы научно-преподавательских кадров меры, принимаемые государством.

- меры, принимаемые государством, носят слишком бюрократизированный характер и не дают возможности ученому заниматься наукой;
- при такой модели оптимизации и модернизации происходит разложение российской научно-образовательной сферы: навязываются западные модели, которые не приживаются в российских условиях;
- государственные меры не продуманы, что негативно сказывается на ученых, которые вынуждены тратить большое количество времени и сил на добавление своих трудов в базу данных цитирований;
- в преподавательской среде началась «гонка за публикациями», а при увеличенных аудиторных нагрузках, участии в проектах и грантах многим научным кадрам просто не хватает времени.

Четверть респондентов затруднилась ответить на вопрос, четырнадцать респондентов дали утвердительный ответ: ученые видят плюс в том, что принимаемые меры помогают ученым стимулировать научную деятельность и выходить на международный уровень.

Таким образом, опрос показал, что на сегодняшний день профессорско-преподавательский состав крайне обеспокоен тем, что происходит в российской науке и образовании. При этом большинство ученых негативно относятся к индексу научного цитирования и тем изменениям, что происходят в научной среде.

Позиция ученых аргументирована, и в системе РИНЦ необходимо многое изменить, дополнить. Однако без сомнения можно утверждать и то, что работа по улучшению системы цитирования постоянно идет, пусть и не такими темпами, как хотелось бы. Во взаимодействии научного сообщества с базой данных научного цитирования необходимо делать акцент на постоянном взаимодействии и диалоге сторон. Одной из главных проблем в таком взаимодействии остается недостаточное

информирование научного сообщества о возможностях системы, поэтому первым делом необходимо решить именно ее.

Много отрицательных комментариев респондентов связана с проблемой плохой наполненности базы данных, в частности, по публикациям, изданным до 2000 г. Однако, если рассматривать вопрос в динамике, то за последние два года количество добавленных публикаций в РИНЦ изменяется в геометрической прогрессии: на сегодняшний день в базу данных добавлено свыше двадцати миллионов публикаций, а еще в 2007 г. этот показатель был в районе семи миллионов. В этом вопросе важно содействие, помимо самих администраторов РИНЦ, издательств и научно-образовательных центров, где работают научные кадры, так как в настоящее время в издательствах этим мало занимаются, а многие издательства вообще не знают про РИНЦ. Хотя как раз для них эта платформа является очень перспективной. К корректно работающим и своевременно размещающим публикации издательствам будут идти ученые. Ученым же, в свою очередь, необходимо отслеживать качественные издательства, входящие в РИНЦ и своевременно публикующие выпуски своих журналов, книг и пр., чтобы без лишних хлопот и временных затрат попадать в базу данных. На наш взгляд, было бы намного результативно, если бы публикации, изданные в течение жизни авторов, размещались представителями научно-исследовательских институтов в РИНЦ, в случае если у автора нет времени. Такие представители сейчас есть почти в каждом институте, и о них узнает все большее количество сотрудников. Только таким пока видится выход в сложившейся в научной среде ситуации.

Литература

1. Игра в цифирь, или как теперь оценивают труд ученого. М.: МЦНМО, 2011.
2. Фоминых К.С. Российский индекс цитирования и его роль в повышении эффективности деятельности научных кадров // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1.

K.S. FOMINYKH

postgraduate student of the Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

Kfominykh.1@gmail.com

SOCIAL SCIENCES COMMUNITY ATTITUDE TOWARDS SCIENCE CITATION INDEX

The paper describes the results of the author's research on the position of social sciences staff towards Science Citation Index among scientists and educators.

Keywords: *Science Citation Index, RISC, science, indexing, attitude towards citation index, social sciences.*

JEL: D83.

Е.А. КАРЕЛИНА

ассистент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита
НОУ ВПО «Академия сферы социальных отношений»

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР В XXI ВЕКЕ

В статье анализируются особенности развития отраслей экономики Китая в текущем столетии, рассмотрен опыт построения рыночной экономики Китая и пути развития экономики его западного региона, требующих модернизации.

Ключевые слова: экономика Китая, экономический кризис, рыночная экономика, присоединение КНР к ВТО, инвестиции, экономический рост, провинции Западного Китая.

JEL: E61.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. впервые за многие годы понизил спрос на китайский экспорт. Однако Китай смог достаточно быстро, по сравнению со всеми другими крупными промышленно-развитыми странами восстановиться¹. Как нам представляется, экономика Китая с учетом тенденций 2010–2014 гг., будет возрастать и далее. Это связано в первую очередь с политикой стимулирования, которую правящий режим проводил во время глобального финансового кризиса. Правительственные обещания, содержащиеся в 12-ом Пятилетнем Плане, принятом в марте 2011 г., направлены на дальнейшие преобразования экономики и на увеличение внутреннего потребления, для того, чтобы сделать экономику менее зависящей от экспорта в будущем. Тем не менее в настоящее время Китай столкнулся с рядом экономических проблем. Это – инфляция, превысившая в конце 2010 г. целевые показатели правительства на 3%, и долги местных органов власти, которые резко возросли в результате политики стимулирования и которые можно отнести к долгам плохого качества.

Китай, являющийся космической и ядерной державой, в настоящее время имеет многоукладную экономику с высокой долей иностранных инвестиций. При этом их структура такова, что почти 80% всех иностранных инвесторов в экономику КНР – китайцы (хуацяо),

¹ Сейчас рост в Китае примерно 10% в год.

проживающие за рубежом. Это является положительным стабильным фактором, позволяющим прогнозировать, что к 2020 г. Китай должен догнать США по совокупному ВВП [5]. К тому же реально уже в 2014 г. Китай по этому показателю вышел на лидирующее место в мире [2], о чем наглядно свидетельствует динамика ВВП Китая на рис. 1.

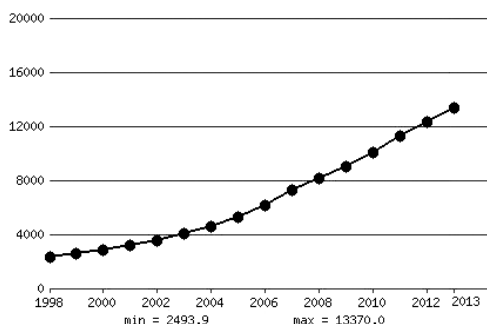

Рис. 1. Динамика ВВП КНР, в млрд долл. США.

Чтобы способствовать структурным изменениям, Китай развивает собственную систему образования [1, 3], обучение студентов за рубежом (особенно в США и Японии), поощряет импорт технологий, позволяющих развивать такие прогрессивные сектора экономики, как производство программного обеспечения, новых материалов, телекоммуникационную индустрию, биотехнологии, здравоохранение.

Сейчас Китай – это страна, превратившаяся в мировую торговую державу, и уровень зависимости разных стран от китайского экспорта которой, довольно высок. В 2005 г. объем экспорта в ВВП Китая был равен примерно 34%, что почти в два раза выше среднемирового уровня, а доля экспорта КНР в мировом объеме составила более 5,0% [6].

До присоединения КНР к ВТО предполагалось, что это, безусловно, будет оказывать негативное влияние на экспорт, сдерживать его объемы, также как и объемы производства, особенно в первые годы после присоединения к ВТО. Однако по истечении трех лет после присоединения в 2000 г КНР к ВТО выяснилось, что за это время произошел стремительный рост почти всех макроэкономических показателей, в том числе и во внешней торговле страны, что подтверждается динамикой показателей экономического развития Китая за первую, после вступления в ВТО пятилетку (см. табл. 1).

Как видно из табл. 1, и в период после присоединения к ВТО продолжался стремительный рост китайской экономики, выражающийся не только в сохранении высоких темпов роста валового внутреннего продукта, но и в росте объема внешней торговли, экспорта, импорта, привлеченных иностранных инвестиций, накопленных золотовалютных запасов.

Таблица 1

**Основные показатели экономического развития КНР
после вступления в ВТО**

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Валовой внутренний продукт (млрд юаней)	9731,5	10517	11690	15988	18232
Внешняя торговля (млрд долл.)	509,6	620,8	851,0	1154,8	1422,1
Экспорт	266,1	325,6	438,2	593,4	762,0
Импорт	243,5	295,2	412,8	516,4	660,1
Объем иностранных инвестиций (млрд долл.)	49,7	55,0	56,1	60,6	60,3
Объем золотовалютных запасов (млрд долл.)	212,2	286,4	403,2	609,9	818,9

В последние десятилетия Китай значительно преуспел в своем развитии, превратившись в одну из сильнейших стран мира, поражающую темпами своего экономического роста. За годы реформ значительно повысился жизненный уровень населения КНР.

Однако высокие темпы роста повлекли за собой определенные социально-экономические проблемы, из-за нарастающих противоречий в уровне развития восточных и северо-западных регионов страны. Сведение к нулю данного разрыва является одной из актуальнейших задач, стоящих в данный момент перед Китаем [7], и решить которую пытается правительство КНР, в том числе и стабилизируя положение в западных районах. Следует отметить, что в основе идеи «второго общего интереса» лежит также стремление исправить социальный фон западных районов. Например, лидирующий в стране Шанхай опережает наиболее отсталую юго-западную провинцию Гуйчжоу по среднему душевому производству ВВП в 12 раз, а по среднему душевому потреблению населения – в 6 раз [6]. Такой разрыв чреват вынужденной внутренней миграцией, напряжением во взаимоотношениях провинций, способствует экономическому сепаратизму, затрудняет проведение реформ и дальнейшую модернизацию страны.

Правительство КНР планирует провести железную дорогу протяженностью 296 км от станции Цзиньхэ Северо-Синьцзянской железнодорожной магистрали до г. Кульджи и далее до КПП «Хоргос» на казахско-китайской границе, что потенциально будет способствовать более тесной экономической интеграции Китая со всеми странами ЕвразЭС. Данный проект осуществляется в рамках освоения западных районов и направлен на развитие местной экономики, на расширение внешних связей страны и консолидацию проживающего там многонационального населения. Всего в предстоящие 15 лет КНР выделит

100 млрд юаней на строительства железных дорог в западных районах Китая, включая магистраль Китай – Киргизия – Узбекистан. Совершенствование коммуникационной системы свидетельствует об однозначном намерении правительства КНР превратить Синьцзян в международный центр торговли со странами Центральной Азии [5, 8].

При сохранении в ближайшие годы тенденций развития, сформировавшихся в Китае в последнее 10-летие, даже при некотором замедлении там темпов роста и существенном ускорении их в России (до 4–5% ежегодно), по душевому показателю ВВП, к этому времени величина китайского ВВП может превысить объем российского не менее чем в 10 раз. Вполне вероятно, что в 2050 г. китайская экономика по своим размерам оставит позади экономику США и станет крупнейшей в мире.

Литература

1. Атаманенко Н.В., Карелина М.Ю., Черепнина Т.Ю. Сравнительный анализ подходов в России и за рубежом к обоснованию сущности гуманитарной подготовки // Европейское обозрение общественных наук. 2014. Т. 1. № 2. С. 41–50.
2. Зельднер А.Г. и др. Привлечение частного капитала в производственный процесс: возможности и условия. М.: ИЭ РАН, 2013.
3. Зельднер А.Г. и др. Деструктивные тенденции в российской экономике и пути их преодоления в сферах, обеспечивающих потребительский спрос. Научный доклад / Под ред. А.Г. Зельднера, В.С. Осипова. М., 2013.
4. Зельднер А.Г. и др. Преодоление деструктивных тенденций в государственном управлении. М.: ИЭ РАН, 2014.
5. Карелина М.Ю., Черепнина Т.Ю. Гуманитаризация содержания профессиональной подготовки студентов в высших учебных заведениях // Казанская наука. 2014. № 3. С. 226–5230.
6. Кондрашева Л.И. Китайская программа освоения западных регионов страны. <http://www.asiatimes.narod.ru>.
7. Ли Фэнлинь. О стратегии «трех шагов» в экономическом развитии Китая. <http://www.ruschina.com>.
8. Ли Цзинвэнь. Перспективы экономического развития Китая в XXI веке. <http://www.abirus.ru>.
9. Макаров Д.В. Новая стратегия Китая. <http://www.economy.bsu.by>.
10. Шорохов В.Б. Освоение западных районов КНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений, 2001. № 1. С. 12–24.

E.A. KARELINA

assistant of the Department of finance, accounting and audit of the Academy of the Sphere
of the Social Relations, Moscow, Russia
ekaterina_karelina_1989@mail.ru

THE FEATURES OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHINA
IN THE XXI CENTURY

The paper is devoted to an analysis of the features of industrial development of China. The author illustrates an experience of China's market economy foundation and the ways of economic development of western China, which needs modernization.

Keywords: *economy of China, economic crisis, market economy, PRC's accession to the WTO, investments, economic growth, provinces of Western China.*

JEL: E61.

Е.Е. НАЛЕСНАЯ

аспирант, младший научный сотрудник Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

В статье рассмотрены риски инвестирования в объекты интеллектуальной собственности (ОИС) в металлургической отрасли и способы управления ими. Проанализированы предпосылки инновационного развития предприятий металлургической отрасли в мире, а также виды стратегий инновационного развития, существующие в отрасли. Показаны тенденции в развитии стратегий инвестирования в ОИС для компаний разных типов. В статье приведены примеры снижения уровня рисков инвестирования в ОИС, выявлены причины низкого уровня инвестирования российскими компаниями в ОИС.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, инновационное развитие, добавленная стоимость, металлургическая отрасль, управление рисками, риски инвестирования, стратегия.

JEL: L160, L210, O320, O340.

На протяжении последнего десятилетия одним из важнейших приоритетов развития экономики России являлся планомерный переход от сырьевой к инновационной экономической модели¹. Однако структурных изменений в экономике России не произошло. По данным ФСГС, доля добычи полезных ископаемых в структуре ВВП увеличилась на 4,2% в 2012 г. по сравнению с 2002 г., тогда как доля обрабатывающих отраслей сократилась на 2% за тот же период².

¹ План мероприятий по реализации Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г., утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике при Правительстве РФ. Протокол № 1 от 15.02.2007 г.

² Следует отметить, что, по данным ФСГС, доля добычи полезных ископаемых в ВВП в 2012 г. составила 10,9%, хотя, по данным Министра энергетики РФ А.В. Новака, доля нефтегазового сектора в ВВП составляет «около 1/3».

В 2007 г. производительность труда в России [3] в среднем составляла 26% от уровня США, в том числе: 33% – в сталелитейной отрасли, 31% – в розничной торговле, 23% – в розничном банковском секторе, 21% – в жилищном строительстве и 15% – в электроэнергетике. Ситуация, в которой оказались российские предприятия, усугубилась вступлением в 2012 г. в ВТО, что привело к сокращению ряда импортных пошлин, служивших временным защитным механизмом для некоторых российских отраслей. Согласно данным отраслевого анализа инновационной активности в России, наибольшее число инновационно активных предприятий в 2012 г. приходилось на обрабатывающую промышленность (13,4%) и связь (13,3%)³ (рис. 1).

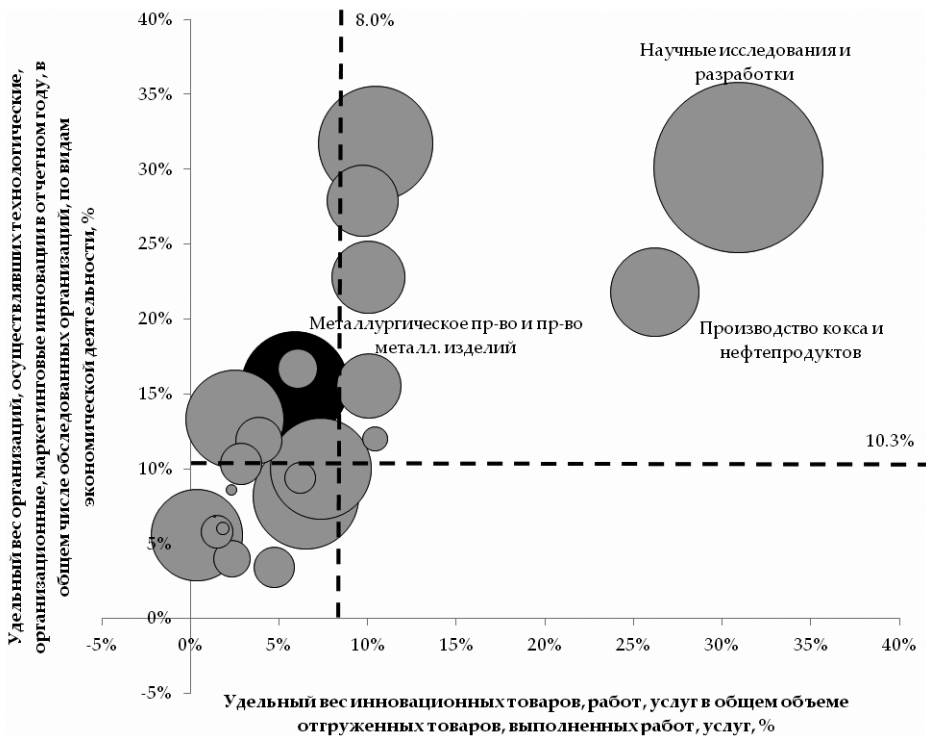

Рис. 1. Отраслевой анализ инновационной активности предприятий России в 2012 г. (Размер круга представляет сумму затрат на технологические инновации, в млн руб., 2012 г.)

Лидерами по количеству инновационных предприятий в обрабатывающей промышленности стало производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, производство электрооборудова-

³ Федеральная Служба Государственной Статистики. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#.

ния, электронного и оптического оборудования. Один из наиболее высоких уровней затрат на технологические инновации отмечается в металлургическом производстве и производстве металлических изделий. Эти затраты осуществляются лишь сравнительно небольшим числом предприятий (15,6%).

Для сталелитейной отрасли в России низкий уровень инвестиций в инновационные программы не означает низкой рентабельности бизнеса: инвестиции в инновационные программы в 2007–2009 гг. среди российских металлургических компаний составляли от 0 до 0,5% от выручки, а рентабельность по прибыли до вычета процентов и налогообложения (ЕВІТ) достигала примерно 30% [3]. Для сравнения, в Японии металлургические компании инвестировали в инновационные программы до 2,5% выручки, а их рентабельность по ЕВІТ варьировалась от 0 до 10%, что говорит о незначительной корреляции между объемами инвестиций в инновационные программы и успешностью их реализации [10].

На сегодняшний день внутренний рынок для российских металлургических компаний является приоритетным. Это связано с устоявшимися долгосрочными отношениями с конечными потребителями, а также с низкими логистическими затратами. Кроме этого, клиенты на российском рынке предлагают ценовую премию по сравнению с экспортной альтернативой. Вторым традиционным рынком для российских металлургических компаний является Европа.

Потребление стальной продукции в России в основном осуществляется тремя отраслями: строительство (68%), трубная промышленность (18%) и машиностроение (включая автомобилестроение, 13%) [4]. При этом качественно меняется спрос на российском рынке. Это связано с активным развитием инфраструктурных проектов (например, для строительства газопровода «Сила Сибири» требуются трубы большого диаметра, способные функционировать в экстремальных климатических условиях), а также с локализацией иностранных автопроизводителей, которые предъявляют высокие требования к качеству конечной продукции и глубине ее переработки. Таким образом, российским металлургическим предприятиям, конкурирующим как на внутреннем, так и на международных рынках, необходимо выработать стратегию инвестирования в инновационные программы для создания долгосрочной и устойчивой конкурентоспособности.

Так, для роста производительности труда в металлургическом производстве или электроэнергетике необходимо осуществить инвестиции в замену оборудования. При этом вполне возможно придерживаться стратегии «догоняющего развития», которая является одной из

наиболее эффективных по соотношению «повышение прибыльности/инвестиции». Подобная концепция «имитационного» развития промышленного сектора была широко применена в странах Юго-Восточной Азии, что помогло ускорить индустриализацию экономики и экономический рост [5]. Компании, «избирательно адаптирующие инновации», как правило фокусируются на повышении своей эффективности и снижении издержек. В то же время компании-«новаторы» находятся в поиске новых источников роста бизнеса [7].

Загрузка производственных мощностей металлургических компаний в мире в 2013 г. в среднем составила 78,1% [12]. Следовательно, на стальном рынке на текущий момент существует 450 млн т невостребованных производственных мощностей, или 28% от всего объема мирового производства за этот период. Это сопоставимо с совокупным объемом Японии, США, Индии и России. Ситуация избытка предложения создает давление на цены производителей по всему миру, что ведет к усилению и без того достаточно высокой конкуренции на рынке стали. Ситуация обусловлена высокой степенью фрагментации отрасли (среди производителей стали доля самого крупного игрока $\leq 6\%$, а совокупная доля пяти крупнейших компаний $< 17\%$) [11].

В такой ситуации общей тенденцией для производителей стали является запуск программ повышения эффективности производственного процесса с целью снижения себестоимости продукции. Кроме того, часть производителей реализует стратегию «нишевого» развития для создания и продвижения продукции с высокой добавленной стоимостью. В цепочке создания стоимости они стараются быть ближе к конечному пользователю. Это позволяет повысить доходность бизнеса в продукции с низкой добавленной стоимостью и получать значительную премию в сегменте нишевых продуктов [8].

Рассматривая структуру российского нетто-экспорта, следует обратить внимание, что металлургические компании экспортируют в основном продукцию с низкой добавленной стоимостью – чугуны, слябы, горячекатаный прокат. При этом продукты с высокой добавленной стоимостью, т. е. оцинкованный прокат и прокат с полимерным покрытием, пользуются высоким спросом и на внутреннем рынке (рис. 2) [2].

С точки зрения темпов роста потребления стали, российский рынок является одним из наиболее динамично растущих как в недавнем прошлом, так и в среднесрочной перспективе, в отличие от рынков экономически более развитых стран и КНР (рис. 3) [1].

Для удовлетворения растущего спроса на продукцию с высокой добавленной стоимостью, а также сохранения конкурентных позиций на внутреннем рынке необходимо интенсивное инновационное

Рис. 2. Нетто-экспорт отдельных видов продукции черной металлургии в России

Источник: ОАО «ММК».

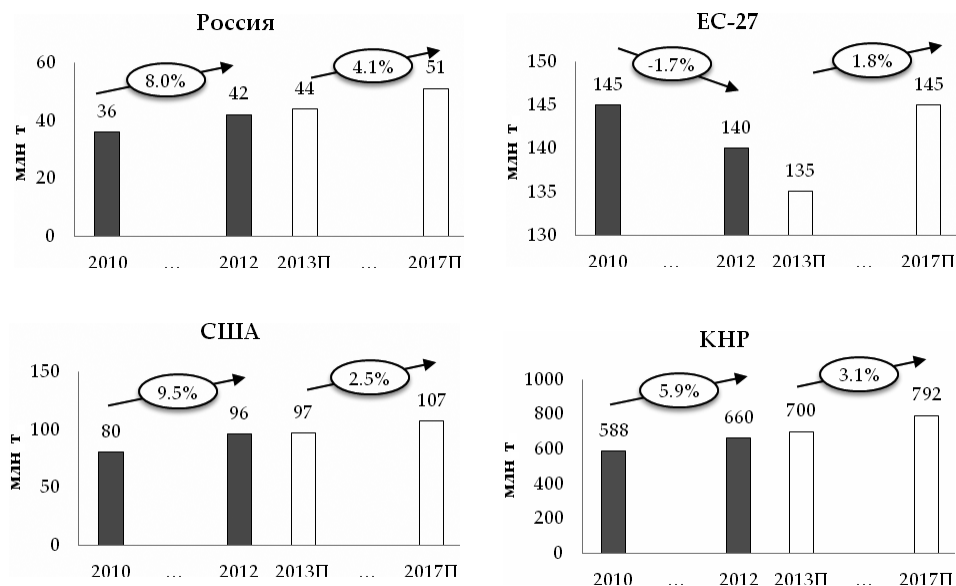

Рис. 3. Видимое потребление стали в России, США, КНР и ЕС – 27.

Источник: ОАО «Северсталь».

развитие российских металлургических компаний⁴. За последние 5 лет инвестиции в этих компаниях в нематериальные активы, т. е. в НИОКР и подготовку кадров, насчитывали $\leq 5\%$ от выручки (по данным МСФО за 2009–2013 гг.). При этом рост этих инвестиций остается на уровне 1–3% для разных компаний. Это обусловлено значительным объемом инвестиций металлургических компаний, направлен-

⁴ Стратегия развития металлургической промышленности до 2020 года [Электронный ресурс]: Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 18.03.2009 г. № 150. <http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral/2>.

ных на поддержание и обновление устаревших основных фондов, развитие сопутствующей инфраструктуры и повышение энергоэффективности.

Одной из основных причин, препятствующих инвестированию российскими металлургическими предприятиями в инновационное развитие, являются трудности при разработке и оценке потенциала коммерциализации инновационных продуктов и ОИС. Это повышает риски инвестирования в инновационные проекты и, следовательно, увеличивает стоимость их реализации [6]. Одним из инструментов снижения риска является прямое или косвенное участие государства на всех этапах разработки и продвижения инновационных продуктов [5]. Существует ряд механизмов, позволяющих создать необходимые условия для инновационного развития бизнеса. К их числу относятся:

1) создание условий для долгосрочного финансирования предприятий, а также снижение стоимости кредитования за счет субсидирования процентных ставок из средств федерального бюджета; создание регионально-отраслевых кластеров для объединения предприятий в сквозные технологические циклы, которые будут ресурсно- и энергоэффективны на всех этапах производства;

2) совершенствование амортизационной политики, которая позволила бы увеличить инвестиции в обновление основных фондов и технологическую амортизацию, а также системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для высокотехнологичных предприятий;

3) использование механизмов налогового стимулирования для предприятий, осуществляющих модернизацию и развитие инновационных продуктов и технологий.

Для снижения рисков инвестирования в инновационные продукты и ОИС на этапе разработки научно-исследовательские работы могут быть организованы в форме государственно-частного партнерства. На первичном этапе инвестирования может быть оказана государственная поддержка в виде инвестиционного налогового кредита.

Существует ряд стратегий инновационного развития отраслей.

Во-первых, стратегия лидерства в инновационном развитии, предполагающая наличие в стране развитой инфраструктуры для разработки и внедрения инновационных продуктов, доступное финансирование научно-исследовательской деятельности, успешную коммерциализацию инновационных продуктов.

Во-вторых, стратегия догоняющего развития, предполагающая заимствование технологий производителей из других стран. Такая стратегия позволяет снизить риски инвестирования и в некоторой степени гарантировать экономический эффект, а также сократить время

от момента внедрения инновационного продукта до получения экономического эффекта от него.

Второй тип стратегии был особенно характерен для металлургической отрасли в первой половине XX в. Стратегия реализовывалась как обмен лучшими практиками, переманивание специалистов, покупка лицензий на технологии. Такой подход был связан прежде всего со стабильностью мировой стальной отрасли, когда мощности по производству стали находились в дефиците и спрос стабильно превышал предложение. Это заставляло руководство металлургических компаний использовать производственные показатели как ключевые показатели эффективности. Шли процессы постоянного наращивания мощностей по всем металлургическим переделам. В итоге мировое предложение превысило спрос, и наметился первый кризис перепроизводства. Руководство металлургических компаний сосредоточилось на экономических показателях эффективности. Это привело в дальнейшем к сокращению неэффективных мощностей, отделению бизнес-процессов из производства и к сокращению численности сотрудников. На мировом рынке производства стали появились признаки отраслевой «дисциплины» (которая поддерживалась также государством с помощью введения защитных торговых мер и барьеров).

Переизбыток мощностей создает определенное давление на цены и возможность реализации продукции с низкой добавленной стоимостью, металлургические компании вынуждены увеличивать инвестирование в инновационные продукты. Процесс инвестирования сопряжен с рисками несоблюдения сроков обновления оборудования, изменения конечных производственных и качественных показателей продукции, превышения объемов необходимых инвестиций, ухудшения показателей рентабельности вследствие превышения периода выхода на полную мощность. Эти риски привели к тому, что инвестирование в инновационные продукты стало высокозатратным (рис. 4).

Стратегии инвестирования металлургических компаний в инновации условно можно подразделить на три типа: специализированные и диверсифицированные производители и последователи. Существует «промежуточный» тип, когда компания инвестирует в заполнение рыночных ниш, где нет конкурентов. Характерной чертой инвестирования для первого типа компаний является инвестирование в уникальные, присущие только для их ниши инновационные продукты и ОИС.

Для второго типа характерно инвестирование в различные нишевые продукты, а третий тип компаний инвестирует в уже разработанные продукты. Примечательно, что первый и второй типы стратегии могут реализовывать только достаточно крупные компании со значительными финансовыми и человеческими ресурсами. Небольшие компании выбирают преимущественно третий тип стратегии, что позво-

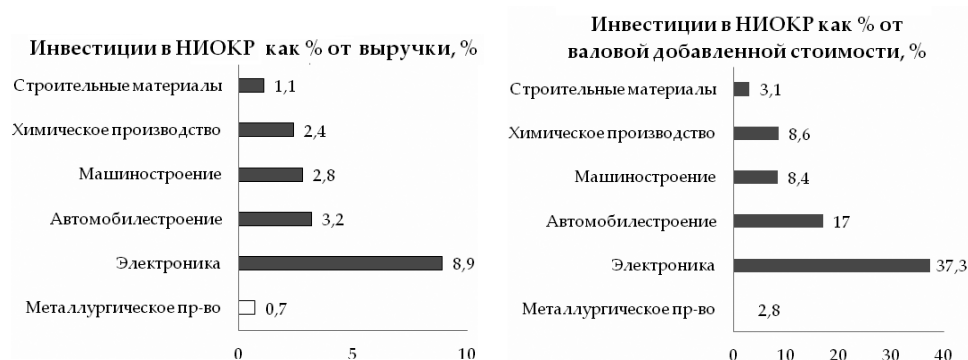

Рис. 4. Инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки по видам деятельности

Источник: BCG «Report: Flexibility and Innovation».

ляет им снизить стоимость инвестирования за счет снижения риска некоммерциализации разработок. По данным исследования компании BCG, за период 2005–2009 гг. рост количества патентов, оформленных компаниями третьего типа, был выше, чем у компаний первого и второго типов [7] (рис. 5).

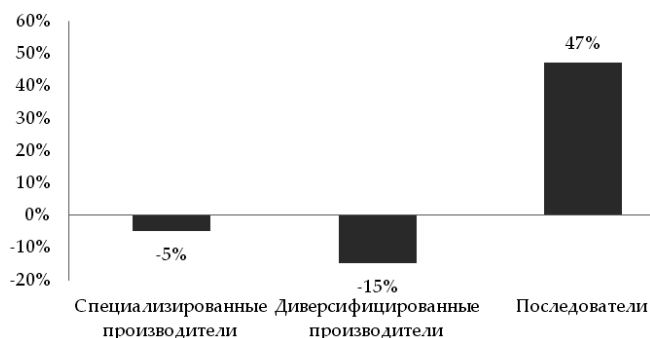

Рис. 5. Среднегодовой темп роста количества зарегистрированных патентов в 2005–2009 гг.

Источник: BCG «Report: Flexibility and Innovation».

Для поддержания конкурентоспособности специализированные производители сосредотачиваются на увеличении количества ниш, т. е. трансформируются в диверсифицированных производителей.

Как показывает практика, существуют альтернативные способы снижения рисков инвестирования в инновационные продукты и ОИС. Их могут брать на себя производители металлургического оборудования [6], которые проводят исследования и участвуют в разработке инновационных продуктов и ОИС, предварительно изготавливают и тестируют необходимое оборудование на своих производственных

мощностях. Благодаря возможности компьютерного моделирования технологических процессов и их результатов, а также проведения технологических экспериментов в лабораториях, производители оборудования снижают стоимость НИОКР для металлургических производителей, включая большую ее часть в собственные затраты.

Итак, на сегодняшний день мировая металлургическая отрасль находится под давлением низкой загрузки производственных мощностей, что приводит к серьезной конкуренции среди металлургических компаний и к снижению их рентабельности. Ослабевший спрос заставляет их обращать внимание на процессы повышения внутренней эффективности и поиск новых продуктовых ниш. Получение премии от производства продуктов с высокой добавленной стоимостью требует дополнительного инвестирования в инновационные продукты и ОИС.

Такие инвестиции сопряжены с рядом рисков: сложность и высокая стоимость разработок новых продуктов, низкая рентабельность продукта при значительном объеме инвестирования, высокая стоимость финансирования инвестиций в инновационные продукты и ОИС, заимствование разработок конкурентами, что приводит к снижению рентабельности инвестиций и потере текущей и потенциальной рыночной доли. Существует ряд механизмов, позволяющих снизить эти риски. Государство может использовать стимулирующие экономические инструменты в таможенной, налоговой и бюджетной политике, а также создавать необходимую инфраструктуру для снижения рисков разработки и коммерциализации инновационных продуктов. Подобные стимулирующие меры могут привести к снижению стоимости финансирования инвестиций в инновационные продукты и ОИС. Кроме того, на практике существуют примеры совместного партнерства металлургических компаний и производителей оборудования для производства продуктов с высокой добавленной стоимостью. Подобные партнерства приводят к снижению операционных рисков инвестирования (увеличение сроков строительства, снижение качества конечного продукта) и снижению риска переинвестирования.

Литература

1. Северсталь. День инвестора / ОАО «Северсталь». 2013. http://www.severstal.com/files/11450/CMD%20presentation%20FINAL_RU.pdf.
2. Презентация для инвесторов 2013 г. / ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат». 2013. <http://mmk.ru/upload/iblock/c5c/Presentation%20-%20Eng.pdf>.
3. Бакатина Д., Дювьесар Ж-П., Клинцов В., Крогманн К., Ремес Я., Солженицын Е., Швакман И. McKinsey Global Institute: Эффективная Россия. Производительность как фундамент роста.

4. Игнатенко Т., Лобада М. Стальные окна роста. «Металлоснабжение и сбыт» // Коммерсантъ. М., 2013. <http://www.kommersant.ru/doc/2198152>.
5. Нестерова А.В. Развитие экономического механизма управления повышением инновационной активности предприятий металлургической промышленности: дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.
6. Шилов А.А. Инновационная экономика: наука, государство, бизнес // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 127–137.
7. Управление инвестиционными и инновационными программами для российских компаний с государственным участием. Прайсвогтер-хаусКуперс Раша Б.В. 2013. <http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/201304-IRD-club.pdf>.
8. Childs P.D. Triantis A.J. Dynamic R&D Investment Policies / Childs P.D. Triantis A.J. // Management Science. Lexington, 1999. Vol. 45. № 10. P. 1359–1377.
9. Pisano G.P. Creating and R&D strategy. Cambridge: Harvard Business School, 2012.
10. Hamada N. Strategy on research and development at Nippon Steel Corporation // Nippon Steel Technical Report. Chiba. 2012. № 10.
11. Cornell University, INSEAD, and WIPO (2013): The Global Innovation Index 2013: The local dynamics of innovation. Geneva. Ithaca and Fontenbleau. World Steel Association. World crude steel output increases by 3.5% in 2013. Press release. 2014. Access mode: <http://www.world-steel.org/media-centre/press-releases/2014/World-crude-steel-output-increases-by-3-5--in-2013.html>.

Е.Е. NALESNAYA

postgraduate student, junior research fellow of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, ekaterinakolesnik@gmail.com

APPROACHES TO STRATEGIC RISK MANAGEMENT OF INVESTMENT IN INNOVATIVE PRODUCTS AND INTELLECTUAL PROPERTY IN METALLURGICAL BRANCH

The paper observes risks of investments into intellectual property products in steelmaking industry and the risk management tools. There were analyzed prerequisites of innovative development tendency origination in steelmaking industry in the paper. The author shows existing trends in development of investment strategy into intellectual property products for different types of companies. The paper illustrates practical examples applied by steel-making companies of investment risks' reduction into intellectual property products.

Keywords: *intellectual property, R&D, innovative development, value added, steelmaking industry, risk management, investment risk, strategy.*

JEL: L160, L210, O320, O340.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ
кандидат экономических наук,
ученый секретарь Института экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН В 2014 ГОДУ

В 2014 г. Институт экономики проводил исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. по пяти научным направлениям: «Теоретическая экономика», «Экономическая политика», «Институты современной экономики и инновационное развитие», «Международные экономические и политические исследования», «Международная макроэкономика».

Научные исследования велись по 16 темам в рамках базового бюджетного финансирования. Институт экономики принимал участие в фундаментальных программах Президиума РАН («Аналитическое и информационное обеспечение деятельности РАН», «Прогноз потенциала инновационной индустриализации России», «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал») и Отделения общественных наук РАН («Модернизация и экономическая безопасность Российской Федерации»), а также проводил исследования по грантам РГНФ и РФФИ.

Основные результаты научной деятельности

81. Исследование динамики соотношения глобального и национального в социально-экономическом развитии и оптимизация участия России в процессах региональной и глобальной интеграции

В томе III «Россия в глобальном мире» коллективной монографии ИЭ РАН «*Urbi et Orbi*» (Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна // СПб.: Алетейя, 2014) представлены результаты исследований внешних – экономических и политических – факторов развития российской

экономики. Анализируются различные форматы взаимодействия России с внешним миром, в частности, интеграционные образования на евразийском континенте, феномен БРИКС и др. Исследуются актуальные проблемы развития государств российского «пояса соседства», потенциал и риски сотрудничества с ними для России.

В монографии Б.А. Хейфеца *«Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций»* (М.: ИТК «Дашков и К°», 2014) исследуется широкий круг вопросов активизации инвестиционного сотрудничества стран БРИКС, дающий синергетический эффект. Рассматривается политика отдельных стран БРИКС в отношении иностранных инвестиций и их положение в мировых трансграничных инвестиционных потоках. Предлагаются некоторые конкретные направления совершенствования экономической политики России во взаимоотношениях с государствами БРИКС. Впервые в научной литературе поставлен вопрос о создании зоны свободных инвестиций БРИКС, которая позволила бы добиться существенного роста взаимных инвестиций.

В коллективной монографии *«Российский Дальний Восток: стратегия развития в XXI веке»* (Отв. ред. Л.А. Аносова // М: ИЭ РАН, 2014) содержится комплексный анализ экономики и внешнеэкономических связей субъектов Дальневосточного федерального округа и Забайкальского региона. Исследовано состояние приграничного сотрудничества сопредельных районов российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая. Рассмотрены внешнеэкономические отношения России со странами российского пояса соседства в АТР. Проанализированы меры по оказанию внушительной государственной поддержки Дальнему Востоку как основному национальному приоритету Российской Федерации в XXI веке.

В коллективной монографии *«Внешние шоки для экономики и денежно-кредитной системы России и Беларуси: последствия и пути преодоления»* (Отв. ред. В.К. Бурлачков, М.Ю. Головнин // М.:ИЭ РАН, 2014) рассматриваются ключевые внешние шоки для российской и белорусской экономики в 2008–2014 гг. Показано их воздействие на национальные экономики двух стран, включая их структуру. Анализируются изменения во внешнеэкономических связях России и Беларуси на этапе создания и формирования Таможенного союза. Оценены эффекты взаимного воздействия двух национальных экономик и предложены меры по дальнейшему совместному проведению структурной модернизации в рамках создаваемого Евразийского экономического союза.

В коллективной монографии *«Социально-экономическое развитие России и Украины: противоречия и комплементарность»* (Под. ред. Р.С. Гринберга, В.М. Гееца // М.: ИЭ РАН, 2014) исследуются проблемы эффективного поиска и перехода на новую модель развития России и Укра-

ины путем консолидации усилий и совместной разработки программ эффективного сотрудничества в контексте использования преимуществ исторической и структурной близости российской и украинской экономики с учетом дисбалансов и противоречий экономического развития двух стран и использования факторов комплементарности для обеспечения преимуществ в экономическом росте.

В коллективной монографии *«Польша и Россия: интеграция – важнейший тренд современного социального и экономического развития»* (Отв. ред. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова // М.: ИЭ РАН, 2014) рассматриваются различные стороны внутривосточного и межвосточного интеграционного сотрудничества. На основе исследований польских и российских ученых анализируются проблемы, противоречия и сложности интеграционных процессов в каждой из стран и между странами, формы и механизмы межвосточных отношений в современных условиях и возможные направления развития этих процессов в перспективе.

Перспективам экономического восстановления в странах ЦВЕ и развития экономического сотрудничества с ними России посвящена коллективная монография *«Центрально-Восточная Европа: из кризиса в депрессию?»* (Отв. ред. Н.В. Куликова // М.: ИЭ РАН, 2014). Показано влияние текущего экономического положения на занятость, доходы и другие показатели уровня жизни населения. Наряду с внешними факторами рассмотрены внутренние причины затяжной экономической рецессии или стагнации в большинстве стран ЦВЕ, освещены основные структурные проблемы их экономики.

В сборнике научных трудов *«Внеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции»* (Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин // М.: ИЭ РАН, 2014) рассматриваются вопросы динамики внешнеэкономических связей постсоветских стран с акцентом на их пространственную структуру. Проведено сопоставление интеграционных приоритетов и тенденций в развитии внешнеэкономических связей; дан анализ влияния внешнеэкономических связей на экономическое развитие, а также количественная оценка комплементарности экономик исследуемых стран и их партнеров на двустороннем уровне и в рамках интеграционных объединений.

Сборник научных трудов *«Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах»* (Отв. ред. Л.Б. Вардомский // М.: ИЭ РАН, 2014) посвящен анализу влияния процессов регионализации внешнеэкономических связей на развитие российского и соседних с ним пространств. Особое внимание уделено анализу формирования международных регионов, имеющих как формальный, так и неформальный характер, на уровне стран и их районов, а также анализу взаимосвязи между уровнем межгосударственных взаимодействий и формирова-

нием межгосударственных субрегиональных образований на примере приграничных регионов.

В докладе С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой, И.С. Сенициной «Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады Института экономики РАН», 2014) предпринята попытка подвести некоторые итоги 10 лет, прошедших со времени вступления в ЕС первой группы стран ЦВЕ, в частности, оценить потенциал интеграционной модели роста, фактически predetermined членством в Евросоюзе. Особую актуальность доклад приобретает ввиду активизации усилий ЕС по расширению зоны своего политического и экономического влияния на постсоветские страны.

82. Разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов)

В томе II «Экономическая политика» коллективной монографии ИЭ РАН «*Urbi et Orbi*» (Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна // СПб.: Алтейя, 2014) на основе анализа результатов социально-экономических процессов, развивавшихся в период 2000-х годов обосновывается необходимость перехода к новой социально-экономической политике. Предлагается комплекс мер по изменению структуры реального сектора экономики, ориентиров социального развития, системы финансовых и денежно-кредитных отношений, институциональной сферы, обеспечивающих устойчивое развитие российской экономики.

В коллективной монографии «Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы» (Отв. ред. Е.М. Бухвальд, И.В. Караваева // М.: ИЭ РАН, 2014) исследуется развитие экономико-правовых основ российского местного самоуправления в процессе разработки и реализации начавшейся в 2003 г. муниципальной реформы в РФ. Анализируются вопросы формирования и укрепления экономической, прежде всего финансово-бюджетной базы системы муниципального управления. Анализ реформирования экономико-правовых основ российского местного самоуправления дополняется рассмотрением сущности местного самоуправления как института современного гражданского общества.

В сборнике научных трудов «Экономические, организационные и управленческие механизмы стимулирования новой индустриализации в России» (Под ред. Е.Б. Ленчук // М.: ИЭ РАН, 2014) рассматриваются проблемы формирования организационных, экономических и управленческих механизмов стимулирования процессов техно-

логической модернизации и инновационного развития в России. Анализируются основные требования к новой промышленной политике как государственной системе законодательного, финансового, институционального и кадрового обеспечения этого процесса, оценивается эффективность действующих институтов развития инновационной экономики, предлагаются конкретные методологические подходы и практические рекомендации по повышению эффективности их деятельности.

85. Развитие методологии макроэкономических измерений

В томе I «Теоретическая экономика» коллективной монографии ИЭ РАН «*Urbi et Orbi*» (Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна // СПб.: Алетейя, 2014) представлены: историческое направление исследований, охватывающее российскую традицию экономического анализа и экономическую историю реформ в Древней Греции и Риме; онтологические и методологические проблемы экономической науки (в том числе анализ основных предпосылок современной экономической теории); ряд специальных экономических теорий (в том числе рассмотрен современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей).

В докладе А.Я. Рубинштейна «Методологический анализ теории опекаемых благ» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады Института экономики РАН», 2014) рассмотрены некоторые модификации двух принципов австрийской школы – методологического субъективизма и методологического индивидуализма, а также стандартной аксиомы гомогенности экономических агентов, составляющие основу ряда теорий, обосновывающих государственную активность.

В докладе Г.Д. Гловели «Историзм в российской политической экономике: рецепции и новации» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады Института экономики РАН», 2014) дана сводная характеристика историзма в российской политэкономии досоветского периода в связи с обоснованием «среднего пути» в экономике. Подчеркнут вклад российских экономистов в дискуссии о сходстве либо различии российского и западного пути развития и в концепции стадий экономической эволюции. Показаны новаторские интерпретации историзма представителями русского эксмарксизма и русской аграрноэволюционной школы.

В монографии М.И. Воейкова «Политическая экономия: очерки и этюды» (СПб.: Алетейя, 2014) рассмотрены традиционные категории и проблемы, ставшие предметом изучения политической экономии (политическая экономия труда, политическая экономия и проблема классов); исследованы дискуссионные вопросы политиче-

ской экономии; поставлена проблема отмены политической экономии и ее возрождения.

Сборник научных трудов «Экономические реформы в России и за рубежом». История мировой экономики. Выпуск 3. (Отв. ред. Ю.П. Бокарев // М.: ИЭ РАН, 2014) посвящен теории и практике экономических реформ в России и мире. В сборник вошли статьи о реформе в Министерстве финансов России 1860–70-х годов, об использовании польского опыта при реформировании Государственного банка Российской империи, о крестьянском землепользовании в Западной Европе и в России XIX – начала XX вв., о последствиях реформ 1990-х годов для черной металлургии Урала и др.

В докладе И.С. Букиной, В.Е. Маневича «Теоретические основы эконометрического моделирования российской экономики. Инвестиционная функция» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады Института экономики РАН», 2014) представлен краткий анализ развития макроэконометрического моделирования, начиная с моделей Тинбергена и Клейна. Наряду с моделями, базирующимися, в основном на кейнсианской теории (Брукингская модель, модель Андо и Модильяни), дан критический анализ модели FRB/US, основанной на формализации ожиданий. Авторами представлена оцененная и тестированная инвестиционная функция в российской экономике.

В монографии А.Г. Наговицина «Утечка капитала и инновационная модель развития России» (М.: ИЭ РАН, 2014) рассматриваются проблемы обеспечения инновационной модели развития в условиях крупномасштабного исхода капитала сквозь призму предложенной автором триады: «Утечка капитала – предпринимательство – инновационная модель развития». Анализируются основные факторы: либерализация законодательства, материально-техническая база и структура утечки капитала, отсутствие благоприятного предпринимательского климата внутри страны, становление «чиновниче-коррупцированного сословия». Предлагаются пути вывода России из сложившегося положения.

Коллективная монография «Внешекономическое измерение новой индустриализации России» (Под общ. ред. Е.Б. Ленчук //СПб.: Алетейя, 2015) посвящена проблемам активизации внешнеэкономического фактора в решении задач технологической модернизации и инновационного развития России. Авторы рассматривают основные направления инвестиционно-технологического взаимодействия: на постсоветском и европейском пространстве, с США и странами БРИКС; анализируют сложившуюся модель развития торгово-экономических и научно-технических связей с каждым из этих регионов, определяют перспективные направления развития торговли, инвестиционного и научно-технического сотрудничества в контексте развития партнерства для модернизации и новой индустриализации.

В коллективной монографии «Преодоление деструктивных тенденций в государственном управлении» (Под ред. А.Г. Зельднера, Р.А. Халтурина // М.: ИЭ РАН, 2014) рассматриваются деструктивные тенденции государственного управления и пути их преодоления. Исследуется специфика управления государственной собственностью, особыми экономическими зонами, государственными закупками. Выявлены проблемы модернизации отраслей народного хозяйства и обеспечения национальной конкурентоспособности. Даны предложения по преодолению деструктивных тенденций системы государственного управления.

Коллективная монография «Управление закупками в инновационной экономике: вопросы теории и практики» (Под ред. И.И. Смотрицкой // М.: ИЭ РАН, 2014) посвящена проблеме повышения качества управления общественными закупками в российской экономике на современном этапе. В работе раскрывается сущность нового методологического подхода к организации управления в инновационной экономике, исследуются институциональные условия и возникающие практические проблемы внедрения управленческих и институциональных новаций в сферу закупок товаров, работ, услуг для обеспечения общественных нужд и повышения инновационной активности закупок.

В сборнике научных трудов «Роль институтов развития в привлечении частных инвестиций» (Под ред. А.Г.Зельднера, Р.А.Халтурина // М.: ИЭ РАН, 2014) рассматриваются теоретические и методологические проблемы формирования и функционирования институтов развития в России. Анализируются факторы, сдерживающие приток частных инвестиций в развитие концессий и причины низкой инвестиционной привлекательности особых экономических зон, рассматриваются формы и модели государственно-частного партнерства (ГЧП), способствующие привлечению инвестиций в воспроизводственный процесс.

В сборнике научных трудов «Институциональная среда российской конкуренции: преодоление структурно-дисфункциональных стереотипов в государственном управлении» (Под ред. А.Е. Городецкого, И.Р. Курнышевой // М.: ИЭ РАН, 2014) анализируются основные результаты проводимой в стране конкурентной и антимонопольной деятельности и наиболее значимые тенденции и направления развития конкурентных отношений. Систематизированы барьеры входа на рынки для новых хозяйствующих субъектов; выявлены болевые точки и узкие места, мешающие развитию цивилизованного делового климата. Предложена система рекомендаций и мер, способствующих преодолению структурно-дисфункциональных стереотипов в государственном управлении.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институт экономики провел (в том числе совместно с другими организациями) ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Московский экономический форум (26–27 марта, совместно с МГУ им. М.В. Ломоносова).
- Научно-практическая конференция «Институты развития в привлечении частных инвестиций» (Москва, апрель, совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ).
- Международная научная конференция «Пути и проблемы развития России и Китая» (Москва, 1–2 октября, совместно с Московской школой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова).
- V Всероссийская научно-практическая конференция «Принципы и механизмы формирования национальной инновационной системы в РФ» (Дубна, 1–2 октября, совместно с Министерством экономического развития РФ, Правительством Московской области, ЦЭМИ РАН, Российским экономическим университетом им. Г.В. Плеханова и др.).
- Ежегодная конференция Новой экономической ассоциации «Культура в фокусе научных исследований. Памяти Б.Ю. Сорочкина» (Москва, 11–12 ноября, совместно с ГИИ Министерства культуры РФ и Новой экономической ассоциацией).
- IX Кондратьевская конференция «Новая модель экономического роста: теоретические конструкции и реальная политика» и XXII Кондратьевские чтения (Москва, 11–12 ноября, совместно с Международным фондом им. Н.Д. Кондратьева).
- Международный научный семинар «Обновление демократического левого проекта: концептуальные подходы» (Москва, октябрь, совместно с Фондом Ф. Эберта и журналом «Альтернативы»).
- Ежегодная научная конференция молодых ученых «Трансформации в глобальной экономике: вызовы для России» (Москва, ноябрь).

Круглые столы:

- «Украинский кризис и политика России» (февраль).
- «Украинский кризис и перспективы российско-украинских отношений» (апрель).
- «Перспективы развития политической ситуации на Украине» (июнь).

- «Перспективы развития социально-экономической и политической ситуации на Украине» (сентябрь).
- «Современные проблемы управления в наследии Б.З. Мильнера» (октябрь).
- «Экономические и международно-политические последствия украинского кризиса» (ноябрь, совместно с Ассоциацией «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы»).
- «Пространственное развитие России в условиях экономических санкций и других текущих ограничений» (ноябрь, совместно с Ассоциацией «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы»).
- «Какой общественный строй нужен России» (к 115-летию В.Г. Венжера, ноябрь).

В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. д.ф.н. А.Я. Рубинштейн), «Современные проблемы институционально-эволюционной теории» (рук. – академик РАН В.И. Маевский, д.с.н. С.Г. Кирдина), «Экономическая теория марксизма и современность» (рук. – член-корр. РАН В.А. Медведев), «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем» (рук. – д.и.н. Ю.П. Бокарев), «Теория и практика экономических реформ» (рук. – д.и.н. Ю.П. Бокарев), «Институциональная теория и ее приложения» (рук. – д.э.н. О.С. Сухарев), «Методология анализа на основе системы национальных счетов и ее практическое применение» (рук. – д.э.н. Погосов И.А.), семинар молодых ученых по международным экономическим и политическим исследованиям (рук. – д.э.н. М.Ю. Головин, к.э.н. А.Г. Пылин, к.э.н. Д.И. Ушкалова).

Работа научных советов

В 2014 году состоялось 8 заседаний Ученого совета института. Были обсуждены следующие научные доклады:

- Д.э.н. Ю.К. Князев «Об исходных предпосылках исследования современной экономики»;
- Д.э.н. Д.Н.. Карпухин «Достижение достойного труда при создании и модернизации рабочих мест»;
- Академик РАН И.Г. Ушачев «Аграрные проблемы современной России»;
- Д.э.н. И.И. Смотрицкая «Контрактная система закупок в российской экономике: перспективы и ограничения развития»;
- «Факторы экономической динамики и денежно-финансовая политика в России (1 полугодие 2014 года)». Докл. – д.э.н. В.Е. Маневич;

- «Политика регионального развития как инструмент преодоления стагнации и обеспечения инновационного развития экономики». Докл. – д.э.н. Е.М. Бухвальд;
- «Влияние экономической динамики стран – соседей России на российскую экономику». Докл. – д.э.н. М.Ю. Головин.

Активно работали Ученые советы научных направлений, на заседаниях которых в 2014 г. обсуждено более 20 научных докладов.

Издательская деятельность

В 2014 г. Институтом экономики издано более 50 научных трудов (монографий, брошюр, сборников, научных докладов) общим объемом более 600 п.л. Продолжалось издание научных журналов «Вестник Института экономики РАН», «Мир перемен», «Федерализм», а также «Вестника научной информации ИЭ РАН».

Международное сотрудничество

В 2014 г. Институт экономики продолжал международное сотрудничество с зарубежными партнерами на основе следующих двусторонних межинститутских долгосрочных соглашений:

- Меморандум о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Национальной Академией экономической стратегии КАОН (НАЭС КАОН);
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом политических исследований ПАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом развития села и сельского хозяйства ПАН;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Экономическим университетом г. Познань;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Экономическим университетом в Братиславе (Словацкая Республика);
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и АО «Институт экономических исследований Министерства экономического развития и торговли» Республики Казахстан;
- Соглашение о научном сотрудничестве между ИЭ РАН и Институтом экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан;
- Договор о научно-техническом сотрудничестве между ИЭ РАН и Центром исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины (ЦИПИ НАН Украины).

Ученые ИЭ РАН активно участвовали в международных симпозиумах, форумах, конгрессах, конференциях, семинарах, организованных зарубежными научными центрами, международными организациями зарубежных стран.

А.В. КОЛЬЧУГИНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики РАН

МАЛЫЕ ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В г. Тамбове 18 сентября 2014 г. прошла Всероссийская конференция «Малые города: проблемы и перспективы социально-экономического развития». Данная конференция состоялась в рамках реализации программы подготовки к 250-летию Вольного экономического общества (ВЭО) России. Организаторами конференции выступили: Вольное экономическое общество России, Администрация Тамбовской области, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Институт экономики РАН, Союз малых городов России.

В работе конференции приняли участие ведущие эксперты, авторитетные ученые, представители федеральных и региональных органов государственной власти, руководители муниципалитетов, ряда малых городов Российской Федерации. В конференции также участвовали представители общественных организаций и образовательного сообщества, в том числе студенты и аспиранты. Всего в конференции приняло участие более 200 человек из 36 городов России. Доклады участников конференции были посвящены как общим проблемам дальнейшего развития малых городов России, так и конкретному опыту и практикам управления городскими муниципальными образованиями. Основными темами для дискуссий стали проблемы малых городов, пути их практического разрешения, необходимость формирования отдельного направления государственной политики развития малых городов, средних городов и поселков городского типа, являющихся основой экономической и социальной стабильности России.

Модератором конференции выступил Дмитрий Евгеньевич Сорокин, член Президиума ВЭО России, проректор по науке ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ», председатель Научно-практического совета ВЭО России, председатель Коор-

динационного Совета Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН.

Виктор Наумович Красильников (Первый вице-президент ВЭО России, Первый вице-президент и генеральный директор Международного Союза экономистов, Первый вице-президент, академик Международной Академии менеджмента, академик РАЕН) сказал приветственное слово от Вольного экономического общества. В своем выступлении В.Н. Красильников подчеркнул актуальность и серьезность проблемы, которой посвящена данная конференция.

Владислав Михайлович Юрьев (Ректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения ВЭО России) в своем приветственном слове участникам конференции также подчеркнул, что проблемы дальнейшего развития малых городов Российской Федерации являются крайне актуальными. Докладчик сказал, что «когда мы наблюдаем два образа жизни: в малых городах и в Москве, то вспоминается поговорка XVI в. «В Москве недорода хлебу не бывает». Также он отметил что «без малых городов, без сельских поселений России не будет Державы. А Держава нам необходима – нам нужна сильная Россия для стабильного будущего наших детей». Одной из главных проблем малых городов является недостаточность рабочих мест. По данным докладчика, в ряде малых городов области около 30% занятого населения имеет лишь сезонную работу.

Сергей Петрович Юхачев (начальник Управления экономической политики администрации Тамбовской области) в своем приветствии подчеркнул, что малые города – особая инфраструктура, в которой существуют специфические сложности хозяйственно-экономической деятельности. Выступающий рассказал аудитории о развитии практики стратегического планирования в Тамбовской области. Он озвучил следующую статистику: в Тамбовской области из семи городов областного подчинения пять относятся к категории малых с численностью менее 50 тыс. человек, и в них проживает (без учета сельской местности, которая инфраструктурно тесно взаимодействует с этими городами) почти 15% от численности постоянного населения Тамбовского региона.

Роль малых городов в экономике области пока еще невелика. Удельный вес малых городов области в общеобластных показателях: по территории – 0,3%; обороту организаций по хозяйственным видам экономической деятельности – 8% (Тамбов – 52,7%); по объему отгруженных товаров, работ (услуг) в обрабатывающих производствах – 13,5% (Тамбов – 48,3%); вводу в действие общей площади жилых домов – 10,8% (Тамбов – 47,6%); обороту розничной торговли – 13,2% (Тамбов – 54,4%); объему платных услуг населения – 2,7% (85,0%).

Программную часть конференции открыл Президент Союза малых городов России Е.М. Марков. В своем выступлении он проанализировал наиболее значимые проблемы малых городов, в числе которых недостаточность квалифицированных кадров для развития современного производства, и предложил участникам конференции рассмотреть ряд из них, в частности:

- создание на федеральном уровне межведомственной государственно-общественной рабочей группы для разрешения экономических проблем малых городов;
- разработка Федеральной целевой программы по модернизации малых городов;
- субсидирование модернизации производства в малых городах;
- совершенствование налогового законодательства, введение для предприятий в малых городах льгот по налогу на прибыль.

Е.М. Марков в своем выступлении подчеркнул, что многие малые города так и не смогли выйти из экономического кризиса, который для них оказался очень тяжелым. Однако докладчик видит будущее развитие России именно за малыми городами. Необходимо провести целый комплекс эффективных мер, в первую очередь разрешить проблему квалифицированных кадров, от нехватки которых страдает производство. Также необходимо найти выход из дисбаланса полномочий и средств, обусловленного на данном этапе 131-м ФЗ по местному самоуправлению. Докладчик отметил, что нужна программа модернизации малых городов, создание равных финансовых условий для больших и малых городов.

Заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН Е.М. Бухвальд посвятил свое выступление важности стратегического планирования и муниципальной реформы, которые являются основными институциональными предпосылками для возрождения малых городов России. Докладчик отметил, что из-за отсутствия необходимых документов стратегического планирования на федеральном уровне (особенно в части стратегирования пространственного развития и расселения) региональные и муниципальные стратегии, при всей их важности, не могут быть достаточно эффективным инструментом управления.

А.В. Кольчугина (ст.н.с. Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН) отметила особенности развития малых городов России, роль малых городов как своеобразных столиц сельских районов и даже целых регионов. «Они – своего рода средоточие жизни, «опорные точки» социально-экономического развития «своих» территорий, основное место расположения еще действующих промышленных предприятий, предприятий малого и среднего бизнеса, малые города также часто являются транспортно-

распределительными узлами территорий, и зачастую – единственные очаги здравоохранения, культуры и образования».

Опыт проведения муниципальной реформы, развитие местного самоуправления, взаимодействие общественных институтов в этом плане, конкретные проблемы формирования городской среды и их разрешение стали ключевыми аспектами выступления Главы г. Тамбова А.В. Кондратьева. Он подверг критике действующий 131-й ФЗ, который за 10 лет показал, что не способствует в должной степени развитию муниципалитетов. Докладчик подчеркнул необходимость нового закона о местном самоуправлении. В числе основных проблем г. Тамбова его глава назвал нехватку квалифицированных кадров, что связано с оттоком молодых и квалифицированных специалистов в столичные регионы, сложности с созданием новых рабочих мест, не оправдываются и надежды руководства на государственные заказы, прежде всего оборонные заказы, которые крайне малы. Основные направления развития города в дальнейшем связываются с такими направлениями, как развитие машиностроения, сферы услуг и торговли, переработки сельскохозяйственной продукции, рост инвестиций в строительную отрасль.

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», президент Академии менеджмента и бизнес-администрирования, академик Международной Академии менеджмента Ю.В. Якутин свой доклад посвятил важнейшей роли человеческого потенциала в дальнейшей судьбе малых городов. Он подчеркнул, что будущее развитие малых городов во многом зависит от инициатив и предпринимательства конкретных людей, населяющих их. Напомнив о том, что многие великие люди России, составляющие ее гордость, родом из малых городов России.

Директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осипов также обозначил в своем докладе то, насколько важна роль личности, человеческого капитала в решении вопросов малых и средних городов.

Особый интерес вызвали доклады представителей муниципальных органов власти. Так, глава администрации г. Кото夫ска А.М. Плахотников в своем докладе поделился опытом разрешения проблем социально-экономического развития моногорода Кото夫ск. В частности, он рассказал о росте промышленного производства в городе, активной работе малого бизнеса, отсутствии задолженности у города, успехах муниципальной власти в разрешении важных хозяйственных вопросов, таких как улучшение качества дорог, организации сбора и вывоза бытовых отходов. Вместе с тем город сталкивается с общими пробле-

мами для малых городов России, прежде всего демографическими. Так, все население города составляет 32 тыс. человек, в том числе треть (11 тыс. человек) – пенсионеры, 3,5 тыс. человек постоянно работают в областном центре – городе Тамбове. Но для успехов, достижения достигнутых городом (рост производства), важны те новации, которые взяли на вооружение муниципальные органы, такие как активизация работы с малым бизнесом, внедрение новых услуг, в частности, раздельный сбор мусора, открытость работы органов власти – планерки по важным коммунальным вопросам ведутся в прямом эфире. Организована в городе активная обратная связь с предпринимательским сообществом и населением.

Председатель Вяземского союза промышленников и предпринимателей Н.Д. Корнюшин обозначил необходимые меры по реализации промышленного потенциала г. Вязьмы. Он отметил, что город теряет основные производственные базы и совхозы, исчезает достояние региона – лен. Данный аспект был подчеркнут особо, т.к. географически ориентированные исторические промыслы, несмотря на глобализацию, а может быть, наоборот, благодаря ей, сейчас во всем мире набирают обороты. Большое значение приобретает и такое понятие, как «географическое указание», как охраняемый объект интеллектуальной собственности и средство индивидуализации товара, наряду с «товарным знаком», гарантирующим подлинность продукта, его особые свойства, качество и репутацию. Вместе с тем озабоченность представителей малых городов проблемами сел региона еще раз подчеркивает тот факт, что связь малых городов и окружающей их сельской территории глубока, и эта связь носит экономический характер.

И.И. Комарова (ст.н.с. отдела методологии природопользования Совета по изучению производительных сил) говорила в своем выступлении об экологических проблемах малого города. Вместе с тем докладчик привел и историографию российских городов центральных регионов России, их трансформацию во времени, когда значение города, численность населения в одних резко возрастала, а в других наоборот резко падала. Одновременно на примере Тамбовской области докладчик продемонстрировал как во времени на основе административных решений менялись и территориальные границы области. Интересен подход докладчика к типологии городов, где в качестве критериев, наряду с традиционными критериями (численность, административный статус), автор включил такой показатель, как динамика развития города на основе изменения численности населения. Это позволило автору выделить быстро растущие города, в которых численность населения за последние 10 лет увеличилось более чем на 10%; умеренно растущие города (рост численности на 2–10%); стабилизи-

рующиеся города, где численность населения не меняется; стагнирующие города, где отмечается уменьшение численности.

В своем докладе «Исторические особенности малых городов Тамбовской области» В.В. Канищев говорил о важности разностороннего развития каждого города и о применении системного подхода для всестороннего развития города, являющегося многофункциональным образованием.

А.Е. Куцерубов (доцент кафедры менеджмента и маркетинга ФГБОУ ВПО Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина) в своем докладе говорил о необходимости активации маркетинга территории малых городов. Он предложил использовать удачные примеры развития туризма в городах Мышкин и Великий Устюг. В основе удачного опыта, на взгляд докладчика, лежит поиск и закрепление привлекательной новизны, т.е. того, чего нет у других городов. В частности, для развития городов Тамбовской области можно использовать такие специфические и узнаваемые бренды, как «тамбовский волк», «тамбовская картошка», проведение ярмарок и фестивалей в городе Тамбове, для привлечения в город нерезидентов, инвесторов с целью его дальнейшего развития.

Рассмотрению проблемы креативного человеческого капитала как фактора экономического роста малых городов было посвящено выступление руководителя представительства ТГТУ в г. Моршанске Т.А. Бондарской.

Итоги конференции подвел Д.Е. Сорокин, который отметил, что сегодня развитие малых городов очень важно для России. Д.Е. Сорокин напомнил о том, что все развитые страны оказывают поддержку и вкладывают инвестиции в аграрный сектор, который тесным образом связан с экономикой малых городов. Развитие малых городов возможно лишь при условии развития всей страны.

A.V. KOLCHUGINA

Cand. Sc. (Econ.), senior researcher, Center of the federal relations and regional development, Institute of Economics, RAS

Kolchugina@inecon.ru

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

К РАЗВИТИЮ БЕЗ КРИЗИСОВ, ЕСЛИ ЭТО ВОЗМОЖНО...

Бондаренко В.М. Бескризисное развитие: Миф или реальность. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. – 304 с. (Relata Refero)

Книга В.М. Бондаренко, ведущего научного сотрудника Института экономики Российской академии наук, директора Международного фонда Н.Д. Кондратьева, действительного члена Российской академии естественных наук и Международной академии исследований будущего, посвящена важной и достаточно дискуссионной проблеме – стратегическому прогнозированию социально-экономических процессов. В ней решается задача нахождения методологического инструментария, позволяющего понять объективные причины возникновения и нарастания нынешнего глобального системного кризиса.

В книге представлена антология работ В.М. Бондаренко с 1983 по 2012 г., в которых, как она утверждает, «... по сути ... исследуется одна и та же проблема: почему человеку пока плохо в этом «лучшем из всех возможных миров» [с. 9]. Таким образом, она обращена к вечному и никогда не теряющему актуальности вопросу, который отражен в названиях и содержании главных работ нашего гениального соотечественника Ивана Посошкова и классика английской политической экономии Адама Смита. Еще два с половиной тысячелетия назад Аристотель, размышляя над этим же вопро-

сом, призывал рабовладельцев умирить свой пыл в погоне за излишним богатством, приобретаемым путем усиления эксплуатации рабов, иначе – угроза самому общественному строю, хрематистика, а не экономика, крах, а не «лучший из миров» [1, с. 30–33].

Первая из работ, включенных в рецензируемую книгу, называется «Демократия – категория экономическая» [с. 13–20] и написана еще в 1991 г. Здесь автор, отмечая эйфорию от «победы демократии» в августе того года, справедливо утверждает, что главное – вывести страну из экономического кризиса. При этом резонно, на мой взгляд, он замечает: «Вот все в один голос говорят, что надо осуществить переход к рынку. ... Но рынок – это не цель, а средство достижения цели, причем не единственное. И в зависимости от той цели, которую мы выберем, нам и нужен арсенал средств» [с. 13]. Исходя из того, что цель – это удовлетворение максимально разнообразных материальных и духовных интересов каждого конкретного человека, а показатель – время между возникновением интереса и его удовлетворением, В.М. Бондаренко подвергает критике как предперестроечное состояние экономики в нашей стране, с прилавками магазинов, заваленных неходовым товаром, так и возникшее в перестройку производство ради денег, в основном фиктивных, когда время между возникновением потребности и ее удовлетворением становится ещё больше из-за множества посредников. «А причина все та же, – правомерно считает она. – Так и не найден механизм взаимосвязи производства и потребе-

ния, неизбежное противоречие между которыми было бы созидательным, а не разрушительным. И какие бы меры по усугублению экономической реформы мы ни придумали, но если средства не будут соотноситься с целью, то выйти из кризиса не удастся» [с. 16]. Автор утверждает, что внедрение механизма согласования интересов людей как производителей и в то же время как потребителей – это единственный путь преодоления кризиса в минимальные сроки, что демократия, таким образом, – категория экономическая [с. 20].

В работе «Социально-экономическая характеристика общества, построенного в СССР, и программа выхода из общего кризиса» [с. 26–43] показано, что это общество нельзя было признать социалистическим, поскольку не было полностью преодолено отчуждение работника от средств производства. Здесь нельзя не согласиться с автором: действительно, на заключительном этапе существования СССР общенародный характер собственности был лишь юридической констатацией, но не фактом экономических отношений. Правда, на мой взгляд, здесь напрашивается дифференциация советской истории: во-первых, ленинский НЭП и сталинские пятилетки, когда социалистический принцип «каждому по труду» в основном осуществлялся на практике и, таким образом, была тенденция движения к социализму. А с приходом Н.С. Хрущева верх взяла уравниловка – антисоциалистический принцип, когда от еще не достроенного социализма мы стали откатываться назад, усиливая так и не преодоленное отчуждение работника от средств производства. Конечно, автор рецензируемой книги обращается ко второму из указанных двух этапов и его характеристики использует для оценки обобщающего итога истории СССР. Сегодня эта критика советского прошлого с формационной позиции воспринимается нами с глубоким вздохом сожаления при виде того, к чему мы пришли,

когда сам президент признает, что развал СССР – это глобальная геополитическая катастрофа, когда С.С. Губанов констатирует наш переход как возвращение от недоделанного социализма в еще более недоделанный капитализм [см., например: 2, с. 3–4], а А.В. Бузгалин видит траекторию нашего движения вообще к феодализму [см., например: 3, с. 565]. То есть олигархическая собственность взамен государственной вызвала ещё большее отчуждение работников от средств производства.

В следующей работе под названием «О периодизации различных форм человеческих отношений» [с. 44–48], написанной в 1999 г., В.М. Бондаренко, с одной стороны, вместе с Питиримом Сорокиным мечтает об обществе, которое воодушевляется «... духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью...» [с. 45], а с другой, – сожалеет, что «...тринадцать лет перестройки и экономических реформ привели к углублению кризиса и поставили Россию на грань выживания» [там же].

В работах 2000–2001 гг., посвященных построению информационного общества [с. 49–56], автор высказывает актуальную и сегодня мысль о том, что нельзя ждать окончания кризиса для развертывания информационных технологий, – само их использование должно быть одним из средств выхода из кризисной ситуации. Информационные технологии, по мнению автора рецензируемой книги, позволяют ускорять согласование интересов хозяйствующего субъекта и потребителя. В противном случае «пропасть между богатыми и бедными странами еще более возрастет. И столкновения неизбежны. А выход все тот же – ввести в систему отношений конкретного человека, дать равный доступ к благам при их возрастающем разнообразии на основе конкретного заказа и адресного производства, не производя ничего лишнего. Высвобождающиеся ресурсы необходимо направлять ... на ликви-

дацию неравномерности в развитии и внедрении информационных технологий, в том числе Интернета, в жизни различных слоев общества. Построение информационного общества для всех и в то же время для каждого конкретного человека в отдельности должно осуществляться для всех стран одновременно. В этом случае наступит синхронизация всех факторов производства, распределения, обмена и потребления ... » [с. 55–56]. Нарисованная автором модель будущего вызывает желание срочно приближать ее реализацию. Но ... исходя из признания первостепенности экономических интересов в классической политэкономии, из которой глубинно-сущностно исходит и автор рецензируемой книги, нельзя не видеть, что у «правящих бал» в сегодняшней экономике интерес вовсе не направлен на достижение прекрасной упомянутой модели. Как изменить эти экономические интересы? – остается пока вопросом.

Развивая изложенные ранее идеи, В.М. Бондаренко в 2001–2006 гг. свои исследования [с. 57–79] посвящает разработке новой методологии познания закономерностей в развитии человеческого сообщества, о чем было, в частности, доложено на международной научной конференции в Сиднее. В этих работах автор утверждает: «... с помощью разработанной нами методологии познания закономерностей в развитии социума мы получаем знание на опережение реальной действительности. Зная будущее, можно решить сегодняшние проблемы, исходя из целевой заданности, с минимумом всех видов затрат и ресурсов и в кратчайшие сроки ... и основной идеей глобальной цивилизации должна стать идея сведения всего человечества на земле во всех его структурах вплоть до конкретного человека в одно временное пространство» [с. 62]. При этом технологическому укладу, позволяющему до предела минимизировать время в согласовании интересов между

людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ, должны соответствовать только такие элементы системы (экономические, политические, социальные), которые в своем единстве обеспечат ориентацию производства на конкретного человека на основе его заказа, не производя ничего лишнего [см.: с. 62–64]. В последующих работах В.М. Бондаренко утверждает, что движение к глобальной катастрофе усилилось, поэтому остроактуальными стали обнаружение закономерностей, определяющих процессы, которые породили эти проблемы, и поиск возможных альтернатив развития ситуации. «Построение информационного общества для всех и в то же время для каждого конкретного человека в отдельности, – утверждается в работе, – должно осуществляться для всех стран одновременно на всем глобальном пространстве» [с. 85]. Ведь, как отмечает Бондаренко В.М. в следующих разделах книги [с. 87–93], «... трансформация общества происходит непрерывно. Другое дело – в какую сторону трансформируется общество. Оно может трансформироваться в сторону процветания, прогресса и создания условий для высокого качества жизни, под которым многие понимают не только уровень доходов, но и степень безопасности, качество здравоохранения, образования, коммунального обслуживания, транспорта и связи, состояние окружающей среды, доступность достижений культуры, ощущение собственной значимости в обществе и т.д. и т.п. А может трансформироваться в сторону, где нарушаются права человека, где большая часть населения прозябает в нищете, и где имеют место чудовищные по своей жестокости террористические акции ...» [с. 87]. Автор показывает, что с помощью ее новой методологии познания можно прогнозировать перспективы трансформации общества, и предупредить нежелательные изме-

нения его. Здесь развитие всего человеческого общества и его частей «... рассматривается как развитие целостной системы с позиции достижения единой цели...» [с. 88]. Отметив, «...что сегодня многие страны, в том числе и Россия, вслед за США приступили к разработке своих национальных инновационных систем, в арсенале которых разработки шестого технологического уклада: нанотехнологии, биотехнологии, фантастические информационные технологии, соединяющие мозг человека с компьютером, технологии систем безопасности...» [с. 91–92], она предупреждает: «Но если мир, как и сейчас, останется разноразмерным во времени между возникновением потребности и ее удовлетворением, ... то нет никакой гарантии, что эти достижения не будут использованы в разрушительных целях» [с. 92].

Итогом последующих исследований стал доклад В.М. Бондаренко на Втором всемирном конгрессе по глобальной цивилизации в Нью-Йорке в 2005 г. [см.: с. 94–107]. В нем она уточняет формулировку единой цели развития человеческого общества – как «...развитие конкретного человека во всем многообразии его материальных и духовных потребностей, вплоть до потребности достичь им высшего уровня разума при равном, свободном доступе к благам, при их бесконечном многообразии» [с. 96]. И, что очень важно, показывает, как предложенный ею новый методологический подход может послужить достижению этой цели. Автор подчеркивает чрезвычайную важность роли ООН как института, согласовывающего интересы человечества на глобальном уровне [с. 105–107]. А создание условий эволюционного развития общественной системы и каждого человека в отдельности по отношению к цели, сведение всего человечества в одно временное пространство – это приведение его к одинаковому, высокому уровню сознания» [с. 111].

Статья 2006-го года «Война и международная безопасность: взгляд из будущего» [см.: с. 113–124], полемизируя с утверждением Н.Н. Моисеева о невозможности рецептов спасения человечества, показывает, что «... если на эту проблему посмотреть сразу из будущего, а не из прошлого и настоящего, как это принято в традиционном научном знании, то получается, что человек может познать законы развития своего существования и научиться управлять этим развитием» [с. 114], и предлагает в этих целях концепцию автора. Здесь утверждается, что «... новое системное знание позволило обосновать возможность перехода на иную модель развития отношений между людьми, в которой по мере сокращения времени между возникновением духовной и материальной потребности человека и общества в целом и ее удовлетворением закономерно исчезают причины возникновения войн и возрастает уровень международной безопасности» [с. 124].

В работе 2008 г., выполненной при поддержке РГНФ, «Взгляд из будущего на формирование стратегии развития России, или есть ли у России несырьевое будущее?» [см.: с. 125–143], автор обосновывает положительный ответ на вопрос, вынесенный в название, при условии реализации предложенной ею новой методологии, то есть сокращения времени между возникновением потребности и ее удовлетворением, замещением при этом сырьевых энергоресурсов энергией человеческой мысли.

Высказанные ранее идеи получают дальнейшее развитие в работе «Прогнозирование будущего сквозь призму новой методологии познания, или прогнозировать будущее можно только из будущего» [с. 144–179]. Здесь дается более развернутая, обстоятельная характеристика новой методологии познания. Автор подвергает критическому анализу имеющиеся концепции по проблеме прогноиро-

вания, в частности, точку зрения академика Т.И. Ойзермана о невозможности предвидения будущего, поскольку «...мы не можем сегодня обладать нашим завтрашним знанием» [с. 149]. В.М. Бондаренко показывает, что указанная невозможность преодолевается новой методологией познания рассмотрением эволюции человеческого общества ради достижения единой цели.

Исследования, проведенные Бондаренко в 2008–2010 гг. [с. 198–218], нацеливают на разработку и реализацию стратегии социально-экономического развития России на основе предложенной автором новой методологии. Здесь, наверное, важно обратить внимание на следующее замечание В.М. Бондаренко: «... мое изучение творчества экономистов советского и постсоветского периода и зарубежных исследователей показало, что все они были основаны и продолжают основываться на построении теории методом обобщения эмпирических данных, в них используется огромное количество сведений, накопленных практикой и наукой. Такой путь оказался опасен, так как случайные тенденции в развитии общества были приняты и до сих пор принимаются за закономерные, и построенные на их основе обобщения и предложения по дальнейшему развитию общества вновь и вновь оказываются ошибочными и приводят к углублению экономического, финансового, социального, инфраструктурного, научно-технологического кризиса» [с. 207]. Она отмечает, что «...данный подход не давал и не дает ответы на следующие вопросы: Какова экономическая форма реализации собственности, чтобы предотвратить кризисы? Какими должны быть отношения между людьми и как они согласуются между собой по поводу производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ? Какие производительные силы и социально-политические структуры соответствуют этим

отношениям? И наоборот – какие отношения между людьми соответствуют сегодняшнему уровню развития достижений научно-технологического прогресса? Как все это вместе соотносится с целевым идеалом развития человеческого сообщества?» [с. 208].

В этих же разделах книги показано, как глядя из будущего, с позиции единой цели развития человеческого общества, с помощью выдвинутой автором концепции новой методологии познания можно получить адекватные ответы на эти вопросы.

В книге приведены результаты исследований 2011 г. [с. 219–230] обосновано, что «... на всем многовековом протяжении развития человеческого сообщества существуют только две парадигмы развития человеческой системы. Циклы, кризисы, хаос и все негативные явления – естественный продукт второй, опосредованной парадигмы развития. Новая модель жизнеустройства на каждом местном уровне – это в то же время прежняя, первая парадигма развития, основанная на непосредственной взаимосвязи между производством и потреблением, но на новом высокотехнологическом уровне» [с. 219]. В целях ускоренного формирования новой и в то же время прежней модели жизнеустройства автор предложила разработать и синхронно реализовать на местных уровнях комплексную целевую программу осуществления такой модели [с. 229–230]. При этом автор обращает внимание на следующие основные условия модернизации России путем перехода ее на новую парадигму развития [с. 231–245]: 1) политическая воля руководства страны; 2) разработка и реализация на каждом местном уровне одновременно комплексной целевой программы формирования новой модели; 3) понимание и принятие положения о том, что субъектами реализации этой программы станут одновременно государство, бизнес, общество и каждый конкретный человек; 4) обеспечение участия в раз-

работке этой модели всех наукоградов и инноградов страны и всего интеллектуального сообщества России; 5) обеспечение трансферта этой модели развития на всю территорию России. Все это, в свою очередь, как замечает автор, позволит обеспечить информационную и иную безопасность личности и территории. [с. 246–251].

В работе 2013 г. «Переход к бескризисному развитию – миф или закономерная реальность?» [с. 261–278] автор как бы подводит итог всей книге, призывает к практическому использованию предложенной новой методологии познания. В книге также помещены рецензии и отзывы российских и зарубежных ученых на работы В.М. Бондаренко [с. 279–297], где поддержаны ее идеи и положения. Я присоединяюсь к их мнениям и считаю, что рецензируемая книга решает крупную научную проблему, имеющую большую практическую значимость.

Новизна исследований В.М. Бондаренко заключается, на мой взгляд, в том, что:

– во-первых, для выявления объективных причин кризисного состояния в развитии человеческого общества как системы предлагается использовать системный методологический подход с позиции достижения единой объективно заданной конечной цели развития – удовлетворения высшей потребности конкретного человека стать совершенным в духовном, интеллектуальном и физическом планах с одновременным достижением высокого уровня сознания. Сам по себе системный подход не нов, но его использование в данном (целевом) контексте заслуживает внимания;

– во-вторых, в качестве методологического инструментария автор предлагает междисциплинарный подход, который продуктивен при рассмотрении многих вопросов, в том числе тесно связанных с человеком;

– в-третьих, автор ставит вопрос о выборе основного показателя, который

помог бы выразить все многообразие процессов, отделить сущность от явления, объективное от субъективного и выступить обобщающей оценкой, характеризующей позитивное или негативное развитие человеческого общества как системы по отношению к конечной цели. В качестве такого показателя предлагается «время» между необходимостью прийти к реализации единой цели развития и той реальностью, где находится в каждый момент времени общество в любом разрезе и каждый конкретный человек по отношению к этой цели. Сделан правомерный, на мой взгляд, вывод, что модель человеческих отношений, основанная на опосредованной связи между производством и потреблением, уже полностью себя исчерпала, неадекватна уровню развития производительных сил на базе информационных, космических и иных технологий.

Учитывая актуальность исследуемой проблематики и научную новизну книги В.М. Бондаренко, следует, считаю, оценить ее как существенный вклад в развитие обществознания, во-первых, по выявлению объективных причинно-следственных связей в появлении разноплановых проблем в современном развитии человеческого общества, а во-вторых, по проблемам согласования экономических интересов.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. Политика.
2. Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4. С. 3–32.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). М.: Культурная революция, 2009.

Доктор экономических наук, профессор
В.А. Гордеев

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ

1. К публикации в журнале принимаются оригинальные материалы на русском языке по экономике теоретического и прикладного характера, ранее нигде не опубликованные и не принятые к рассмотрению в других изданиях, оформленные в соответствии с указанными ниже требованиями.
2. Рукописи научных статей представляются в журнал в виде файла формата MS-Word (с расширением doc) и одного экземпляра распечатки. В случае пересылки материалов по электронной почте предоставлять распечатки не требуется. Шрифт Palatino Linotype, кегль 11, ключевые слова, аннотация, сноски – кегль 9. Фамилия автора – 11-й, заглавные, название статьи – заглавные жирные. Поля: верхнее – 1 см, левое – 2,1, нижнее – 1,2, правое – 1,4 см. Межстрочный интервал – одинарный.
3. В начале статьи дается следующая информация: фамилия, имя, отчество автора (или авторов через запятую) на русском и английском языках, название статьи (на русском и английском языках), краткая аннотация на русском и английском языках (не более 10 строк); ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 слов); JEL-коды, соответствующие тематике статьи на основе алфавитно-цифровой классификационной системы по экономической теории (Journal of Economic Literature).
4. Список литературы в конце статьи и ссылки на нее в тексте статьи должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.
5. После текста статьи (в том же файле) авторы указывают: полностью Ф.И.О., полные наименования ученых степеней и званий, должностей каждого автора, полные наименования организаций, где авторы работают и их адреса, контактные телефоны и e-mail.
6. Размер статьи не должен превышать одного печатного листа – 40000 знаков с пробелами. Рекомендуемый средний объем статьи – 20000 знаков с пробелами.
7. Присланные статьи подлежат рецензированию. Решение об опубликовании статьи в журнале принимается с учетом результатов рецензирования. Рукописи не возвращаются. При отклонении статьи замечания рецензентов и редколлегии авторам не сообщаются.
8. Редакция оставляет за собой право не ставить авторов в известность об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер.
9. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Компьютерная верстка: Гришина М.Ф.

Подписано в печать 07.04.2015.

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 1000 экз.

Печать офсетная. Заказ №150417-8

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Ториус77»

124482, Москва, Зеленоград, корп. 528, оф. 11, 12; тел./факс: 8-495-789-4765

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-129-07-10, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской
Академии наук», 2015